

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Интеллектуальные права: вызовы XXI века

**Сборник докладов VII Международной
научно-практической конференции
«Интеллектуальные права: вызовы XXI века»
(13–15 ноября 2025 г.)**

*Под редакцией канд. юрид. наук Д.В. Кожемякина, канд. юрид.
наук, доцента А.А. Рукавишниковой, канд. юрид. наук,
доцента А.Ю. Копылова, канд. юрид. наук, доцента
А.Ю. Чурилова, канд. юрид. наук, патентного поверенного
РФ С.В. Бутенко*

Томск
Издательство Томского государственного университета
2025

УДК 347.77/78

ББК 67.404.3

И73

И73 Интеллектуальные права: вызовы XXI века : сборник докладов VII Международной конференции «Интеллектуальные права: вызовы XXI века» (13–15 ноября 2025 г.) / под ред. Д.В. Кожемякина, А.А. Рукавишниковой, А.Ю. Копылова, А.Ю. Чурилова, С.В. Бутенко. – Томск : Издательство Томского государственного университета, 2025. – 228 с.
ISBN 978-5-908040-34-1

В сборник включены статьи и тезисы докладов участников VII Международной научно-практической конференции «Интеллектуальные права: вызовы XXI века», организованной в Томском государственном университете 13–15 ноября 2025 г.

Рассмотрены вопросы правовой охраны и защиты результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации как в России, так и в иностранных юрисдикциях.

Для патентных поверенных, специалистов в области интеллектуальной собственности, научных сотрудников, преподавателей высшей школы, аспирантов, магистрантов и студентов.

УДК 347.77/78

ББК 67.404.3

Научное издание подготовлено при поддержке «Газпромбанк» (Акционерное общество), Федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатента), Евразийского патентного ведомства (ЕАПВ) Евразийской патентной организации, Общества с ограниченной ответственностью «Патентно-правовая фирма «А. Залесов и партнеры», Общества с ограниченной ответственностью «Шехтман», Общества с ограниченной ответственностью «Агентство Интеллектуальной Собственности «Бутенко и Партнеры», коллегии адвокатов Свердловской области «Дедков и партнеры».

© Авторы статей, 2025

ISBN 978-5-908040-34-1

© Томский государственный университет, 2025

Григорий Петрович Ивлиев

*Президент Евразийского патентного ведомства,
научный руководитель Федерального института промышленной
собственности, кандидат юридических наук, info@eapo.org*

ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В XXI ВЕКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются вызовы для правового регулирования в сфере интеллектуальной собственности на национальном и международном уровнях. В числе рассматриваемых вопросов: использование охраняемых объектов в стандартах, применение международных и национальных норм для защиты, односторонние нелегитимные меры Европейского союза, ограничивающие российским заявителям получение правовой охраны в европейских странах, а также влияние цифровой трансформации на сферу интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: евразийская патентная система, стандарт-необходимые патенты, международные договоры

В рамках данной статьи автор хотел бы остановиться на ключевых вызовах регулирования в сфере интеллектуальной собственности, которые стоят на национальной и глобальной повестке. На некоторые из вопросов, касающихся развития законодательства, регуляторам только предстоит найти ответы.

Стандарт-необходимые патенты. На международной и российской повестке стоит вопрос о регулировании ситуаций, когда охраняемые объекты ИС используются в национальных или международных стандартах. В современной глобальной экономике совместимость устройств и систем является ключевым фактором успеха. Технические стандарты, такие как 5G, Wi-Fi, позволяют продуктам разных производителей беспрепятственно взаимодействовать друг с другом. Вместе с тем многие из этих стандартов

основаны на запатентованных технологиях. Это создает фундаментальное противоречие: с одной стороны, патент предоставляет его владельцу исключительное право на использование изобретения, с другой – для широкого внедрения стандарта необходим доступ к этой технологии для всех участников рынка.

В современном праве интеллектуальной собственности обсуждается концепция стандарт-необходимых патентов и связанных с ними обязательств по лицензированию на справедливых, разумных и недискриминационных условиях (Fair, Reasonable, and Non-Discriminatory, FRAND).

В ряде случаев правообладатели сами же являются разработчиками стандартов. Нередки случаи избыточного декларирования, когда декларируются патенты, которые на самом деле не являются необходимыми (исследования показывают, что реальная доля существенных патентов может составлять от 10 до 50% от всех задекларированных). Пример из Томской области: патент на полезную модель АО «НИКИ г. Томск» входит в ГОСТ 24334–2020 «Кабели силовые для нестационарной прокладки. Общие технические требования». Патентообладатель при этом является разработчиком стандарта.

Неурегулированность этого вопроса создает системные риски для целых отраслей экономики.

Вопросы охраны стандарт-необходимых патентов затрагивают три области права: патентное, договорное и конкурентное. При этом не выработано однозначного толкования понятий FRAND-лицензирования – «справедливых», «разумных», «недискриминационных» условий при определении обязательств лицензирования. Это вызывает затруднения как при проведении переговоров со сторонами, так и при рассмотрении споров, в том числе и при определении стоимости лицензии и размера компенсации. Отсутствует также общая методология оценки стоимости FRAND-лицензии.

Экосистема стандарт-необходимых патентов – это сложная процедура с отсутствием универсальных правил. Политики организаций по стандартизации, судебная практика и бизнес-модели сильно различаются. Неопределенность в отношении того, какие патенты действительно являются существенными и какова справедливая цена лицензии, порождает издержки и споры.

Вся система построена на поиске хрупкого баланса между вознаграждением инноваторов и обеспечением широкого и доступного доступа к стандартизированным технологиям.

Проблемным аспектом также остается низкая осведомленность разработчиков стандартов и производителей, а также глобальный характер споров: защита и лицензирование по стандарт-необходимым патентам зачастую охватывают множество юрисдикций и требуют от правообладателей глобальной стратегии.

Второй фундаментальный вопрос – применение международных и национальных норм для охраны и защиты прав ИС. Этот вопрос особенно остро проявляется при рассмотрении в Российской Федерации споров в отношении евразийских патентов – как по административной процедуре, так и в судебном порядке.

Значительная доля споров по евразийским патентам на национальном уровне рассматривается именно на территории России, их количество растет. Практика Суда по интеллектуальным правам (СИП) показывает, что одним из дискуссионных вопросов при рассмотрении споров по евразийским патентам оказывается соотношение евразийских норм и национального патентного права.

Например, в деле № СИП-664/2018 предметом стало решение Роспатента о признании недействительным на территории Российской Федерации евразийского патента на изобретение, интервал значений дозы которого составляет часть интервала этих значений в прототипе, известного из уровня техники. Это дело показало противоположные подходы Евразийского патентного ведомства (ЕАПВ), выдавшего евразийский патент, и Роспатента,

принявшего решение о признании евразийского патента недействительным на территории Российской Федерации, к вопросу охраноспособности так называемых «селективных» изобретений.

В целом практику СИП по спорам в отношении евразийских патентов пока нельзя назвать сформированной или устойчивой. Вместе с тем она имеет большое значение для гармонизации подходов к рассмотрению споров по евразийским патентам в странах ЕАПК.

С вопросом применения международных норм связан еще один существенный вызов для правообладателей – **односторонние нелегитимные меры в сфере интеллектуальной собственности**, которые препятствуют получению охраны в европейских странах российскими лицами.

Изначально подсанкционные лица не должны были иметь возможность пользоваться своими нематериальными активами и извлекать доход и получать доступ к чужой интеллектуальной собственности (с ними запрещено заключать лицензионные соглашения). Речь шла о «заморозке» прав. Новые санкционные пакеты расширяли охват. Уже в 2022 г. был включен запрет на оказание консультационных услуг россиянам. Пожалуй, самые масштабные меры из уже инициированных были введены с июня 2024 г. В 14-м пакете санкций были приняты самые чувствительные для россиян ограничения. С подсанкционных лиц из перечня они распространились на всех российских резидентов. Ведомства интеллектуальной собственности ЕС и государств-членов стали обязаны не допускать еще и регистрацию новых объектов, включая случаи, когда заявки были поданы до включения в подсанкционные списки, а также регистрировать передачу уже предоставленных прав. Рассмотрение уже поданных заявок приостанавливается, отчеты о поиске заявителю не отправляются, публикация товарных знаков не осуществляется. Ограничениями стали охвачены все уровни регистрации – ЕUIPO, национальные процедуры, международные системы регистрации (РСТ, Мадридская и Гагская системы).

Это грубое нарушение принципов национального режима, которые были заложены еще в конце XIX в. в базовых международных конвенциях. Получение правовой охраны объектов интеллектуальной собственности неправомерно увязывается с основаниями политического характера. Рестрикции вводятся на основании гражданства (для физических лиц) или принадлежности к российской юрисдикции (для юридических лиц).

Кроме того, ЕС нарушает ЕС ТРИПС с его принципами недискриминации и режимом наибольшего благоприятствования; договоры о международных системах регистрации; ряд «гармонизирующих» договоров, которые предусматривают исчерпывающие перечни формальных требований к заявкам.

Еще один аспект, который обсуждается на международном уровне, это **влияние цифровой трансформации на ИС**.

Хорошо известно, что фундаментальные основы международного регулирования сферы интеллектуальной собственности были заложены еще в конце XIX в. – тогда были приняты базовые конвенции: Парижская конвенция по промышленной собственности (1883) и Бернская конвенция по защите авторских прав (1886).

Может показаться парадоксальным, но несмотря на существенную эволюцию института ИС, базовые принципы правового регулирования остались неизменными.

Для промышленной собственности это:

- национальный режим (аналогичный объем охраны для граждан и резидентов третьих стран),
- право приоритета (при подаче заявок в третьи страны заявки в течение установленного срока считаются поданными в ту же дату, что и первая заявка).

Международные договоры установили общие правила и стандарты охраны, которыми патентные ведомства мира руководствуются и сегодня.

Сейчас фундаментальные принципы применяются к новым цифровым решениям и обозначениям. Например, в качестве промышленных образцов охраняются графические интерфейсы пользователя (скоро этот подход будет закреплён в России нормативно).

Мировое патентное сообщество на основе базовых принципов выработало подход к патентованию технических решений, использующих искусственный интеллект. Как известно, базовые нормы патентных законов не позволяют признать изобретениями программное обеспечение, математические методы, алгоритмы и софт как таковых. Вместе с тем патентную охрану могут получить технические решения в случае, когда ИИ обладает функциями, которые вносят технический вклад в уровень техники. Соответственно, в ЕАПВ решение об отнесении конкретного технического решения к изобретениям и оценка новизны изобретения проводятся в целом, а не по отдельным признакам.

Практика ЕАПВ в этом отношении совпадает с подходами крупнейших ведомств. Нетехнические признаки исключаются из охраны, однако они могут взаимодействовать с техническими признаками для обеспечения технического решения. Такая методология представляется востребованной со стороны ИТ-сектора. Практика экспертизы ЕАПВ полностью соответствует государственным целям стимулировать разработку и внедрение инструментов искусственного интеллекта.

Представляется, что регулирование прежде всего должно отвечать интересам разработчиков. В юридическом сообществе зачастую проходят дискуссии о возможности авторства и правоспособности у искусственного интеллекта. Вместе с тем важно учитывать, что система интеллектуальной собственности создавалась для стимулирования творчества людей. Искусственному интеллекту мотивация и права авторства не нужны. А вот разработчикам, которые вносят личный творческий вклад в создание новых решений, вкладывают большие ресурсы в оборудование,

обучение нейросетей, сбор дата сетов, такая поддержка очень нужна.

Говоря о вызовах в части правового регулирования, автор обращает внимание на то, что национальные законы, касающиеся охраны интеллектуальной собственности, не должны создаваться в вакууме. При создании на национальном уровне креативных правовых конструкций разработчик столкнется с трудностями при получении охраны за рубежом. С учетом интенсивных трансграничных торгово-экономических обменов, экспорта технологий и контента на глобальном и региональном уровнях разработчикам нужно обеспечить гармонизированные подходы патентных ведомств к охране. Нужны универсальные правила игры, которые создадут прозрачную и предсказуемую систему.

В целом можно констатировать, что несмотря на колоссальный технологический скачок, система ИС использует «классические» принципы и нормы, адаптируя их под новые условия цифровой экономики. Передовые технологии и изнутри меняют работу патентных ведомств. Все патентные ведомства так или иначе адаптируют свою работу по обработке заявок, проведению экспертизы, организации административных процессов с учетом тех возможностей, которые сейчас предоставляют новые цифровые технологии. Для многих ведомств повседневной реальностью становится использование 3D-моделей, искусственного интеллекта, технологий «больших данных».

Для евразийского региона обмен в части внедрения в работу новых информационных решений особенно важен. За счет интеграции, сопряжения систем, обмена данными и информацией мы можем избежать дублирования работ и сократить издержки каждого из национальных ведомств.

**ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРАВА
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ**

Виталий Олегович Калятин

Кандидат юридических наук, доцент, профессор Исследовательского центра частного права им. С.С. Алексеева при Президенте РФ, доцент департамента права цифровых технологий и биоправа факультета права НИУ ВШЭ, kalvit@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БАЗЫ ДАННЫХ, СОЗДАННОЙ С ПРИМЕНЕНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. В статье рассматривается, какие правовые последствия для использования базы данных влечет применение искусственного интеллекта. Указываются правовые риски, возникающие как для разработчика базы данных, так и для их пользователей.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, искусственный интеллект, базы данных, компьютерная модель

Объем информации, доступной человечеству, постоянно растет. По некоторым данным ожидается, что в 2025 г. будет создан 181 зеттабайт данных¹. Для того чтобы работать с такими объемами информации, нужны инструменты, и одним из самых важных является база данных. Применение искусственного интеллекта расширяет возможности этого инструмента. Но в то же время искусственный интеллект существенно влияет как на содержание баз данных, так и на их использование, что порождает ряд важных правовых проблем. Отсутствие понимания правовых последствий применения искусственного интеллекта для обработки информации способно создать серьезные угрозы и для создателя базы данных, и для пользователя, но на сегодня мало кто задумывается о последствиях этого.

¹ How much data is created every day. 2025. URL: <https://techjury.net/industry-analysis/how-much-data-is-created-every-day/> (дата обращения: 23.11.2025).

Рассмотрим некоторые из них.

Первым правовым последствием можно назвать неочевидность существования у базы данных автора. База данных в российском праве выступает в двух ипостасях: как объект авторского и смежного права, причем одна и та же база данных может подпадать под оба режима. Это означает, что потенциально даже у «инвестиционной» базы данных может оказаться автор, хотя это бывает и довольно редко в силу технического характера современных баз данных.

Творческий вклад автора базы данных традиционно устанавливался в отношении отбора и расположения материалов. Так, п. 2 ст. 10 Соглашения ТРИПС определяет, что «компиляции данных или иных материалов как в машиночитаемой, так и в другой форме, которые по причине отбора или расположения их содержания представляют результат творчества, должны охраняться как таковые». Российское законодательство также следует этому подходу, начиная с Закона РФ «Об авторском праве и смежных правах» (который в п. 1 ст. 11 говорил: «Автору сборника и других составных произведений (составителю) принадлежит авторское право на осуществленные им подбор или расположение материалов, представляющие результат творческого труда (составительство)») и кончая действующим Гражданским кодексом Российской Федерации, далее – «ГК РФ» (который в п. 2 ст. 1260 устанавливает, что «составителю сборника и автору иного составного произведения (антологии, энциклопедии, базы данных, интернет-сайта, атласа или другого подобного произведения) принадлежат авторские права на осуществленные ими подбор или расположение материалов (составительство)»).

Следуя этому подходу, вполне логично утверждать, что «авторские права на составные произведения, так же как и на производные, возникают только при наличии такого обязательного признака, как творческий характер деятельности автора сборника, выразившегося в подборе (отборе) или расположении материалов, включенных в составное произведение» [9].

Однако для больших баз данных отбор часто весьма ограничен, а расположение отдельных материалов не имеет существенного значения, так как по запросу пользователя поиск может быть проведен по любым критериям. Поэтому общим местом стало утверждение, что авторское право для современных баз данных не имеет большого значения, неэффективно оно и в отношении защиты инвестиций. Этим обусловлено и формирование смежного права изготовителя базы данных: «Целью самостоятельной охраны смежным правом содержания базы является защита инвестиций изготовителей таких баз, поскольку такая цель лишь авторско-правовой охраной базы данных достигнута быть не может» [10. С. 16].

Использование искусственного интеллекта казалось бы кардинально изменить ситуацию не может. Скорее наоборот, искусственный интеллект легко может взять на себя эти функции, еще более сузив пространство для творчества человека. Из этого вроде бы логично вытекает вывод, что говорить об авторстве человека на базы данных, созданные с использованием искусственного интеллекта, практически не приходится.

Однако такой вывод был бы ошибочен. Современные базы данных, особенно в случае подключения искусственного интеллекта, – не просто совокупность данных, доступная компьютеру. Для эффективной работы искусственного интеллекта ценность разных данных неодинакова, большое значение имеет подготовка данных, включая ее разметку, и т.д. И, безусловно, важна организация полученных данных, в том числе представление данных. В этом случае роль человека меняется – наряду с совершением действий, которые могут рассматриваться как технические, он выступает в роли организатора создания объекта, определяя условия подбора необходимых материалов и структурируя их расположение [8. С. 58].

Творчество человека может проявиться в формировании сложной системы отбора данных, определении многоуровневой структуры базы данных, ее параметров, необычного представления

данных и т.д. Причем проявление творчества в этих случаях может быть скрыто от пользователя базы данных, а следовательно, точно оценить ситуацию у него не получится. Но стоит помнить, что «пока не доказано иное, результаты интеллектуальной деятельности предполагаются созданными творческим трудом»¹. Следовательно, в случае применения искусственного интеллекта вероятность наличия творчества человека нельзя игнорировать, более того, она оказывается даже выше, чем ранее, и чем сложнее база данных, тем выше шанс, что в ее создании поучаствовал человек – пусть и в новых формах, а следовательно, приобрел права на части базы данных, которые будут воспроизводиться в последующих базах данных.

Следующий момент, требующий оценки – определение источника происхождения информации. Здесь необходимо принять во внимание сразу несколько обстоятельств. В частности, нужно определить, соблюдены ли условия разрешенного использования информации (с точки зрения ее конфиденциальности, наличия персональных данных и т.д.) и получено ли разрешение на использование объектов в рамках базы данных. Очевидно, что эти вопросы имеют значение и в отношении обычных баз данных, но там правовую оценку проводит лицо, отбирающее материалы и формирующее базу данных. В случае использования искусственного интеллекта не очевидно, что кто-то проводит аудит включаемых в базу данных искусственным интеллектом материалов, а значит, соответствующие правовые риски перекладываются на пользователя.

Важное значение имеет оценка источника информации, включенной в базу данных. Ценность информации, используемой искусственным интеллектом, неодинакова, причем она зависит от цели за-

¹ Пункт 80 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации».

проса. Так, если речь идет об оценке мнений пользователей интернета, то важен максимально широкий охват высказанных позиций; если требуется научно обоснованный вывод по определенному вопросу, то учитываться должны только определенные источники информации (например, академические публикации). В этой связи необходимо определить характер используемого датасета.

Особо осторожно нужно относиться к синтетическим данным, формируемым искусственным интеллектом при недостатке имеющейся информации, для снижения затрат, возможно, обеспечения конфиденциальности информации и в ряде других ситуаций. Последовательное использование синтетических данных компьютерной моделью приводит к снижению качества работы искусственного интеллекта, поскольку он опирается на усредненные данные (при этом могут отбрасываться критически значимые аномалии, необычные решения и т.д.), да еще не отражающие реальную ситуацию. Падает качество производимого моделью контента, а в конечном итоге это приводит к «коллапсу модели» [6].

Третье важное обстоятельство – непрозрачность функционирования искусственного интеллекта. Так, пользователь не может оценить полноту базы данных (с точки зрения оценки обоснованности включения или невключения в базу данных соответствующих материалов).

В то же время он не может установить и то, какие материалы были использованы при обучении модели и как они проявляются при подготовке ответа на запрос. Правомерен вопрос, может ли модель рассматриваться как база данных? Представляется, что существующее определение базы данных («представленная в объективной форме совокупность самостоятельных материалов (статей, расчетов, нормативных актов, судебных решений и иных подобных материалов), систематизированных таким образом, чтобы эти материалы могли быть найдены и обработаны с помощью электронной вычислительной машины (ЭВМ)»¹), достаточно

¹ Пункт 2 ст. 1260 ГК РФ.

широко, чтобы охватить и компьютерные модели, поскольку оно не связывает понятие базы данных с определенными типами данных или их представлений. Потенциально база данных может состоять даже из «сырых» данных.

Сомнение может вызвать применительно к рассматриваемой ситуации указание в законе на «самостоятельность материалов», учитывая, что модель будет включать в себя определенные цифровые показатели – «веса», определяющие соотношения соответствующих компонентов. Но важно понимать, зачем введен в закон критерий самостоятельности материалов. Его цель – исключить признание базой данных объектов, искусственно разделенных на части. Поэтому «самостоятельность» характеризует соотношение соответствующего материала с другими в контексте данной базы данных. Следуя этому подходу, Европейский суд правосудия отмечал, что ссылка на самостоятельные материалы относится к материалам, «которые могут быть отделены друг от друга без ущерба информационной, литературной, художественной, музыкальной или иной ценности...»¹. А Т. Аплин поясняет, что «самостоятельность» материалов означает их концептуальную или логическую независимость [1. Р. 47]. Представляется, что веса, отражающие отдельные взаимосвязи компонентов внутри модели, вполне могут рассматриваться как самостоятельные материалы в смысле законодательства о базах данных.

Но если мы признаем модель базой данных, то важно определить, в какой мере формирование этой базы данных может являться нарушением исключительных прав, в частности, может ли здесь иметь место воспроизведение чужих произведений. То, что мы имеем дело с числовым параметром, могло смутить разве что во второй половине прошлого века, когда всерьез обсуждался во-

¹ Fixtures Marketing Ltd v Organismos Prognostikon Agonon Podosfairou AE (ОПАП) C-444/02 (Grand Chamber, 9 November 2004). 2025. URL: <https://ipcua.eu/case?reference=C-444/02> (дата обращения: 27.11.2025).

прос о том, является ли цифровая форма воспроизведением произведения. Если модель позволяет восстановить объект, это значит, что воспроизведение имело место независимо от того, как сохранение объекта реализовано технически.

В недавнем решении Мюнхенского регионального суда было признано, что в ходе обучения модели происходит воспроизведение объектов, на которых она обучается¹. Другим примером может быть дело *Andersen v. Stability AI*, в котором судья отметил, что представленные истцами научные работы, демонстрирующие возможность воспроизведения обучающих материалов в виде результатов работы продуктов ИИ при использовании точных промптов, могут свидетельствовать о создании копии объекта в рамках модели [5]. Применительно к проблеме «запоминания» моделью соответствующих произведений в доктрине отмечалось: «Проблема заключается с тем, что “образцы”, изученные моделью, могут характеризоваться высокой степенью абстракции, выраженной специфичностью либо занимать промежуточное положение» [2. Р. 41], в этой связи «образец» может представлять собой именно изученный объект [2. Р. 42]. Кроме того, архитектура компьютерной модели может предусматривать сохранение определенных объектов, использованных для обучения, в целях контроля, проверки и т.д.

Отмеченное обстоятельство создаёт правовые риски как для разработчика компьютерной модели, так и для ее пользователя, поскольку созданный по его запросу объект может содержать объект, права на который принадлежат третьим лицам, или его существенные части.

¹ Case ID: 42 O 14139/24, 11.11.2025. 2025. URL: <https://www.justiz.bayern.de/gerichte-und-behoerden/landgericht/muen-chen-1/presse/2025/11.php> (дата обращения: 25.11.2025); О значении см. также: URL: <https://www.juve-patent.com/cases/open-ai-must-pay-gema-licence-fee-for-chatgpt/> (дата обращения: 25.11.2025).

Наконец, следует учитывать и возможность галлюцинации модели. Под галлюцинацией можно понимать «сгенерированный контент, который является бессмысленным или не соответствует предоставленному исходному контенту» [7. Р. 4]. При этом галлюцинации являются неотъемлемой чертой современных больших языковых моделей, поскольку они не ищут точное вхождение, а предсказывают следующий информационный токен.

Это позволяет работать с широким кругом запросов без привязки к точному значению, но платой за это является большой процент ложных результатов. Например, по правовым запросам большие языковые модели общего назначения выдают галлюцинации в среднем от 58 до 82% случаев [3]. Специализированные правовые системы снижают процент ложных результатов, но при этом возрастает и неполнота ответов [4]. Таким образом, мы получаем или неполные ответы, или ответы, с высокой степенью вероятности содержащие ложную информацию, причем подаваемую моделью как достоверную.

Все это создает значительные риски для пользователей соответствующих баз данных. Хорошо известны случаи, когда в судебных процессах адвокаты ссылались на несуществующие прецеденты и даже «придуманные» нейросетью нормы закона¹. Сказанное, конечно, не означает необходимости отказаться от использования искусственного интеллекта для подготовки своей позиции, но делать это надо с осторожностью, проверяя полученные результаты.

Помимо рассмотренных выше обстоятельств, важно также учитывать, что возникающие правовые риски наследуются базами данных и создаваемыми компьютерными моделями. Дело в

¹ MATA v. AVIANCA INC (2023) United States District Court, S.D. New York, 2025. URL: <https://caselaw.findlaw.com/court/us-dis-crt-sd-new-yor/2335142.html> (дата обращения: 27.11.2025); PARK v. KIM (2024) United States Court of Appeals, Second Circuit. 2025. URL: <https://caselaw.findlaw.com/court/us-2nd-circuit/115760381.html> (дата обращения: 27.11.2025).

том, что как базы данных, так и компьютерные модели редко разрабатываются с нуля, как правило, они имеют в своей основе предшественников, а это означает, что в новой модели воспроизводятся все проблемные моменты, существовавшие в ее предшественниках. Это может касаться правовой чистоты используемых материалов, указания авторов, полноты и точности представленной информации. Интересный вопрос – перенос в новые базы данных элементов, созданных творческим трудом человека (например, созданных им структурных элементов и т.д.), что позволяет претендовать такому лицу на получение прав в отношении новых баз данных.

Но, возможно, самый конфликтный вопрос – интерпретация данных. Обучение модели основывается на разметке данных, а это определяет, как в дальнейшем модель будет рассматривать соответствующие объекты и какие давать им характеристики. Стоит ли потом удивляться ответам, которые дают популярные российские языковые модели своим пользователям? Так или иначе «воспроизводящиеся» правовые риски – реальность, с которой придется мириться пользователям искусственного интеллекта, но и которую надо учитывать в своих планах по использованию современных баз данных.

Этот краткий анализ правовых рисков, возникающих при применении искусственного интеллекта для создания баз данных, показывает, что вовлечение искусственного интеллекта в сферу обработки данных не просто позволяет работать с большими объемами данных, но существенно влияет на условия использования содержания баз данных. Это важно учитывать и законодателю, и практикам.

Литература и источники

1. Aplin T. Copyright Law in the Digital Society // The Challenges of Multimedia. 2005. 288 p.
2. Cooper F., Grimmelmann J. The Files in The Computer: On Copyright, Memorization and Generative AI. URL: <https://arxiv.org/pdf/2404.12590> (дата обращения: 26.11.2025).

3. Dahl M., Magesh V., Suzgun M., Ho D.E. Large Legal Fictions: Profiling Legal Hallucinations in Large Language Models // *Journal of Legal Analysis*, 2024. № 16. P. 64–93. URL: https://dho.stanford.edu/wp-content/uploads/Hallucinations_JLA.pdf (дата обращения: 26.11.2025).

4. Magesh V., Surani F., Dahl M., Suzgun M., Manning C.D., Ho D.E. Hallucination-Free? Assessing the Reliability of Leading AI Legal Research Tools // *Journal of Empirical Legal Studies, Journal of Empirical Legal Studies*. 2025. P. 1–27. URL: https://dho.stanford.edu/wp-content/uploads/Legal_RAG_Hallucinations.pdf (дата обращения: 17.11.2025).

5. Schor Z. Andersen v. Stability AI: The Landmark Case Unpacking the Copyright Risks of AI Image Generators // *NYU Journal of Intellectual Property And Entertainment Law*. 2 Dec. 2024. URL: <https://jipel.law.nyu.edu/andersen-v-stability-ai-the-landmark-case-unpacking-the-copyright-risks-of-ai-image-generators/> (дата обращения: 26.11.2025).

6. Shumailov I., Shumaylov Z., Zhao Y., Papernot N., Anderson R., Gal Y. AI models collapse when trained on recursively generated data // *Nature*. 24 July 2024. P. 755–759. URL: <https://www.nature.com/articles/s41586-024-07566-y> (дата обращения: 24.11.2025).

7. Ziwei J.I., Nayeon Lee, Rita Frieske, Tiezheng Yu, Dan Su, Yan Xu, Etsuko ISHII, Yejin Bang, Delong Chen, Wenliang Dai, Ho Shuchan, Andreamadotto. Survey of Hallucination in Natural Language Generation // *ACMComput. Surv.* February 2022. Vol. 1, № 1. URL: <https://arxiv.org/pdf/2202.03629> (дата обращения: 24.11.2025).

8. Калятин В.О. Право интеллектуальной собственности. Правовое регулирование баз данных. М. : Юрайт. 2024. 193 с.

9. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / под ред. В.В. Погуляева. М. : Юстицинформ, 2008.

10. Корнеев В.А. Программы для ЭВМ, базы данных и топологии интегральных микросхем как объекты интеллектуальных прав. М., 2010. 163 с.

Алексей Юрьевич Чурилов

*Аналитик НОЦ «Интеллектуальная собственность и интеллектуальные права» ЮИ НИ ТГУ, кандидат юридических наук, доцент,
Lefikantor@yandex.ru*

**«ИСПОЛЬЗОВАНИЕ» ИСКУССТВЕННЫМ
ИНТЕЛЛЕКТОМ ОБЪЕКТОВ
АВТОРСКОГО ПРАВА: НЕПОПУЛЯРНОЕ МНЕНИЕ
О ПРЕДЕЛАХ ОХРАНЫ**

Аннотация. Статья посвящена проблемам использования искусственным интеллектом объектов авторского права. В статье обосновывается позиция об отсутствии у ИИ творческого труда и невозможности предоставления авторско-правовой охраны результатам его деятельности. Доказывается, что обучение ИИ на охраняемых произведениях не является нарушением исключительного права, поскольку представляет собой практическое применение положений произведения в смысле ст. 1270 ГК РФ.

Ключевые слова: искусственный интеллект, авторское право, творческий труд, исключительное право, обучение нейросетей

Стремительное развитие технологий генеративного искусственного интеллекта (далее в работе – ИИ) ставит перед правом интеллектуальной собственности беспрецедентные вызовы. Системы, способные создавать тексты, изображения, музыку и видео на основе обучения на массивах данных, радикально меняют представление о результатах творчества и авторстве, поскольку в последнее время все сложнее становится отличить результат, созданный ИИ, от результата, созданного человеком. В центре дискуссии в настоящее время находятся два ключевых вопроса, от ответа на которые зависит как дальнейшее правотворчество, так

и правоприменение: следует ли предоставлять авторско-правовую охрану результатам, созданным искусственным интеллектом, и является ли «использование» охраняемых произведений для обучения ИИ нарушением исключительного права.

Традиционно считается, что авторское право преследует две взаимосвязанные цели. С одной стороны, авторское право служит культурной и социальной задаче – развитию науки, литературы и искусства, обогащению культурного достояния общества [1]. С другой – оно основано на утилитаристской теории, согласно которой предоставление исключительных прав стимулирует создание новых произведений, что в итоге повышает общественное благосостояние [2]. Как подчеркивал почти 100 лет назад Верховный суд США, экономическая философия авторского права основана на убеждении, что поощрение индивидуальных усилий автора посредством предоставления ему возможности получить экономические выгоды является наилучшим способом продвижения общественного благосостояния¹. Эта система стимулов основана на предпосылке, что создание оригинальных произведений требует значительных интеллектуальных усилий и затрат времени, что порождает тем самым право на вознаграждения у авторов [3]. Без правовых механизмов обеспечения защиты от копирования третьими лицами авторы не имели бы достаточной мотивации для творческой деятельности, поскольку их работа могла быть беспрепятственно воспроизведена и распространена без их согласия и компенсации [4].

Вместе с тем с точки зрения искусственного интеллекта эта система стимулов теряет свою логическую основу. ИИ не нуждается в мотивации для создания произведений – он действует по заложенным алгоритмам, обрабатывая данные с высокой скоростью и в огромных объемах. Более того, с учетом того, что целью предоставления охраны и исключительных прав авторам является

¹ Mazer v. Stein, 347 U.S. (1954).

не только утилитаристское повышение общественного благосостояния, но и развитие культуры, предоставление авторам стимула для творческой работы, сложно предположить ситуацию, в рамках которой разумно и логично было бы охранять те результаты, которые может создать ИИ, не являющийся ни субъектом права, ни способным к творческой деятельности¹. ИИ не обладает свободой воли и намерением создать произведение. Творчество предполагает осознанный выбор автора, его субъективное видение, которое выражается через произведение и является выражением личности автора [7. С. 283]. Искусственный интеллект лишен этой способности, поскольку он не «хочет» что-то выразить, не имеет замысла, не переживает творческий процесс.

Так, если искусственный интеллект создает какой-то рассказ, это не что иное, как строго логический процесс, который не включает в себя творческий элемент. На первый взгляд может показаться, что логическая расстановка слов с точки зрения заложенного в ИИ алгоритма может представлять собой творческий труд – ведь автор-человек тоже расставляет слова в логической связи друг с другом. Вместе с тем, как отмечают зарубежные исследователи, ИИ не знает, не понимает и не оценивает коннотационное значение слов, которые он располагает в простом логическом порядке [8]. Действительно, следует согласиться с тем, что соединение слов друг с другом становится актом творческого творения не благодаря логической связи слов между собой, но благодаря тем смысловым и эмоциональным категориям, которые вкладывает автор в свою работу, а также тому эмоциональному и духовному отклику, которые хочет вызвать автор своим произведением [9]. Очевидно, что действия искусственного интеллекта, перебирающего слова и расставляющего их согласно машинной логике, не обладают такими качествами и тем намерением, которое есть у человека [10].

¹ На это совершенно справедливо указывается в литературе [5, 6].

Очевидно, что та скорость, с которой может создавать тексты, картины или музыку компьютер, в итоге сведет на нет любые творческие начала в сфере авторского права. Многие творческие действия сведутся к созданию произведений, основанных на переработке результатов деятельности ИИ. В условиях предоставления исключительных прав как на объекты авторского права на те результаты, которые созданы ИИ, может возникнуть ситуация отсутствия каких-либо творческих инициатив со стороны людей. Если бы результаты деятельности ИИ получали авторско-правовую охрану, возникла бы парадоксальная ситуация: рынок был бы наводнен охраняемыми произведениями, созданными без интеллектуальных усилий человека, что создало бы непреодолимые барьеры для настоящего творчества. Поэтому даже если гипотетически допустить, что ИИ способен к «творчеству», предоставление правовой охраны миллионам результатов, создаваемых за секунды, противоречит самой идее авторского права как инструмента стимулирования творческого труда человека. Исследования подтверждают, что доступ к генеративному ИИ повышает индивидуальные показатели креативности, но одновременно снижает разнообразие создаваемого контента [11]. При этом в настоящее время даже ведется дискуссия о возможности отнесения такого явления, как промт к объекту авторского права [12].

Российское гражданское законодательство также исходит из принципа творческого труда именно гражданина – физического лица как необходимого условия возникновения авторских прав. Согласно ст. 1257 ГК РФ, автором произведения науки, литературы или искусства признается гражданин, творческим трудом которого оно создано. В этой связи очевидно, что сгенерированный без творческого участия человека контент объектом авторского права считаться не может в связи с отсутствием субъекта – автора [13]. Эта норма также исключает возможность признания ИИ автором, поскольку машина не обладает способностью к творчеству как минимум с юридической точки зрения. В то же

время, по мнению исследователей, если человек внес значительный творческий вклад в произведение, созданное с помощью ИИ, такое произведение может получить охрану [14]. При создании объектов с участием ИИ необходимо установить, какой творческий вклад внес человек в конечный результат. Этот вклад может заключаться в сборе и подготовке предварительного материала для обучения ИИ, разработке инструкций для создания объекта, выборе одного из нескольких сгенерированных ИИ результатов и его совершенствовании [15].

Вместе с тем хотелось бы сделать небольшую ремарку, касающуюся «творческого вклада» пользователя в работу генеративного ИИ, дающего основания для признания за пользователем авторства. В соответствии с п. 83 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», соавторами не признаются лица, осуществлявшие лишь руководство деятельностью автора (авторов), но не принимавшие творческого участия в создании результата интеллектуальной деятельности (например, руководители, другие должностные лица). Зачастую пользователь как раз и осуществляет такое «общее руководство» деятельностью ИИ. В этой связи не совсем понятно, почему в настоящее время принято утверждать о творческом труде таких «пользователей» с учетом отрицания творческого участия, например научных руководителей.

Довольно интересным является предложение исследователей «сравнить получившийся результат генерации нейросети, РИД, созданный машиной, с другими, уже существующими произведениями или с другими РИД, созданными этой же машиной» [16] для выявления того, является ли произведение результатом творческой деятельности. Однако такая логика может в итоге привести к тому, что потенциально станет возможным признание за ИИ авторства, поскольку некоторые порождаемые результаты действительно крайне сложно отличить от тех, которые создаются

людьми, при том, что для признания результата объектом авторского права необходим не только объективно существующий внешний результат, но и внутренний процесс творческой деятельности автора, создающего этот результат.

Правовые системы различных стран последовательно отказываются признавать ИИ автором произведений. Например, в США Бюро авторских прав неоднократно подтверждало, что человеческое авторство является необходимым условием для получения охраны и ИИ не может быть автором¹.

Отказ от распространения на результаты, созданные искусственным интеллектом, авторско-правового режима охраны позволит избежать еще одной проблемы, связанной с использованием в деятельности ИИ охраноспособных результатов интеллектуальной деятельности, созданных людьми. Традиционный подход предполагает, что если на основе существующего объекта был создан новый, то можно вести речь о создании производного произведения и, как следствие, о потенциальном нарушении исключительного права автора.

Производное произведение, согласно действующему российскому законодательству, представляет собой переработку другого произведения, и создание производного произведения без согласия правообладателя оригинального произведения образует нарушение исключительного права [17].

Вместе с тем искусственный интеллект не создает объекта авторского права в традиционном понимании, поскольку, как уже отмечалось ранее, не способен к творчеству, следовательно, вряд ли можно вести речь о нарушении исключительного права автора как при создании произведения, так и, что особенно важно, при обучении ИИ. Процесс обучения нейронных сетей принципиально отличается от создания производных произведений человеком. Когда данные о произведениях различных авторов вводятся

¹ Thaler v. Perlmutter, 687 F. Supp. 3d 140 (D.D.C. 2023).

в компьютерную систему, алгоритм анализирует, синтезирует и выявляет статистические закономерности и ассоциации в обрабатываемых данных.

Представляется справедливым отметить, что такое использование вообще вряд ли следует считать использованием объекта авторского права как такового – ИИ использует лишь те логические структуры, которые содержатся в этом объекте, не воспринимая их как единое творческое целое, то есть использования объекта авторского права не происходит.

Это наблюдение согласуется с фундаментальным принципом авторского права – разграничением идей и их выражения, ведь авторское право защищает не идеи, факты или концепции, а форму их выражения [14]. ИИ в процессе обучения извлекает именно не охраняемые элементы – идеи, факты, структуры, закономерности языка, не копируя творческое выражение этих неохраноспособных элементов как таковое.

Как справедливо отмечается в научной литературе, информационная составляющая объектов авторских прав лежит вне права интеллектуальной собственности, представляя собой метафизическую категорию и явление объективной реальности [18]. Когда искусственный интеллект обрабатывает произведения для обучения, он оперирует именно информационной составляющей, не затрагивая охраняемую творческую форму. Процесс копирования (воспроизведения) информационной составляющей произведений в память искусственного интеллекта с целью его обучения следует рассматривать не как воспроизведение произведений в смысле ст. 1270 ГК РФ, а как извлечение информации. Особое значение в этом контексте приобретает норма п. 3 ст. 1270 ГК РФ, согласно которой практическое применение положений, составляющих содержание произведения, в том числе положений, представляющих собой техническое, экономическое, организационное или иное решение, не является использованием произведения. Эта норма закрепляет важный принцип – авторское право

охраняет лишь форму, но не содержание произведения [19]. Простое чтение книги вряд ли можно считать использованием по смыслу ст. 1270 ГК РФ. Когда человек читает книгу, он воспринимает информацию, идеи, сюжет, но не воспроизводит произведение по смыслу ст. 1270 ГК РФ¹. Аналогично, когда искусственный интеллект «читает» (обрабатывает) произведения в процессе обучения, он также не осуществляет использование в смысле ст. 1270 ГК РФ, поскольку извлекает именно информационную составляющую объекта авторского права, логические структуры и закономерности, не создавая копий произведения для последующего распространения. В этом смысле можно провести аналогию с поисковыми системами, которые также не используют произведения по смыслу ст. 1270 ГК РФ при своей работе [21]. В этой связи можно утверждать, что ИИ не «конкурирует» с авторами или художниками. Вместо этого он использует их работы принципиально иным образом. Системы машинного обучения обычно копируют произведения не для доступа к их охраняемому творческому выражению идеи, а для получения как раз неохраняемых компонентов, к примеру идей, фактов и языковых структур и зависимостей.

Следует отметить, что в отношении использования произведений для обучения ИИ в российском законодательстве пока нет специальных норм, непосредственно регулирующих этот вопрос, в связи с чем довольно остро стоит вопрос правомерности использования при обучении ИИ охраноспособных объектов [22]. Статья 1270 ГК РФ устанавливает перечень способов использования произведения, включая воспроизведение, распространение, публичный показ, перевод, переработку и др. Однако, как было

¹ Как справедливо отмечается в литературе, «чтение печатного экземпляра книги можно считать использованием произведения в повседневном смысле, однако в авторско-правовом смысле это действие не является использованием произведения» [20].

отмечено выше, практическое применение положений, составляющих содержание произведения, не является использованием произведения по смыслу этой статьи.

Однако в некоторых случаях, разумеется, возможно и нарушение исключительного права, в частности, права на воспроизведение. Так, в деле *Andersen v. Stability AI Ltd.* группа художников утверждала, что Stability AI, Midjourney и DeviantArt скопировали миллиарды изображений из интернета, включая защищенные авторским правом работы истцов, чтобы обучить свои платформы для создания изображений AI, такие как Stable Diffusion, Midjourney Product, DreamStudio и DreamUp, без разрешения или компенсации. Суд постановил, что утверждения истцов о том, что Stability получила копии охраняемых авторским правом работ истцов, использовала эти работы для обучения Stable Diffusion, а затем сохранила или включила обучающие изображения, полученные из их работ, в Stable Diffusion в виде сжатых копий, были достаточными для того, чтобы заявить о прямом нарушении¹.

Законодатели и правоприменители зарубежных стран по-разному подходят к вопросу использования произведений для обучения ИИ. В США превалирует доктрина добросовестного использования (fair use), которая в контексте ИИ получила название «fair learning» [23]. Юристы все чаще соглашаются, что системы машинного обучения должны иметь возможность использовать базы данных для обучения в рамках установленной доктрины добросовестного использования. Это понимание находит поддержку в судебной практике, в частности, США. Суды США в делах *Authors Guild v. Google*² и *Authors Guild v. HathiTrust*³ постановили, что копирование произведений, охраняемых авторским правом, в целях интеллектуального анализа текста и данных (text and data mining) является добросовестным использованием, а не

¹ *Andersen v. Stability AI Ltd.*, 700 F. Supp. 3d 853 (N.D. Cal. 2023).

² *Authors Guild v. Google* 804 F.3d 202 (2nd Cir. 2015).

³ *Authors Guild v. HathiTrust*, 755 F.3d 87 (2d Cir. 2014).

нарушением. В недавнем решении по делу *Bartz v. Anthropic* федеральный суд постановил, что использование охраняемых авторским правом работ, в случае их правомерного приобретения, в качестве входных данных для аналитического обучения квалифицируется как добросовестное использование и не является нарушением¹. Суд провел интересную аналогию: «Если бы кто-то прочитал все современные классические произведения из-за их исключительного выражения, запомнил их и затем подражал смеси их лучших сочинений, нарушило бы это Закон об авторском праве? Конечно, нет. Цель и характер использования произведений, защищенных авторским правом, для обучения больших языковых моделей генерировать новый текст были по своей сути трансформативными»².

В этом же деле суд отметил, что, когда обученная модель воспроизводит в выходных данных нечто существенно похожее на обучающие данные, имеются «веские основания» для утверждения о нарушении прав на воспроизведение и создание производных произведений оригинальных работ. Однако это случается относительно редко и обычно свидетельствует о технической проблеме – явлении «запоминания» (*memorization*) обучающих данных.

В Европейском союзе действует Директива о цифровом едином рынке (*DSM Directive*), которая содержит исключения для интеллектуального анализа текста и данных (*text and data mining*). Статьи 3 и 4 этой директивы устанавливают, что пользователи могут анализировать произведения, защищенные авторским правом, в целях машинного обучения при условии законного доступа к материалам³.

¹ *Bartz v. Anthropic PBC*, 3:24-cv-05417, (N.D. Cal.). Отмечу, что суд признал добросовестным использованием только действия в отношении приобретенных *Anthropic* на законных основаниях книг, но не в отношении 7 миллионов пиратских книг.

² *Bartz v. Anthropic PBC*, 3:24-cv-05417, (N.D. Cal.). Order on fair use No. C 24-05417 WHA.

³ DIRECTIVE (EU) 2019/790 OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL of 17 April 2019 on copyright and related rights in the Digital Single

Япония приняла законы, разрешающие копирование для целей машинного анализа текста и данных в исследовательских целях. Согласно измененному законодательству, пользователям разрешено анализировать произведения, охраняемые авторским правом, в целях машинного обучения [24].

Подводя итог, следует заключить, что анализ проблем использования искусственным интеллектом объектов авторского права приводит к нескольким ключевым выводам. Во-первых, предоставление авторско-правовой охраны результатам деятельности ИИ противоречит фундаментальным целям авторского права – стимулированию человеческого творчества и развитию культуры. Скорость и объем генерации контента ИИ создают угрозу вытеснения человеческого творчества, превращая творческую деятельность преимущественно в создание производных произведений на основе результатов работы алгоритмов, тем самым сводя на нет саму концепцию человеческого творчества.

Во-вторых, использование охраняемых произведений для обучения искусственного интеллекта не должно рассматриваться как нарушение исключительных прав авторов. ИИ не создает объекта авторского права в процессе обучения; он использует лишь логические структуры, информационную составляющую произведений, не воспринимая их как единое творческое целое. Такое использование не является использованием произведения в смысле ст. 1270 ГК РФ, поскольку представляет собой практическое применение положений, извлечение данных и закономерностей, а не воспроизведение охраняемой формы выражения.

Отказ от распространения авторско-правового режима на результаты деятельности ИИ и признание законности использова-

Market and amending Directives 96/9/EC and 2001/29/EC. Подчеркну, что в Директиве речь идет об исключении для анализа текста и данных только в случае «reproductions and extractions of lawfully accessible works» – воспроизведения и извлечения данных из работ, полученных правомерно.

ния произведений для обучения моделей позволят избежать чрезмерной концентрации прав, стимулируют инновации и обеспечат необходимый баланс между интересами правообладателей и общества в целом. Задача законодателя и правоприменителя – обеспечить, чтобы развитие технологий искусственного интеллекта служило обогащению культурного пространства, а не его обеднению, поддерживало человеческое творчество, а не заменяло его.

Литература и источники

1. Чурилов А.Ю. Производные произведения через призму теорий интеллектуальной собственности // ИС. Авторское право и смежные права. 2017. № 5. С. 63–65.
2. Цивилистическая концепция интеллектуальной собственности в системе российского права: монография / А.А. Богустов, В.Н. Глонина, М.А. Рожкова и др. ; под общ. ред. М.А. Рожковой. М. : Статут, 2018. 271 с.
3. Hughes J. The Philosophy of Intellectual Property // *Georgetown Law Journal*. 1988. № 77. P. 287–366.
4. Zachary L. Catanzaro. Beyond Incentives: Copyright in the Age of Algorithmic Production // *NYU Journal of Intellectual Property & Entertainment Law*. 2023. Vol. 15, № 1. P. 1–55.
5. Витко В. Анализ научных представлений об авторе и правах на результаты деятельности искусственного интеллекта // ИС. Авторское право и смежные права. 2019. № 3. С. 5–22.
6. Ситдикова Р.И. Содержание понятия «нарушение исключительных прав» // ИС. Промышленная собственность. 2020. № 12. С. 5–13.
7. Дозорцев В.А. Интеллектуальные права. Понятие. Система. Задачи кодификации : сборник статей. М. : Статут, 2003. 416 с.
8. Carys Craig, Ian Kerr. The Death of the AI Author // *Ottawa Law Review*. 2021. Vol. 52, № 1. P. 31–86.
9. Buccafusco Christopher. A theory of copyright authorship // *Virginia Law Review*. 2016. Vol. 102, № 5. P. 1229–1295.
10. Чурилов А.Ю., Трынченков Н.А. Охраноспособность результатов, созданных с помощью искусственного интеллекта // *Интеллектуальные права в цифровую эпоху: избранные аспекты*. М. : Государственный академический университет гуманитарных наук, 2023. С. 140–152.
11. Anil R. Doshi, Oliver P. Hauser. Generative AI enhances individual creativity but reduces the collective diversity of novel content // *Science Advances*. 2024. Vol. 10, Is. 28. 9 p. doi: 10.1126/sciadv.adn5290

12. Ковалева Н.Н., Рожкова М.А. Является ли промт объектом авторского права: аргументы «за» и «против» // Труды по интеллектуальной собственности. 2025. Т. 5, № 4. С. 107–115.
13. Борисова Л.В. О понятии искусственного интеллекта и правовом режиме произведений, созданных им без творческого участия человека // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 8. С. 100–113.
14. Артемова А.Н. Авторское право в эпоху нейросетей // ИС. Авторское право и смежные права. 2024. № 3. С. 47–53.
15. Кольддорф М., Семенова И. *Auctor ex machina*. Подходы стран англосаксонского и континентального права к машинному творчеству // Закон. 2022. № 5. С. 167–187.
16. Кантемиров Р.М. Критерии возникновения соавторства при создании произведений с использованием генеративного искусственного интеллекта // Актуальные проблемы российского права. 2025. № 6. С. 97–110.
17. Романов Г.В. Критерии охраноспособности произведения в авторском праве // Российский юридический журнал. 2021. № 3. С. 79–93.
18. Тиунова А.И. Информационная и творческая составляющие объектов авторских прав: соотношение и значение для свободного использования // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2021. № 3. С. 169–177.
19. Копылов А.Ю. Охраняемые и неохраняемые элементы произведения // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 2. С. 76–87.
20. Матвеев А.Г. Правила и стандарты доказывания факта использования компьютерной программы как объекта авторского права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2024. № 2. С. 311–326.
21. Дорохова Н. Некоторые выводы из судебной практики по делам о нарушении авторских и смежных прав в интернете // ИС. Авторское право и смежные права. 2016. № 4. С. 31–37.
22. Виноградов В.А. Правовые аспекты развития систем искусственного интеллекта // Закон. 2023. № 12. С. 157–166.
23. Andrew W. Torrance, Bill Tomlinson. Training Is Everything: Artificial Intelligence, Copyright, and Fair Training // Paper arXiv.2305.03720. 2024. doi: 10.48550/arXiv.2305.03720
24. Fernández-Molina J.C., Esteban de la Rosa F. Copyright and Text and Data Mining: Is the Current Legislation Sufficient and Adequate? // Libraries and the Academy. 2024. № 3. P. 653–672.

**ОХРАНОСПОСОБНОСТЬ ОБЪЕКТОВ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ**

Олег Игоревич Абраменко

*Патентный поверенный РФ, ЕАПВ, судебный эксперт,
специалист по патентованию в сфере информационных технологий
(ITPATENT), info@itpatent.ru*

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПАТЕНТОВАНИЮ ИТ-РЕШЕНИЙ: АНАЛИЗ ПРАКТИК РОССИИ, США, ЕПВ

Аннотация. В рамках статьи рассматриваются различные подходы к патентованию компьютерно-реализуемых изобретений в РФ, ЕПВ, США с иллюстративными примерами, показывающими интерпретацию патентными ведомствами реальных случаев из практики.

Ключевые слова: ИТ-патент, компьютерное изобретение, алгоритм

В условиях экспоненциального роста цифровой экономики и повсеместного внедрения технологий искусственного интеллекта вопросы правовой охраны ИТ-решений приобретают первостепенное значение. Традиционные механизмы, такие как авторское право, демонстрируют свою ограниченность, уступая место патентной защите как основному инструменту капитализации и защиты инноваций. Если авторское право охраняет лишь исходный код как литературное произведение, оставляя незащищенным сам алгоритм и функциональную сущность решения, то патентное право позволяет монополизировать именно технологическое ядро продукта. С развитием ИИ-инструментов, способных к автоматизированному рефакторингу, обфускации и даже созданию нового кода, ценность авторского права снижается, а значимость патентования алгоритмической составляющей, напротив, возрастает. В данной статье мы рассмотрим современные подходы к экспертизе и патентованию ИТ-решений в ключевых юрисдикциях: Российской Федерации, США и Европе.

1. Патентование ИТ-решений в Российской Федерации: от «серой зоны» к новой реальности.

История патентования программного обеспечения в России прошла несколько этапов. До 2020 г. эта сфера находилась в условной «серой зоне»: патенты выдавались, однако основным камнем преткновения оставались традиционные критерии новизны и изобретательского уровня. Период с 2020 по 2024 г. можно охарактеризовать как «шторм», вызванный неоднозначностью толкования п. 5 ст. 1350 Гражданского кодекса РФ, который исключает из патентоспособности программы для ЭВМ как таковые, что приводило к отсутствию предсказуемости в решениях экспертизы, часто экспертиза принимала решения об отказе в выдаче довольно формально, без анализа сути заявленного решения.

Переломным моментом стало вступление в силу приказа Министерства экономического развития РФ от 15.03.2024 № 148 [1], который внес существенные изменения в правила экспертизы. Этот документ впервые в российской практике ввел формализованные определения изобретений и полезных моделей в области информационных технологий.

Так, изобретением в области ИТ теперь рассматриваются технические решения, относящиеся к продуктам или способам, которые характеризуются использованием программируемых многофункциональных средств, и по меньшей мере один из признаков которых осуществляется при помощи программного обеспечения. Аналогичное определение, но применительно к устройствам дано и для полезных моделей.

Новые правила также ввели понятие результатов, приравненных к техническим: состоящие в получении с помощью программируемого (настраиваемого) многофункционального средства:

– данных об искомым физических, химических или биологических параметрах, в том числе вероятностных, материального объекта, в том числе объекта природы, либо процесса, происходящего с материальным объектом, полученных путем обработки

исходных данных об указанных параметрах материального объекта либо процесса, связанных с искомыми параметрами зависимости, основанной на природных закономерностях;

– информации путем семантической обработки текста на естественном языке, причем параметры полученной информации, например, достоверность, полнота, релевантность, качество ранжирования результатов поиска, качество машинного перевода, могут быть объективно оценены с помощью методики оценки, известной из уровня техники до даты приоритета изобретения или раскрытой в документах заявки.

Таким образом, решили один из проблемных вопросов, связанных с отказами в выдаче, когда экспертиза интерпретировала достигаемый ИТ-решением результат как заключающийся только в получении информации и достигающийся только благодаря применению математического метода, программы для электронной вычислительной машины или используемого в ней алгоритма.

Несмотря на значительное прояснение правил, часть технических решений все еще остается в «серой зоне», например:

– компьютерное моделирование (3D-моделирование), САД, где нет связи с физическими объектами;

– различные применения блокчейн-технологий, так как их часто связывают с решениями в области финансов, экономики.

Такая неясность как при выдаче, так и при оспаривании, заставляет заявителей рассматривать альтернативные пути защиты, например, через Евразийское патентное ведомство (ЕАПВ), в котором подход более сущностный.

В ЕАПВ считают, что может быть признано изобретением техническое решение, не относящееся как таковое к объектам, перечисленным в правилах 3(3) или 3(4) Инструкции [2], в котором признаки, характеризующие программу для ЭВМ, имеют техническую взаимосвязь с другими техническими признаками (являются этапами способа, узлами или блоками устройства) и обеспечивают вклад в достижение заявленного технического результата.

Подход USPTO: Двухэтапный тест Alice/Mayo [3]

В Соединенных Штатах Америки центральным инструментом для оценки патентоспособности ИТ-решений является двухэтапный анализ, сформированный решениями Верховного суда по делам Alice Corp. v. CLS Bank International [4] и Mayo v. Prometheus [5]. Этот тест призван отделить изобретения от абстрактных идей, не подлежащих патентованию. Из всего теста нас интересует наиболее существенный, 2-й шаг, разбитый на 2 этапа.

На первом этапе анализа (Шаг 2А) эксперт определяет, направлена ли формула изобретения на одно из судебных исключений: закон природы, природное явление или абстрактную идею. Если формула описывает, например, математическую концепцию или мыслительный процесс, она подпадает под исключение, и анализ переходит на следующий этап (2Б).

На втором этапе (Шаг 2Б) эксперт выясняет, содержит ли формула изобретения «изобретательскую концепцию», т.е. нечто «значительно большее», чем сама абстрактная идея. Простого указания на реализацию абстрактной идеи с использованием стандартного компьютера недостаточно. Изобретение должно либо улучшать функционирование самого компьютера, либо представлять собой конкретное техническое усовершенствование в другой технологической области.

Практика применения этого теста наглядно иллюстрируется примерами из руководства USPTO [6].

Пример 1 (фрагмент формулы)

Специализированная интегральная схема для искусственной нейронной сети (ИНС) содержит:

- множество нейронов, организованных в виде массива, где каждый нейрон включает в себя регистр, микропроцессор и по меньшей мере один вход;
- множество синаптических цепей, каждая из которых включает память для хранения синаптического веса, причем каждый

нейрон соединен по меньшей мере с одним другим нейроном посредством одной из множества синаптических цепей.

Пункт формулы изобретения признан патентоспособным, поскольку оно представляет собой физическое устройство, а не абстрактную идею. Формула изобретения описывает не алгоритм или математическую концепцию, а конкретную аппаратную структуру: микросхему с физическими компонентами (нейронами, регистрами, микропроцессорами, синаптическими цепями и памятью).

Формула не содержит ссылок на «судебные исключения» (этап 2А), такие как абстрактные идеи, математические формулы или мыслительные процессы. Несмотря на то, что работа нейросети основана на математике, сам заявленный объект – это аппаратная структура. Поскольку изобретение является конкретным техническим устройством и не подпадает под категорию абстрактных идей, оно успешно проходит проверку на патентоспособность, и дальнейший, более сложный анализ (этап 2Б) не требуется.

Пример 2

Способ использования искусственной нейронной сети (ИНС), включающий:

- а) получение на компьютер непрерывных обучающих данных;
- б) дискретизацию компьютером непрерывных обучающих данных для получения входных данных;
- в) обучение компьютером ИНС на основе входных данных и выбранного алгоритма обучения для получения обученной ИНС, причем выбранный алгоритм обучения включает алгоритм обратного распространения ошибки и алгоритм градиентного спуска;
- г) обнаружение одной или нескольких аномалий в наборе данных с использованием обученной ИНС;
- д) анализ одной или нескольких обнаруженных аномалий с использованием обученной ИНС для получения данных об аномалиях;
- е) вывод данных об аномалиях из обученной ИНС.

Пункт формулы изобретения признан непатентоспособным, поскольку он направлен на абстрактную идею и не содержит изобретательской концепции. Суть изобретения – это метод, который включает в себя **мыслительные процессы** (такие как дискретизация данных, обнаружение аномалий и их анализ, которые человек может выполнить в уме) и **математические концепции** (алгоритмы обучения нейросети).

В совокупности это составляет абстрактную идею, которая не подлежит патентованию. В формуле не описано, как эта абстрактная идея интегрируется в конкретное практическое применение. Вместо этого она лишь предписывает выполнять эти абстрактные шаги. Указание на то, что все действия выполняются «на компьютере», не спасает ситуацию, поскольку компьютер используется как стандартный инструмент для реализации абстрактной идеи, без каких-либо специфических технологических усовершенствований самого компьютера или процесса. Шаги по получению и выводу данных являются стандартными, общеизвестными и рутинными действиями, которые не добавляют ничего изобретательского к основной идее.

Пример 3

Способ использования искусственной нейронной сети (ИНС) для обнаружения вредоносных сетевых пакетов, включающий:

- а) обучение компьютером ИНС на основе входных данных и выбранного алгоритма обучения для получения обученной ИНС, причем выбранный алгоритм обучения включает алгоритм обратного распространения ошибки и алгоритм градиентного спуска;
- б) обнаружение одной или нескольких аномалий в сетевом трафике с использованием обученной ИНС;
- с) определение того, что по меньшей мере одна обнаруженная аномалия связана с одним или несколькими вредоносными сетевыми пакетами;

d) обнаружение адреса источника, связанного с одним или несколькими вредоносными сетевыми пакетами, в режиме реального времени;

e) отбрасывание одного или нескольких вредоносных сетевых пакетов в режиме реального времени;

f) блокирование будущего трафика от данного адреса источника.

Пункт формулы изобретения признан патентоспособным. Ключевое отличие от непатентоспособного Примера 2 заключается в том, что данный способ не просто анализирует данные, а интегрирует эту аналитику в конкретное практическое применение с реальным техническим результатом.

Как и в предыдущем случае, первоначальные шаги (обучение ИНС, обнаружение аномалий и их соотнесение с вредоносными пакетами) по-прежнему рассматриваются как абстрактная идея, включающая математику и мыслительные процессы. В отличие от Примера 2, этот пункт формулы не останавливается на анализе. Он включает последующие шаги, которые являются конкретными действиями, а не мыслительными процессами:

– Обнаружение адреса источника вредоносных пакетов.

– Отбрасывание (удаление) этих пакетов в режиме реального времени.

– Блокировка будущего трафика от этого источника.

Эти действия, не могут быть выполнены человеком в уме (особенно в режиме реального времени), представляют собой усовершенствование в технической области сетевой безопасности. Изобретение не просто выявляет проблему, оно активно и автоматически решает её, повышая безопасность сети.

Практика Европейского патентного ведомства (ЕПВ)

Технический характер и подход COMVIK. Основополагающим документом для экспертизы в ЕПВ является Европейская патентная конвенция (ЕПК) [7]. Статья 52 ЕПК устанавливает, что

европейские патенты выдаются на любые изобретения во всех областях техники, если они новы, имеют изобретательский уровень и промышленно применимы. Та же статья содержит перечень исключений, к которым относятся программы для ЭВМ, но с ключевой оговоркой «как таковые» («as such»). Это означает, что программа для ЭВМ исключается из патентоспособности только в том случае, если она не производит никакого «дополнительного технического эффекта» при ее выполнении на компьютере.

Экспертиза в ЕПВ использует так называемый «двухступенчатый подход». На первом этапе оценивается наличие у изобретения «технического характера». Это относительно невысокий барьер, и наличие в формуле изобретения технических средств, таких как компьютер или сеть, обычно является достаточным. Второй этап, оценка изобретательского уровня, является основным и наиболее сложным препятствием.

Для оценки изобретательского уровня ЕПВ выработало специальный подход, известный как COMVIK / дело T 641/00 [8]. Его суть заключается в том, что формула изобретения может содержать как технические, так и нетехнические признаки (например, относящиеся к бизнес-методу). Однако при оценке изобретательского уровня учитываются только те признаки, которые вносят вклад в решение технической проблемы. Нетехнические признаки, не взаимодействующие с техническими элементами для достижения технического эффекта, игнорируются. Экспертиза как бы «фильтрует» признаки формулы, чтобы определить те из них, которые способствуют достижению технического эффекта, и именно они оцениваются на предмет неочевидности.

Ключевым вопросом становится определение «технического эффекта». Четкого определения в ЕПК нет, оно сформировано практикой Апелляционных палат. Технический эффект должен выходить за рамки обычного физического взаимодействия между программой и компьютером. Примерами могут служить воздействие на физическую сущность в реальном мире (например,

управляющий сигнал для станка), повышение эффективности использования ресурсов компьютера (экономия памяти, повышение пропускной способности сети) или взаимодействие с пользователем, решающее конкретную техническую проблему.

Практика Апелляционных палат ЕПВ иллюстрирует эти принципы. Например, отображение медицинских данных с целью сделать их «более интуитивными» не было признано техническим эффектом (Т 1442/16 30.08.2019) [9], так как интуитивность – субъективная категория. В то же время визуальное выделение расчетной точки приземления на дисплее самолета было признано техническим решением (Т 0013/18 12.04.2019) [10], поскольку такое представление информации повышает безопасность процесса посадки, что является объективным техническим эффектом.

Заключение

Анализ подходов ведущих патентных ведомств мира показывает, что, несмотря на различия в терминологии и методологии, общая тенденция направлена на разграничение патентоспособных технических инноваций от непатентоспособных абстрактных идей.

Российская практика, с принятием новых правил, движется в сторону большей формализации и предсказуемости, вводя конкретные определения и допустимые признаки для ИТ-решений. Подход USPTO, основанный на тесте Alice/Mayo, фокусируется на выявлении «изобретательской концепции», которая преобразует абстрактную идею в конкретное практическое применение. Европейское патентное ведомство, в свою очередь, через подход COMVIK ищет «дополнительный технический эффект», который решал бы конкретную техническую проблему.

Во всех юрисдикциях успешное патентование ИТ-решения зависит от способности заявителя доказать, что его изобретение не просто автоматизирует известный процесс, а представляет собой

технический вклад, улучшающий существующие технологии или создающий новые.

Литература и источники

1. Приказ Минэкономразвития России от 15.03.2024 № 148 «О внесении изменений в некоторые приказы Минэкономразвития России по вопросам государственной регистрации изобретения и полезной модели, а также проведения предварительного информационного поиска изобретения и полезной модели» // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. М., 2025.

2. Патентная инструкция к Евразийской патентной конвенции (Часть I. Изобретения). URL: <https://www.eapo.org/documents/voprosy-pravovoj-ohrany-izobretenij/patentnaya-instrukciya-k-evrazijskoj-patentnoj-konvenzii/> (дата обращения: 12.11.2025).

3. Двухэтапный тест Alice/Mayo. URL: <https://www.bitlaw.com/guidance/patent/applying-step-two-of-Alice-Mayo-test.html> (дата обращения: 12.11.2025).

4. Alice Corp. v. CLS Bank Int'l, 573 U.S. 208 (2014). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/573/208/> (дата обращения: 12.11.2025).

5. Mayo v. Prometheus. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/573/208/> (дата обращения: 12.11.2025).

6. United States Patent and Trademark Office. URL: <https://www.uspto.gov/sites/default/files/documents/2024-AI-SMEUUpdateExamples47-49.pdf> (дата обращения: 12.11.2025).

7. Конвенция о выдаче европейских патентов (Европейская патентная конвенция) подписана 05.10.73 г. в Мюнхене. URL: https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/exhibition_corr_ormatted.pdf (дата обращения: 12.11.2025).

8. Решение Технического апелляционного совета Европейского патентного ведомства (ЕПВ), вынесенное 26 сентября 2002 года по делу Т 641/00. URL: <https://www.epo.org/en/boards-of-appeal/decisions/t000641ep1> (дата обращения: 12.11.2025).

9. Решение Технического апелляционного совета Европейского патентного ведомства (ЕПВ), вынесенное 30 августа 2019 года по делу Т 1442/16. URL: <https://www.alfapatent-standvoka.com/tr/t1442-16/> (дата обращения: 12.11.2025).

10. Решение Технического апелляционного совета Европейского патентного ведомства (ЕПВ), вынесенное 12 апреля 2019 года по делу Т 0013/18. URL: <https://www.epo.org/en/boards-of-appeal/decisions/t180013eu1> (дата обращения: 12.11.2025).

Иван Иванович Истомин

*Руководитель группы Патентного отдела Патентно-правовой фирмы
«А. Залесов и партнеры», istomin@azalesov.com*

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ПОЛЕЗНЫХ МОДЕЛЕЙ В РФ И ЗА РУБЕЖОМ

Аннотация. Статистика ВОИС и национальных патентных ведомств подтверждает, что все большую значимость для заявителей приобретает такой объект промышленной собственности, как полезная модель. При этом не все знают, что правовую охрану при помощи патента на полезную модель можно получить в значительном ряде стран, однако требования, предъявляемые к полезным моделям в разных странах, достаточно серьезно разнятся. В данной статье приведен анализ особенностей правовой охраны полезных моделей в РФ и за рубежом.

Ключевые слова: полезная модель, зарубежное патентование

Введение

Полезная модель – это особый вид патентных прав, позволяющий получить охрану для разработанного технического решения. Существуют разные мнения относительно того, должен ли существовать такой объект промышленной собственности или нет, а если и должен, то в каком виде. Однако поскольку данный объект охраняется и охраняется в достаточно значительном ряде стран, необходимо уметь им пользоваться и выстраивать стратегию получения правовой охраны, в том числе и за рубежом, с учетом особенностей правовой охраны, которые предусмотрены законодательством конкретных стран.

Патент на полезную модель зачастую становится для заявителей привлекательным инструментом охраны ввиду своих особен-

ностей, например, из-за того, что к полезной модели предъявляются менее жесткие требования, а значит, даже небольшое усовершенствование может быть защищено. Общая стоимость патентования полезных моделей ниже по сравнению с изобретением. При этом зарубежное патентование полезных моделей напрямую предусмотрено как Парижской конвенцией, так и Договором о патентной кооперации. Но, несмотря на такую привлекательность данного объекта, стоит учитывать, что не во всех странах предоставляется охрана техническим решениям при помощи патента на полезную модель.

Популярность охраны при помощи патента на полезную модель растет. Отчеты Роспатента и ВОИС говорят о росте заинтересованности заявителей в таком виде охраны. В частности, Роспатент говорит о 40% приросте поданных заявок и 28% приросте выданных патентов [1. С. 13]. ВОИС также указывает на рост количества заявок на 3,9% [2. С. 7]. Более того, согласно отчету ВОИС, РФ стоит на втором месте в мире после Китая по количеству поданных заявок на полезные модели.

Перед обсуждением особенностей правовой охраны полезных моделей стоит также отметить плюсы и минусы такого вида охраны в сравнении с изобретением.

В качестве плюсов можно выделить то, что:

- не все условия патентоспособности проверяются или экспертиза не проводится вообще;
- срок получения правовой охраны ниже;
- получаемая правовая база более устойчива.

В качестве минусов можно выделить то, что:

- зачастую список охраноспособных объектов ограничен;
- общий срок правовой охраны короче;
- могут применяться особые требования при оценке нарушения патента.

Данные плюсы и минусы приведены с учетом особенностей правовой охраны полезных моделей в РФ и могут варьировать в

зависимости от требований законодательства каждого отдельного государства. Далее проведем анализ особенностей правовой охраны полезных моделей в РФ.

1. Особенности правовой охраны полезных моделей в РФ.

Российским законодательством полезные модели выделены в качестве отдельного объекта промышленной собственности, который предназначен для охраны технических решений. При этом определены следующие особенности правовой охраны для полезных моделей в сравнении с изобретением:

- максимальный срок правовой охраны – 10 лет;
- в качестве полезной модели может быть защищено только техническое решение, относящееся к устройству;
- полезная модель должна соответствовать только двум условиям патентоспособности: новизна и промышленная применимость;
- при оценке нарушения патента на полезную модель не применяется эквивалентность, т.е. полезная модель признается использованной в продукте, только если продукт содержит каждый признак полезной модели, приведенный в независимом пункте содержащейся в патенте формулы полезной модели.

Дополнительно стоит отметить, что законодательство РФ предусматривает возможность преобразования заявки на выдачу патента на изобретение в заявку на выдачу патента на полезную модель, а также, в соответствии с п. 3 ст. 1398 ГК РФ, наделяет патентообладателя правом подачи заявления о преобразовании патента на изобретение в патент на полезную модель.

Однако преобразование возможно только во время экспертизы заявки на выдачу патента на изобретение и до ее публикации, но не позднее дня принятия решения о выдаче патента на изобретение (или, в случае принятия решения об отказе в выдаче патента на изобретение или о признании заявки отозванной, до истечения срока, до которого можно соответствующее решение оспорить)

или во время оспаривания патента, в случае если патент на изобретение признается недействительным полностью и соответствует требованиям и условиям патентоспособности, предъявляемым к полезным моделям. Охрану в качестве полезной модели можно получить и при помощи ее выделения из другой заявки на изобретение или полезную модель.

Касательно того, что в качестве полезной модели может быть защищено только техническое решение, относящееся к устройству, необходимо отметить, что недавно произошли изменения в Требованиях ПМ [3], в которые было введено понятие «полезная модель в области информационных технологий». В соответствии с п. 35 Требований ПМ, техническое решение, относящееся к устройству, которое содержит программируемое (настраиваемое) многофункциональное средство или является программируемым (настраиваемым) многофункциональным средством, по меньшей мере один из признаков которого осуществляется при помощи программного обеспечения, рассматривается как полезная модель в области информационных технологий.

В п. 36 (1) Требований ПМ даны более подробные комментарии относительно того, что понимается под полезной моделью в области информационных технологий, в частности, в качестве такого объекта может быть рассмотрено компьютерное устройство или программное (настраиваемое) многофункциональное средство, основанное на применении искусственного интеллекта.

Однако, несмотря на введение понятия «полезная модель в области информационных технологий», в Требованиях ПМ не были внесены изменения в определение характеристики технического результата, как это было сделано для изобретений в Требованиях ИЗ [4]. Согласно данным изменениям, для изобретений также вводится понятие «результаты, приравняемые к техническим». Согласно п. 42 Требований ИЗ, к техническим приравниваются результаты, состоящие в получении с помощью программируемого (настраиваемого) многофункционального средства:

– данных об искомым физических, химических или биологических параметрах, в том числе вероятностных, материального объекта, в том числе объекта природы, либо процесса, происходящего с материальным объектом, полученных путем обработки исходных данных об указанных параметрах материального объекта либо процесса, связанных с искомыми параметрами зависимостью, основанной на природных закономерностях;

– информации путем семантической обработки текста на естественном языке, причем параметры полученной информации, например, достоверность, полнота, релевантность, качество ранжирования результатов поиска, качество машинного перевода, могут быть объективно оценены с помощью методики оценки, известной из уровня техники до даты приоритета изобретения или раскрытой в документах заявки.

Тот факт, что по полезным моделям не ввели схожих изменений в части технического результата, говорит о дополнительном ограничении, которое необходимо учитывать при подготовке материалов заявки на полезную модель. При формулировании технического результата необходимо руководствоваться строгими ограничениями п. 35 и 35(1) Требований ПМ, согласно которым:

а) к техническим относятся результаты, представляющие собой явление, свойство, а также технический эффект, являющийся следствием явления, свойства, объективно проявляющиеся при изготовлении либо использовании полезной модели и, как правило, характеризующиеся физическими, химическими или биологическими параметрами;

б) не считаются техническими результаты, которые:

– достигаются лишь благодаря соблюдению определенного порядка при осуществлении тех или иных видов деятельности на основе договоренности между ее участниками или установленными правилами;

– заключаются только в получении информации и достигаются только благодаря применению математического метода,

программы для электронной вычислительной машины или используемого в ней алгоритма;

– обусловлены только особенностями смыслового содержания информации, представленной в той или иной форме на каком-либо носителе;

– заключаются в занимательности и (или) зрелищности осуществления или использования полезной модели.

При этом анализ последних публикаций патентов на полезную модель говорит о том, что ведомство достаточно лояльно подходит к рассмотрению заявок в части анализа технического результата и, соответственно, совокупности существенных признаков. При проведении экспертизы по существу заявок на полезные модели подход при анализе технического результата и оценке совокупности существенных признаков больше схож с подходом при экспертизе по существу заявок на изобретения.

В качестве примера можно привести две недавние публикации патентов на полезную модель, а именно: патенты РФ № 235190 и № 236332. Обе эти полезные модели характеризуются наличием модулей искусственного интеллекта, благодаря работе которых получают данные об искомым физическим или биологическим параметрах человека, на основании которых корректируют работу устройства.

Рассмотрим ряд особенностей правовой охраны полезных моделей за рубежом.

2. Особенности правовой охраны полезных моделей за рубежом.

Анализ мировой практики показал, что на текущий момент уже более 100 стран предоставляют возможность получения правовой охраны для полезных моделей. Объект может иметь различные названия в разных странах, например, малый патент, упрощенный патент и т.п. В любом случае способ получения охраны за рубежом схож со способом получения охраны за рубежом для изобретений. Существует два способа:

– прямая подача в интересующих странах, в которых предусмотрена охрана при помощи патента на полезную модель, в соответствии с Парижской конвенцией;

– подача международной заявки в соответствии с Договором о патентной кооперации с последующим переходом на национальные фазы в интересующих странах, в которых предусмотрена охрана при помощи патента на полезную модель.

В качестве дополнительной возможности получения охраны при помощи патента на полезную модель за рубежом можно выделить возможность преобразования заявки/патента на изобретение в заявку/патент на полезную модель, если это предусмотрено законодательством конкретного государства.

Более того, ст. 44 Договора о патентной кооперации также предполагает возможность испрашивать два вида охраны в государствах, законодательством которого допускается, что наряду с испрашиванием патента или какого-либо одного из видов охраны можно испрашивать еще и другой вид охраны.

Рассмотрим более подробно особенности правовой охраны полезных моделей в странах ближнего зарубежья и наиболее интересующих российского заявителя странах мира, а также особенности правовой охраны в региональных системах охраны, которые предусматривают охрану для полезных моделей.

2.1. Особенности правовой охраны полезных моделей в странах ближнего зарубежья.

Обычно заявителей интересует получение охраны в странах, входящих в Евразийский таможенный союз, однако зачастую заявителей также интересуют и другие страны ближнего зарубежья или страны бывшего СССР. К таким странам, например, можно отнести Грузию или Азербайджан, поэтому они также включены в анализ ниже.

2.1.1. Республика Армения. Такой объект, как полезная модель, не предусмотрен законодательством Армении, однако есть аналогичный объект под названием краткосрочный патент на изобретение. В соответствии с Законом Республики Армения о

патентах в качестве изобретения, охраняется техническое решение в любой области, которое относится к продукту (в частности, к устройству, веществу, биотехнологическому продукту) или к способу (к процессу осуществления действий над материальным объектом с помощью материальных средств), в том числе к применению продукта или способа с определенным значением [5].

Краткосрочные патенты на изобретение должны соответствовать следующим условиям патентоспособности: новизна, изобретательский уровень (в упрощенном формате, изобретение не должно следовать напрямую из уровня техники), промышленная применимость. При экспертизе заявки на краткосрочное изобретение осуществляется проверка соответствия заявленного изобретения условиям патентоспособности.

Максимальный срок охраны – 10 лет.

2.1.2. Республика Беларусь. В соответствии с Законом Республики Беларусь о патентах на изобретение, полезную модель, промышленный образец, полезной моделью, которой предоставляется правовая охрана, признается техническое решение, относящееся к устройствам [6].

Полезные модели должны соответствовать следующим условиям патентоспособности: новизна и промышленная применимость. При экспертизе заявки на полезную модель проверка соответствия заявленной полезной модели условиям патентоспособности не осуществляется.

Максимальный срок охраны – 10 лет.

2.1.3. Республика Казахстан. В соответствии с Патентным законом Республики Казахстан, в качестве полезной модели охраняются технические решения в любой области, относящиеся к продукту (устройству, веществу, штамму микроорганизма, культуре клеток растений или животных), способу (процессу осуществления действий над материальным объектом с помощью материальных средств), а также применению известного продукта или способа по новому назначению либо нового продукта

по определенному назначению, за исключением терапевтических и хирургических способов лечения людей или животных [7].

Полезные модели должны соответствовать следующим условиям патентоспособности: новизна и промышленная применимость. При экспертизе заявки на полезную модель проверка соответствия заявленной полезной модели условиям патентоспособности не осуществляется.

Максимальный срок правовой охраны – 8 лет.

2.1.4. Кыргызская Республика. В соответствии с Патентным законом Кыргызской Республики, полезной моделью, которой предоставляется правовая охрана, признается техническое решение, относящееся к устройствам [8].

Полезные модели должны соответствовать следующим условиям патентоспособности: новизна и промышленная применимость. При экспертизе заявки на полезную модель проводится проверка соответствия заявленной полезной модели условиям патентоспособности.

Максимальный срок правовой охраны – 10 лет.

2.1.5. Республика Таджикистан. Такой объект, как полезная модель, не предусмотрен законодательством Таджикистана, однако есть аналогичный объект под названием малый патент на изобретение. В соответствии с Законом Республики Таджикистан об изобретениях, изобретением, которому предоставляется правовая охрана, признается техническое решение, относящееся к устройствам, способам, веществам, штаммам микроорганизма, штаммам клеток растений и животных, а также применению этих объектов по новому назначению [9].

Малые патенты должны соответствовать следующим условиям патентоспособности: новизна, изобретательский уровень и промышленная применимость. При экспертизе заявки на малое изобретение проводится проверка соответствия заявленного изобретения новизне и промышленной применимости, при этом новизна проверяется только локально.

Максимальный срок правовой охраны – 10 лет.

2.1.6. Республика Узбекистан. В соответствии с Законом Республики Узбекистан об изобретениях, полезных моделях, промышленных образцах, полезной моделью, которой предоставляется правовая охрана, признается техническое решение, относящееся к продукту (в частности, устройству, веществу, штамму микроорганизма, культуре клеток растений или животных) или способу (процессу осуществления действий над материальным объектом с помощью материальных средств) [10].

Полезные модели должны соответствовать следующим условиям патентоспособности: новизна и промышленная применимость. При экспертизе заявки на полезную модель проводится проверка соответствия заявленной полезной модели условиям патентоспособности.

Максимальный срок правовой охраны – 8 лет.

2.1.7. Туркменистан. Такой объект, как полезная модель, не предусмотрен законодательством Туркменистана, однако есть аналогичный объект под названием ограниченный патент на изобретение. В соответствии с Законом Республики Туркменистан об изобретениях и промышленных образцах, изобретением, которому предоставляется правовая охрана, признается устройство, способ, вещество, штамм микроорганизма, культуры клеток растений и животных и другие технические решения, а также их применение по новому назначению [11].

Ограниченные патенты должны соответствовать следующим условиям патентоспособности: новизна, изобретательский уровень и промышленная применимость. При экспертизе заявки на малое изобретение проводится проверка соответствия заявленного изобретения новизне и промышленной применимости, при этом новизна проверяется только локально, дополнительно включая евразийские заявки и патенты.

Максимальный срок правовой охраны – 10 лет.

2.1.8. Азербайджан. В соответствии с Законом Республики Азербайджан о патентах, полезной моделью, которой предоставляется правовая охрана, признается техническое решение, относящееся к устройству [12]. Закон дополнительно исключает из охраноспособных объектов решения, связанные с внешним видом изделия и направленные на удовлетворение эстетических потребностей, а также топологии интегральных микросхем.

Полезные модели должны соответствовать следующим условиям патентоспособности: новизна и промышленная применимость. При экспертизе заявки на полезную модель проводится проверка соответствия заявленной полезной модели условиям патентоспособности, при этом новизна проверяется только локально.

Максимальный срок правовой охраны – 10 лет.

2.1.9. Грузия. В соответствии с Законом Грузии о патентах, полезной моделью, которой предоставляется правовая охрана, признается техническое решение, относящееся к устройству, способу или их применению по новому назначению [13].

Полезные модели должны соответствовать следующим условиям патентоспособности: новизна, изобретательский уровень и промышленная применимость. При экспертизе заявки на полезную модель проводится проверка соответствия заявленной полезной модели новизне и промышленной применимости.

Максимальный срок правовой охраны – 10 лет.

2.2. Особенности правовой охраны полезных моделей в мире.

Ввиду текущей политической ситуации список стран, которые интересуют заявителей для получения охраны в мире, несколько изменился. В частности, из-за невозможности получения охраны российским заявителям практически пропал интерес в получении охраны в странах Европейского союза. В то же время повышается заинтересованность в получении охраны в странах, входящих в BRICS. Ниже приведен анализ особенностей законодательства в части охраны полезных моделей по тем государствам, которые в

данный момент больше всего интересуют заявителей из РФ с точки зрения получения охраны.

В подборку не включены такие востребованные у заявителей из РФ страны, как США, Канада, Великобритания, Индия и Саудовская Аравия, поскольку в них не предусмотрено получение правовой охраны при помощи патента на полезную модель. При этом для полноты анализа особенности охраны полезных моделей в некоторых странах Европейского союза также показаны.

Дополнительно стоит отметить, что на текущий момент действуют несколько региональных систем правовой охраны, обеспечивающих возможность получения правовой охраны для полезных моделей. Такие региональные системы отдельно проанализированы ниже.

2.2.1. Китай. В соответствии с законодательством Китайской Народной Республики, полезной моделью, которой предоставляется правовая охрана, признается техническое решение, относящееся к форме и/или конструкции продукта [14].

При экспертизе заявки на полезную модель проверка соответствия заявленной полезной модели условиям патентоспособности не осуществляется.

Максимальный срок правовой охраны – 10 лет.

2.2.2. ОАЭ. В соответствии с законодательством ОАЭ, полезной моделью, которой предоставляется правовая охрана, признается техническое решение, относящееся к устройству.

При экспертизе заявки на полезную модель проводится проверка соответствия заявленной полезной модели новизне и промышленной применимости.

Максимальный срок правовой охраны – 10 лет.

2.2.3. Япония. В соответствии с законодательством Японии, полезной моделью, которой предоставляется правовая охрана, признается техническое решение, относящееся к устройству.

При экспертизе заявки на полезную модель проверка соответствия заявленной полезной модели условиям патентоспособности не осуществляется. Однако такая экспертиза может быть запрошена отдельно.

Максимальный срок правовой охраны – 10 лет.

2.2.4. Республика Корея. В соответствии с законодательством Республики Корея, полезной моделью, которой предоставляется правовая охрана, признается техническое решение, относящееся к устройству.

При экспертизе заявки на полезную модель проводится проверка соответствия заявленной полезной модели новизне, изобретательскому уровню и промышленной применимости.

Максимальный срок правовой охраны – 10 лет.

2.2.5. Бразилия. В соответствии с законодательством Бразилии, полезной моделью, которой предоставляется правовая охрана, признается техническое решение, относящееся к устройству.

При экспертизе заявки на полезную модель проводится проверка соответствия заявленной полезной модели новизне, изобретательскому уровню и промышленной применимости.

Максимальный срок правовой охраны – 15 лет.

2.2.6. Германия. В соответствии с законодательством Германии, полезной моделью, которой предоставляется правовая охрана, признаются любые технические решения за исключением способов.

Полезные модели должны соответствовать следующим условиям патентоспособности: новизна, изобретательский уровень и промышленная применимость. При экспертизе заявки на полезную модель проверка соответствия заявленной полезной модели условиям патентоспособности не осуществляется.

Максимальный срок правовой охраны – 10 лет.

2.2.7. Италия. В соответствии с законодательством Италии, полезной моделью, которой предоставляется правовая охрана, признается техническое решение, относящееся к устройству.

Полезные модели должны соответствовать следующим условиям патентоспособности: новизна и промышленная применимость. При экспертизе заявки на полезную модель проверка соответствия заявленной полезной модели условиям патентоспособности не осуществляется.

Максимальный срок правовой охраны – 10 лет.

2.2.8. Испания. В соответствии с законодательством Испании, полезной моделью, которой предоставляется правовая охрана, признается техническое решение, относящееся к тем же объектам, что и по изобретениям. Закон делает оговорку, согласно которой не подлежат охране при помощи патента на полезную модель способы и изобретения, относящиеся к биологическому материалу, фармацевтические субстанции и композиции [15].

Полезные модели должны соответствовать следующим условиям патентоспособности: новизна, изобретательский уровень и промышленная применимость. При экспертизе заявки на полезную модель проверка соответствия заявленной полезной модели условиям патентоспособности не осуществляется.

Максимальный срок правовой охраны – 10 лет.

2.2.9. Региональные системы, обеспечивающие возможность получения охраны для полезных моделей. На текущий момент региональная охрана промышленных образцов возможна в рамках африканских региональных систем ОАПИ и АРИПО. Данные региональные системы охватывают большую часть стран Африки и позволяют получить эффективную охрану, в том числе при помощи полезной модели. При этом заявители в настоящее время все больше интересуются африканским регионом.

Также стоит отметить, что есть и другие региональные системы регистрации, обеспечивающие охрану для полезных моделей, например, Андское сообщество, объединяющее некоторые страны Латинской Америки. Но они в меньшей степени интересуют заявителей из РФ.

2.2.9.1. OAPI. OAPI объединяет 17 стран африканского континента. В соответствии с региональным законодательством OAPI, полезной моделью, которой предоставляется правовая охрана, признается техническое решение, относящееся к устройству.

Полезные модели должны соответствовать следующим условиям патентоспособности: новизна и промышленная применимость. При экспертизе заявки на полезную модель проводится проверка соответствия заявленной полезной модели условиям патентоспособности.

Максимальный срок правовой охраны – 10 лет.

2.2.9.2. ARIPO. ARIPO объединяет 22 страны африканского континента. В соответствии с региональным законодательством ARIPO, полезной моделью, которой предоставляется правовая охрана, признается техническое решение, относящееся к продуктам, включая устройства и другие продукты, например, продукты генетических ресурсов, растительные, а также пищевые добавки, а также к способам.

Полезные модели должны соответствовать следующим условиям патентоспособности: новизна и промышленная применимость. При экспертизе заявки на полезную модель проводится проверка соответствия заявленной полезной модели условиям патентоспособности.

Максимальный срок правовой охраны – 10 лет.

Выводы

Проведенный анализ показал, что полезная модель является распространенным и популярным инструментом получения правовой охраны для разработанного технического решения. Однако данный инструмент предполагает высокую вариативность требований в разных государствах. Национальные законодательства предусматривают разные требования к объектам, которым может быть предоставлена правовая охрана в качестве патента на полезную модель, а также разные условия патентоспособности и процедуры проведения экспертизы.

При этом в некоторых регионах уже имеется возможность получения региональной охраны для полезных моделей, что позволяет оптимизировать расходы заявителей на получения охраны в данном регионе.

В этом ключе стоит упомянуть Евразийскую патентную организацию, которая объединяет 8 стран, включая РФ. На данный момент охрана для полезных моделей в рамках евразийской региональной процедуры не предусмотрена, однако обсуждение введения такой процедуры ведется достаточно давно.

В каждом из восьми договаривающихся государств ЕАПК действует охрана для полезных моделей или для схожих объектов, а значит, заявители из всех восьми договаривающихся государств ЕАПК заинтересованы в патентовании при помощи данного инструмента. При этом действующие региональные системы в мире показали, что региональный патент на полезную модель может быть эффективным способом правовой охраны в регионе.

Стоит отметить, что в 2023 г. Государственный комитет по науке и технологиям Республики Беларусь провел объемную научно-исследовательскую работу [16], в которой был сделан вывод о целесообразности введения такого режима охраны в рамках Евразийской конвенции, а также были предложены проекты Протокола об охране полезных моделей к Евразийской патентной конвенции, части III Патентной инструкции к ЕАПК и Положения о пошлинах Евразийской патентной организации за юридически значимые и иные действия, совершаемые в отношении заявок на выдачу евразийских патентов на полезные модели и евразийских патентов на полезные модели.

В связи с вышесказанным вопрос создания такого объекта, как полезная модель, в рамках Евразийской региональной системы уже назрел, и развитие ЕАПК путем включения в нее третьего объекта выглядит целесообразно и перспективно.

Литература и источники

1. Годовой отчет Федеральной службы по интеллектуальной собственности за 2024 год / под ред. Ю.С. Зубова, О.П. Неретина. М. : ФИПС, 2025. 196 с.
2. Всемирная организация интеллектуальной собственности (2024). ИС в фактах и цифрах. Женева : ВОИС, 2024. doi: 10.34667/tind.57728
3. Требования к документам заявки на выдачу патента на полезную модель. Утверждены приказом Минэкономразвития России от 30 сентября 2015 года № 701 с изменениями // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. М., 2025.
4. Требования к документам заявки на выдачу патента на изобретение. Утверждены приказом Минэкономразвития России от 25 мая 2016 года № 316 с изменениями // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. М., 2025.
5. Закон Республики Армения «О патентах» № НО-108-N (с изменениями, внесенными в Закон от 09.06.2022), ст. 12. URL: https://base2.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=7443 (дата обращения: 12.11.2025).
6. Закон Республики Беларусь от 16.12.2002 г. № 160-Z «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы» (с изменениями, внесенными в Закон от 09.01.2023 г. № 243-3), ст. 3. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/22306> (дата обращения: 12.11.2025).
7. Патентный закон Республики Казахстан № 427 от 16.07.1999 г. (с изменениями, внесенными Законом № 128-VI ЗПК от 20.06.2022 г.), п. 1 ст. 7. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/22339> (дата обращения: 12.11.2025).
8. Патентный закон Кыргызской Республики № 8 от 14.01.1998 г. (в редакции Закона КР № 76 от 10.04.2015 г.), ст. 12. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/16999> (дата обращения: 12.11.2025).
9. Закон Республики Таджикистан № 17 от 28.02.2004 г. «Об изобретениях» (в редакции Закона № 956 от 19.03.2013 г.), ст. 6. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/14121> (дата обращения: 12.11.2025).
10. Закон Республики Узбекистан об изобретениях, полезных моделях, промышленных образцах № 397-II от 29.08.2002 г., с изменениями, внесенными Законом № ЗРУ-980 от 15.02.2024 г., ст. 7. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/22558> (дата обращения: 12.11.2025).
11. Закон Туркменистана № 220-III от 23.10.2008 г. «Об изобретениях и промышленных образцах», ст. 5. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/11252> (дата обращения: 12.11.2025).

12. Закон Республики Азербайджан № 312-IQ от 25.07.1997 г. «О патентах» (в редакции Закона № 1142-VIQD от 23.04.2024 г.), ст. 1. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/9185> (дата обращения: 12.11.2025).

13. Закон Грузии № 1791 от 05.02.1999 г. «О патентах» (с изменениями, внесенными в Закон № 3235 от 20.07.2018 г.), ст. 71. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/18264> (дата обращения: 12.11.2025).

14. Патентный закон Китайской Народной Республики (с изменениями от 17 октября 2020 г.), ст. 2. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/21027> (дата обращения: 12.11.2025).

15. Закон Испании № 24/2015 от 24 июля 2015 г. «О патентах» (с изменениями, внесенными Законом № 6/2018 от 03.07.2018 г.). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/16711> (дата обращения: 12.11.2025).

16. Научно обоснованные предложения по вопросу создания евразийской системы правовой охраны полезных моделей, УДК 347.773.2.028.1: 347.779 (094.2) (1-67ЕврАзЭС). Рег. № НИР 20230144. URL: <https://www.eapo.org/material/aureliya-cheban-konczepcziza-sozdaniya-evrazijskoj-sistemy-pravovoj-ohrany-poleznyh-modelejaureliya-cheban/> (дата обращения: 12.11.2025).

Евгения Владимировна Петровская

*Патентный поверенный РФ, Евразийский патентный поверенный,
индивидуальный предприниматель, Evgenia-resh@mail.ru*

ПРАВОВАЯ ОХРАНА ДИЗАЙНА: КРИТЕРИИ ВЫБОРА ПРАВОВОГО РЕЖИМА

Аннотация. Статья посвящена сравнению трёх правовых режимов, используемых для защиты произведений промышленного или графического дизайна: патентное право, авторское право и право на средства индивидуализации. Рассматриваются критерии, которые применяются на практике при выборе одного или комбинации правовых режимов для оптимальной защиты интересов автора дизайна.

Ключевые слова: промышленный образец, товарный знак, авторское право, дизайн, объём правовой охраны, кумулятивная правовая охрана

При необходимости получения правовой охраны для вновь созданного произведения промышленного или графического дизайна авторы таких произведений имеют возможность выбирать по меньшей мере из трёх правовых режимов для охраны своего произведения на территории России: патентование в качестве промышленного образца (если решение внешнего вида изделия удовлетворяет условиям патентоспособности промышленных образцов согласно п. 1 ст. 1352 ГК РФ), регистрация в качестве товарного знака (при соответствии ст. 1482 и 1483 ГК РФ) или защита авторским правом (при условии, что произведение создано творческим трудом автора и выражено в какой-либо объективной форме). Таким образом, этикетка, упаковка товара или даже сам товар оригинальной формы могут быть защищены различными способами. Причём создатели таких произведений не ограничены в выборе только одним правовым режимом, российская практика допускает кумулятивную правовую охрану. Так, например, в деле № А60-60730/2022 ответчик, предлагавший к продаже

детские игрушки, был признан нарушившим исключительное право на серию товарных знаков истца, представляющих собой изображения игрушек, а также авторское право на дизайн этих игрушек [1]. В деле № А32-40289/2022 рассматривался иск правообладателя о нарушении исключительного права на серию промышленных образцов и на соответствующие им произведения дизайна, т.е. предъявлялись и были удовлетворены претензии о нарушении авторского и патентного права [2]. Использование двух или более режимов правовой охраны для одного и того же изделия выгодно правообладателю не только с финансовой точки зрения (мультипликация ответственности, возможность запросить неоднократную компенсацию [3]), но и благодаря возможности использовать преимущества разных режимов правовой охраны в зависимости от ситуации. Таким образом, авторы произведений графического или промышленного дизайна вольны выбирать как один правовой режим, так и комбинацию правовых режимов, которые наилучшим образом отвечают их целям. Критерии выбора определяются каждой конкретной ситуацией и могут учитывать, не ограничиваясь ими, следующие особенности сравниваемых правовых режимов.

Срок действия правовой охраны

Товарный знак – исключительное право действует в течение десяти лет с даты подачи заявки на государственную регистрацию товарного знака с возможностью продления на 10 лет неограниченное число раз (ст. 1491 ГК РФ).

Промышленный образец – исключительное право действует в течение пяти лет с даты подачи заявки на выдачу патента с возможностью неоднократного продления на 5 лет, при этом общий срок действия не может составлять более 25 лет (ст. 1363 ГК РФ).

Авторское право – исключительное право на произведение действует в течение всей жизни автора и семидесяти лет, считая с 1 января года, следующего за годом смерти автора (ст. 1281 ГК РФ).

Стоимость получения правовой охраны

Товарный знак. Стоимость получения правовой охраны включает как обязательные расходы по уплате требуемых пошлин (п. 2.1, 2.4, 2.11 Приложения № 1 к Положению о патентных и иных пошлинах), так и факультативные расходы на оплату услуг представителя в том случае, если для ведения дел с Роспатентом привлекается патентный поверенный или иной специалист. Размер пошлин зависит от того, насколько широко заявлены притязания, сколько классов Международной классификации товаров и услуг указано в заявке, а также в ряде случаев от количества позиций в рамках каждого класса.

Промышленный образец. Стоимость регистрации включает как обязательные расходы по уплате требуемых патентных пошлин (п. 1.3, 1.10, 1.17 Приложения № 1 к Положению о патентных и иных пошлинах в случае подачи национальной российской заявки на выдачу патента на промышленный образец; п. 5 и 9 Положения о пошлинах Евразийской патентной организации в случае подачи заявки на выдачу евразийского патента на промышленный образец), так и факультативные расходы на оплату услуг представителя в том случае, если для ведения дел с Роспатентом или Евразийской патентной организацией привлекается патентный поверенный или иной специалист. Размер пошлин зависит от числа объектов в составе одной заявки.

Авторское право не требует регистрации, достаточно выражения его в какой-либо объективной форме: письменной, в форме изображения, в объёмно-пространственной форме (п. 3, 4 ст. 1259 ГК РФ). Таким образом, автор может не нести никаких расходов на получение правовой охраны созданного им произведения дизайна, если он выбирает охранять его только авторским правом. В ряде случаев авторы выбирают варианты депонирования своих произведений для фиксации информации на случай необходимо-

сти доказывать наличие права авторства в будущем, в этом случае автор несёт расходы на депонирование, но это факультативный, не требуемый в обязательном порядке расход.

Простота получения правовой охраны

Товарный знак. Если речь идёт о новом оригинальном дизайнерском решении, созданном самим автором, то шансы на регистрацию товарного знака достаточно высоки, учитывая крайне малую вероятность независимого создания разными лицами одинаковых произведений дизайна и, соответственно, наличия старших прав на аналогичный товарный знак. При этом если дизайнерское решение включает словесные элементы, есть риск отказа в регистрации товарного знака по причине сходства до степени смешения с ранее зарегистрированными или поданными на регистрацию товарными знаками. Также сложность может представлять регистрация объёмных товарных знаков в том случае, когда испрашивается правовая охрана для оригинальной формы товара. В этом случае может потребоваться доказать приобретённую различительную способность для такой оригинальной формы, прежде чем будет вынесено решение о регистрации товарного знака [4].

Промышленный образец. Для новых оригинальных дизайнерских решений, как правило, получение правовой охраны не представляет сложности, если грамотно оформлены заявочные материалы. Исключение могут составлять случаи, когда на изображении изделия, поданного на регистрацию в качестве промышленного образца, содержится словесная/текстовая информация. В этом случае, как и при подаче заявки на товарный знак, есть риск столкновения с чужими правами на ранее зарегистрированные товарные знаки.

Авторское право. Не требует регистрации, возникает в силу создания произведения при условии выражения его в какой-либо

объективной форме. Согласно п. 80 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», «судам при разрешении вопроса об отнесении конкретного результата интеллектуальной деятельности к объектам авторского права следует учитывать, что по смыслу ст. 1228, 1257 и 1259 ГК в их взаимосвязи таковым является только тот результат, который создан *творческим трудом*. При этом надлежит иметь в виду, что, пока не доказано иное, результаты интеллектуальной деятельности предполагаются созданными творческим трудом».

Таким образом, творческий характер вновь созданного произведения дизайнера презюмируется, благодаря чему автор дизайнерского решения может считать своё произведение защищённым авторским правом с момента выражения своего произведения в какой-либо объективной форме. Тем не менее в случае возникновения спора о нарушении авторского права может быть поставлен под сомнение вопрос о творческом характере произведения, что, в свою очередь, может повлечь за собой отказ в признании авторского права на произведение дизайнера. Так, в деле № А35-4628/2022 суд не признал за истцом наличия авторского права на спорный дизайн женской юбки, так как, согласно выводам по результатам судебной экспертизы, «дизайн изделия истца не является результатом самостоятельного дизайнерского творчества или воспроизведением (переработкой) уже известных моделей юбок» [5]. Попытка истца апеллировать к тому, что аналогичный дизайн был впоследствии запатентован в качестве промышленного образца, не изменила выводы судов разных инстанций.

В этой связи тема творческой составляющей объектов авторского права [6] и в целом возникновения авторского права на то или иное решение представляется крайне актуальной и требующей дополнительной законодательной и практической проработки.

Ситуативный критерий

В ряде случаев выбор режима правовой охраны для вновь созданного оригинального дизайнерского решения определяется конкретной ситуацией и запросом автора такого решения. Так, если автор намерен участвовать в госзакупках, ему нужно обладать исключительным правом на результат своей интеллектуальной деятельности, чтобы по условиям контракта передать это право заказчику (п. 8 ч. 1 ст. 31 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»). Как правило, в таких случаях заказчики не удовлетворяются правами на товарные знаки или авторским правом, поэтому патентование дизайнерского решения в качестве промышленного образца и последующее отчуждение патентных прав является наилучшим решением.

Если же основной целью автора является вывод товара с новым дизайнерским решением (этикеткой, упаковкой, самого товара оригинальной формы) на маркетплейсы, выбор правового режима во многом определяется политикой маркетплейсов, которые либо в обязательном порядке, либо при первом же обращении от заинтересованных лиц требуют от новых продавцов подтверждения права использования товарного знака – в качестве правообладателя, лицензиата или хотя бы контрагента, использующего товарный знак с письменного разрешения правообладателя и под его контролем. В таких ситуациях регистрация в качестве товарного знака является тем решением, которое отвечает конкретному запросу автора.

При этом выбор в пользу патентования или регистрации в качестве товарного знака как основного правового режима охраны созданного дизайнерского решения не отменяет возможности кумулятивной правовой охраны и использования других способов.

Устойчивость правовой охраны

Товарный знак. Риск аннулирования регистрации товарного знака в случае, если защищено новое оригинальное дизайнерское решение, представляется незначительным. При этом у правообладателя сохраняется риск досрочного прекращения действия товарного знака по причине неиспользования. В случае подачи заинтересованным лицом искового заявления о досрочном прекращении действия товарного знака в соответствии со ст. 1486 ГК РФ правообладателю потребуется доказать использование зарегистрированного товарного знака в отношении каждого из товаров, для которых знак был зарегистрирован. Сложности доказывания могут возникнуть в тех случаях, когда при использовании дизайнерское решение выглядит иначе, чем в свидетельстве на товарный знак (изменённая цветовая гамма или отдельные элементы, несоответствие изображения в свидетельстве на товарный знак реальному виду объёмного объекта и т.п.). Для снижения риска потери товарного знака следует ещё до подачи заявки на регистрацию максимально учесть предполагаемые варианты использования дизайнерского решения и исходить при оформлении заявочных материалов в том числе из необходимости в будущем доказывать факт использования знака.

Промышленный образец. В том случае, если запатентовано оригинальное дизайнерское решение, созданное самим автором, риск аннулирования патента представляется незначительным, если только автор не опоздал с патентованием и не раскрыл информацию о созданном им дизайне более чем за год до даты подачи заявки на выдачу патента (п. 4 ст. 1352 ГК РФ). Но и в таком случае патент может быть получен и даже устоять при попытке аннулирования, если включить в заявку в том числе изображения тех ракурсов объёмного изделия, которые не содержались в более ранних источниках информации, но которые при этом отображают существенные для правовой охраны признаки внешнего вида изделия.

Авторское право. Как упоминалось выше при описании критерия простоты получения правовой охраны, для объектов авторского права существует риск непризнания наличия исключительного права как такового, если в ходе спора будет признано отсутствие творческого характера созданного дизайнерского решения. Здесь скорее речь не об устойчивости правовой охраны, а о самом факте её возникновения, которое подразумевается, но не гарантируется.

Объём правовой охраны

Ни один из сравниваемых правовых режимов не даёт однозначного понимания того, какой объём правовой охраны он предоставляет дизайнерскому решению. Пределы правовой охраны выясняются в ходе споров о нарушении исключительного права или об оспаривании исключительного права. И даже спорные ситуации не ставят точку в вопросе об объёме правовой охраны: они определяют лишь соотношение между дизайнерскими решениями спорящих сторон. В случае нового спора и нового сравнения выводы об объёме правовой охраны могут претерпеть изменения.

Поэтому здесь может идти речь только о факторах, влияющих на отсутствие определённости у каждого из правовых режимов.

Товарный знак: п. 3 ст. 1484 ГК РФ определяет, что «никто не вправе использовать без разрешения правообладателя сходные с его товарным знаком обозначения в отношении товаров, для индивидуализации которых товарный знак зарегистрирован, или однородных товаров, если в результате такого использования возникнет вероятность смешения». Неопределённость заключается в невозможности уверенно предсказать смешение или вероятность смешения потребителями двух сравниваемых дизайнерских решений. Помимо сравнения собственно обозначений, используемых спорящими сторонами для маркировки своей продукции, в реальных спорных ситуациях на вывод о наличии или

отсутствии сходства до степени смешения влияет в том числе потребительское поведение, а также присутствие на рынке иных сходных решений.

Для дорогих товаров повседневного спроса и для товаров высокой ценовой категории, требующих более пристального изучения перед покупкой, применяются разные сравнительные подходы. Критерий однородности товаров также не является чем-то неизменным и устоявшимся [7], что порождает дополнительную степень неопределённости.

Промышленный образец. Согласно ст. 1354 ГК РФ, охрана интеллектуальных прав на промышленный образец предоставляется на основании патента в объеме, определяемом совокупностью существенных признаков промышленного образца, нашедших отражение на изображениях внешнего вида изделия, содержащихся в патенте на промышленный образец. Для того чтобы сделать предположение относительно объёма правовой охраны промышленного образца, нужно проанализировать представленные в патенте изображения, выделить на них отдельные признаки, категоризировать их (разделить на существенные и несущественные), обосновать этот выбор. Категоризация признаков напрямую зависит от степени насыщенности аналогового ряда изделий сходного назначения, а также от того, насколько сильно отличается запатентованное решение от ближайшего аналога. Возможность использовать в качестве изображений промышленных образцов контурные рисунки вместо фотографий или 3D-моделей влечёт необходимость расшифровки таких изображений и их толкование, которое может не совпасть с толкованием судебных или административных органов, принимающих решение в спорной ситуации по запатентованному промышленному образцу. Неопределённость правовой охраны промышленного образца напрямую связана с вариативностью при выделении и категоризации признаков запатентованного изделия [8].

Авторское право. Для вывода о неопределённости объёма правовой охраны, предоставляемой дизайнерским решениям авторским правом, уже достаточно упоминавшегося выше критерия творческого вклада, а также позиции Пленума Верховного Суда, согласно которому «само по себе отсутствие новизны, уникальности и (или) оригинальности результата интеллектуальной деятельности не может свидетельствовать о том, что такой результат создан не творческим трудом и, следовательно, не является объектом авторского права». Однако дополнительную неопределённость вносят и положения п. 7 ст. 1259 ГК РФ (авторское право распространяется как на произведения в целом, так и на их отдельные части, если по своему характеру они могут быть признаны самостоятельным результатом творческого труда) и п. 3 ст. 1260 ГК РФ (автор производного произведения осуществляет свои авторские права при условии соблюдения прав авторов произведений, использованных для создания производного произведения). Остаётся добавить сюда отсутствие требований к регистрации объекта авторского права и полный карт-бланш для авторов при выражении своего произведения в объективной форме, чтобы признать за авторским правом несомненное лидерство с точки зрения неопределённости объёма правовой охраны и простора для различных его толкований.

Ни один из трёх сравниваемых правовых режимов, таким образом, не позволяет с уверенностью дать ответ относительно того, будет ли правовая охрана распространяться на те или иные отличные от прямого копирования случаи. Можно лишь делать приблизительные оценки с учётом предшествующей практики рассмотрения споров, связанных с тем или иным объектом.

Сложность доказывания нарушения

Данный критерий подразделяется на две составляющие – сложность доказывания принадлежности исключительного права и сложность доказывания нарушения исключительного права.

Правообладатели, использующие для правовой охраны своих дизайнерских решений товарные знаки или промышленные образцы, как правило, не имеют никаких сложностей с доказыванием принадлежности им исключительного права – для этого достаточно предъявить выданные Роспатентом или (в случае евразийского промышленного образца) Евразийской патентной организацией правоустанавливающего документа. Наличие и принадлежность авторского права доказывать сложнее. Правообладатели, использующие кумулятивную правовую охрану для своих решений, на практике могут столкнуться с диаметрально разными подходами судов. Так, в деле № А10-891/2020 истцу оказалось достаточно предъявить патент на промышленный образец для вывода суда о том, что запатентованная этикетка представляет собой и произведение дизайна, авторское право на который принадлежат автору и патентообладателю промышленного образца [9]. Тогда как в деле № А40-238305/23-15-1919 суд прокомментировал предъявленный ему патент на промышленный образец прямо противоположным образом: «...наличие патента на промышленный образец автоматически не предполагает существование произведения дизайна и авторского права на него. Поскольку произведение дизайна подлежит отдельной правовой охране как объект авторского права, оно должно иметь отдельное от промышленного образца выражение в объективной форме» [10]. Таким образом, кажущаяся простота получения правовой охраны авторским правом и отсутствие необходимости регистрации в случае реального спора могут обернуться невозможностью доказать наличие авторского права. Для авторов, использующих кумулятивную правовую охрану, полезно иметь в виду, что предъявление патента не всегда трактуется судами как достаточное подтверждение наличия и авторского права на произведение дизайна.

Сложность доказывания нарушения исключительного права напрямую вытекает из неопределённости объёма правовой

охраны, предоставляемой каждым из сравниваемых правовых режимов. Как в споре по товарным знакам, так и в спорах по промышленным образцам или произведениям дизайна как объектам авторского права большое значение имеет информация о предшествующих сходных решениях, поэтому зачастую огромные усилия тратятся именно на выявление аналогов, способных кардинально изменить вывод относительно сходства зрительных впечатлений или возможности смешения сравниваемых объектов. Отличительной особенностью споров, в которых истец апеллирует к авторскому праву на дизайн и заявляет о переработке своего произведения ответчиком, является необходимость доказать, что изделие ответчика является переработкой именно произведения истца. То есть помимо сопоставительного анализа признаков сравниваемых изделий необходимо показать и причинно-следственную связь между созданием исходного и предположительно производного произведением. При насыщенном аналоговом ряде и множестве сходных дизайнерских решений, известных на дату создания исходного произведения, такая каузальная связь не очевидна, что может позволить ответчику избежать обвинения в переработке произведения истца. Если истец заявляет о нарушении исключительного права на товарный знак или патента на промышленный образец, достаточно проанализировать степень сходства между изделиями истца и ответчика; источники вдохновения ответчика при создании его варианта изделия не анализируются.

Рассмотренный перечень критериев выбора режима или комбинации режимов правовой охраны для защиты произведений дизайна не является исчерпывающим. На выбор могут повлиять и территориальный фактор (необходимость получения правовой охраны в том числе за пределами РФ), и различные подходы к расчёту компенсаций в случае нарушения. Но в каждом случае выбор стратегии правовой охраны произведения дизайна требует глубокой предварительной оценки ситуации и моделирования возможных будущих сценариев.

Литература и источники

1. Решение Арбитражного суда Свердловской области от 15.02.2023 по делу № А60-60730/2022 // Официальный сайт картотека арбитражных дел. URL: kad.arbitr.ru (дата обращения: 21.11.2025).
2. Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 23.05.2024 по делу № А32-40289/2022 // Официальный сайт картотека арбитражных дел. URL: kad.arbitr.ru (дата обращения: 21.11.2025).
3. Минакова А.И. Вопросы пересечения правовых режимов произведения дизайна и промышленного образца // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2023. Сентябрь. Вып. 3 (41). С. 25–38.
4. Заварзина Н.В. Особенности правовой защиты объёмных товарных знаков // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2022. Июнь. Вып. 2 (36). С. 46–55.
5. Решение Арбитражного суда Курской области от 09.12.2024 по делу № А35-4628/2022 // Официальный сайт картотека арбитражных дел. URL: kad.arbitr.ru (дата обращения: 21.11.2025).
6. Копылов А.Ю. Некоторые вопросы творчества в авторском праве // Сборник докладов VI Международной конференции «Интеллектуальные права: вызовы XXI века» (14–16 ноября 2024 года). Томск : Издательство Томского государственного университета, 2024. С. 45–53.
7. Конопленко М.А., Комаровская О.И. Об изменении подходов к определению однородности товаров и услуг // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. Март. № 1 (47). С. 108–120.
8. Петровская Е.В. Пределы правовой охраны промышленного образца и факторы, их определяющие // Сборник докладов II Международной конференции «Интеллектуальные права: вызовы XXI века» (10–14 ноября 2020 года). Томск : Издательство Томского государственного университета, 2020. С. 51–60.
9. Решение Арбитражного суда Республики Бурятия от 24.02.2021 по делу № А10-891/2020 // Официальный сайт картотека арбитражных дел. URL: kad.arbitr.ru (дата обращения: 21.11.2025).
10. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 21.05.2024 по делу № А40-238305/23-15-1919 // Официальный сайт картотека арбитражных дел. URL: kad.arbitr.ru (дата обращения: 21.11.2025).

Виктория Сергеевна Савина

*Профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин
Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова,
доктор юридических наук, доцент, savin-viktoriya@yandex.ru*

ПРОИЗВОДНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРАВА НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ

Аннотация. С помощью систем искусственного интеллекта генерируются тексты, музыка, изображения, поэтому ученые исследуют их охраноспособность, анализируют возможность применения к ним норм авторского права о производных произведениях, о праве на неприкосновенность, об ответственности разработчиков и пользователей данных систем. Необходима правовая регламентация создаваемых при этом производных объектов, используемых в процессе машинного обучения, в рамках норм права интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: авторское право, искусственный интеллект, производное произведение

В настоящее время с помощью систем искусственного интеллекта генерируются тексты, музыка, изображения и иные объекты, поэтому ученые исследуют их охраноспособность, анализируют возможность применения к ним норм авторского права о производных произведениях, о праве на неприкосновенность, об ответственности разработчиков и пользователей данных систем. Такой интерес исследователей связан с тем, что в процессе функционирования нейросетей возникают принципиально новые объекты, к которым сложно применить традиционные, в течение многих веков складывавшиеся в национальном, а затем и в международном законодательстве правовые режимы объектов права интеллектуальной собственности.

Исследователи справедливо отмечают, что «международно-правовое регулирование не устанавливает четких рамок, ограничивающих сферу интеллектуальной собственности. Несомненно,

этот фактор благоприятствует расширению круга ее объектов» [1. С. 281]. Данная позиция основана на нормах Конвенции об учреждении Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) 1967 г. [2], согласно которым перечень охраняемых объектов интеллектуальной собственности является открытым, неисчерпывающим. Правовой режим инновационных объектов сначала разрабатывается в нормах национального законодательства, после чего возможно принятие двусторонних и многосторонних международных соглашений (конвенций). Таким образом сформировался, например, режим правовой охраны компьютерных программ, баз данных, мультимедиа, интернет-сайтов и других объектов, которые в настоящее время охраняются по нормам законодательства большинства государств.

В условиях развития и широкого внедрения во все сферы экономики и иные сферы жизни общества систем искусственного интеллекта весьма актуальным становится вопрос о правовом режиме генерируемых такими системами объектов. Ответ на него очень важен как для развития цивилистической доктрины, так и для законотворческой, а также правоприменительной деятельности. Учеными активно обсуждаются вопросы о перспективах правовой охраны результатов, созданных нейросетями, о целесообразности такой охраны и даже о потенциальной правосубъектности систем искусственного интеллекта [3, 4].

В соответствии с п. 1 ст. 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), «объектами авторских прав являются произведения науки, литературы и искусства независимо от достоинств и назначения произведения, а также от способа его выражения» [5].

Критерий охраноспособности произведения обозначен в ст. 1257 ГК РФ – творческий характер деятельности автора при создании произведения науки, литературы или искусства (автором произведения признается гражданин, творческим трудом которого оно создано) [5].

Вместе с тем системами искусственного интеллекта генерируются самые разные объекты, в том числе похожие на произведения объекты. Технологии генерации нейросетями текстов, изображений, музыки стали настолько совершенными, что порой их невозможно отличить от произведений, созданных человеком.

В связи с этим возникает множество дискуссионных вопросов. В первую очередь, это вопрос о том, соответствует ли такая охрана функциям авторского права. Э.П. Гаврилов совершенно справедливо отмечал, что к числу таких функций следует отнести: «во-первых, стимулирование деятельности автора и, во-вторых, обеспечение определенного баланса между интересами автора и общества» [6. С. 139]. Он также анализировал проблему оригинальности произведений: «оригинальность – это уникальность произведения, невозможность создания разными авторами, работающими параллельно, независимо друг от друга, двух одинаковых произведений. Если два “автора” создали два одинаковых произведения, то ни одно из них не является оригинальным и не может получать охраны – это краеугольный камень всей системы авторского права» [7. П. 68].

Во-вторых, возникает вопрос о том, можно ли применить к сгенерированным ИИ объектам нормы о производных (зависимых) произведениях, которые традиционно охраняются как результаты переработки других произведений. К их числу законодатель относит переводы, обработки, аранжировки и т.п. При использовании произведений нейросетями во многих случаях сложно определить первоначальные объекты и объем переработки (система искусственного интеллекта может взять, например, по несколько пикселей из тысяч картин и сгенерировать, используя их, изображение). При попытке применения норм о цитировании тоже возникают сложности, поскольку цитирование предполагает использование правомерно обнародованных произведений в объеме, оправданном целью цитирования в определен-

ных целях, указанных в законе (ст. 1274 ГК РФ). Во многих случаях нарушается право на неприкосновенность произведения и защиту его от искажений (например, при анимации статичных изображений с использованием нейросетей).

Тем не менее полагаем необходимой правовую регламентацию создаваемых при этом производных объектов в рамках норм права интеллектуальной собственности. Представляется, что для этого нет необходимости использовать нормы авторского права, ведь генерируемые искусственным интеллектом результаты вполне могут охраняться в качестве объектов смежных прав, если они соответствуют признакам их охраноспособности (как охраняются, например, базы данных или передачи эфирного либо кабельного вещания). Возможна также охрана таких результатов в качестве самостоятельных объектов особого рода (*sui generis*) (такие особые режимы были разработаны для охраны топологий интегральных микросхем, селекционных достижений и ноу-хау).

Действительно, современное искусство чрезвычайно усложнено, весьма популярны мультимедийные произведения, перформансы, интерактивные шоу, и в их разработке, действительно, могут помочь цифровые технологии, в том числе технологии искусственного интеллекта. Однако нужно отметить, что они представляют собой лишь инструмент, который находится в умелых руках автора и служит реализации его творческого замысла – помогает обработать обширные массивы информации, обработать особым образом изображение и звук и т.д. Поскольку цифровые технологии в индустрии развлечений приобретают все большую популярность, то возникновение различного рода сложных объектов неизбежно [8. С. 223]. Поэтому целесообразна разработка для них более детального, проработанного правового режима, нежели только норма ст. 1240 ГК РФ. Актуален также вопрос о выплате вознаграждения авторам и иным правообладателям при использовании произведений в процессе машинного обучения.

Представляется возможным применение для этой цели механизма коллективного управления правами. Данное направление видится весьма перспективным, поскольку в современной цифровой экономике актуальна не только задача правовой охраны интеллектуальной собственности, но и поиска новых способов коммерциализации исключительных прав на нее.

Литература и источники

1. Матвеев А.Г., Синельникова В.Н. Объекты интеллектуальной собственности, получающие охрану в XXI веке // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 44. С. 285–313. doi: 10.17072/1995-4190-2019-44-285-313
2. Конвенция об учреждении Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) 1967 г. // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».
3. Сесицкий Е.П. Проблемы правовой охраны результатов, создаваемых системами искусственного интеллекта : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 27 с.
4. Морхат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. 420 с.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации, часть 4 (ГК РФ ч. 4) от 18 декабря 2006 года № 230-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/
6. Гаврилов Э.П., Еременко В.И. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный). М. : Экзамен, 2009.
7. Гаврилов Э.П. Комментарий к Постановлению Пленума ВС РФ от 19 июня 2006 г. // СПС «Гарант».
8. Харитоновна Ю.С., Савина В.С. Искусственный интеллект: цивилистическая концепция регулирования. М. : Юстицинформ, 2025. 332 с.

Андрей Юрьевич Копылов

Аналитик НОЦ «Интеллектуальная собственность и интеллектуальные права» ЮИ НИ ТГУ, доцент, кандидат юридических наук, akop67@mail.ru

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПАРОДИЙНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена проблемным вопросам пародийного творчества в контексте свободного использования произведений как объектов авторских прав, анализируется правовая природа пародийного произведения, делается вывод том, что произведение, созданное в жанре пародии, может быть как производным, так и самостоятельным.

Ключевые слова: пародийное творчество, свободное использование произведения, апроприация, производное произведение

Из содержания нормы ст. 1254 ГК РФ можно сделать вывод, что пародийное творчество является допустимым способом свободного использования ранее созданного другим автором произведения. При этом определение пародийного произведения и его квалифицирующие признаки, которые позволили бы установить его правовую природу, в законодательстве не закреплены, что порождает отсутствие единого подхода в судебной практике.

Такая неопределенность, с одной стороны, создает возможность незаконного использования чужих произведений без выплаты вознаграждения под видом пародии, а с другой стороны, создает высокую вероятность применения имущественных санкций в отношении автора настоящего пародийного произведения. В науке также отсутствует единство мнений относительно того, относить ли пародийное произведение к результатам оригинального или производного творчества.

Ряд исследователей высказывают суждения о том, что пародийные произведения являются самостоятельными результатами художественного творчества и не носят производного характера.

Например, еще в 2003 г. В.Л. Вольфсон довольно категорично высказался относительно природы пародии, заявив, что «пародия должна быть признана самостоятельным, причем оригинальным, а не производным произведением» [1. С. 11]. Э.П. Гаврилов также высказался достаточно однозначно, заявив, что «создание пародии или карикатуры не является переделкой (переработкой) первоначального (оригинального) произведения; это создание нового, независимого произведения, создание новой формы» [2. С. 190].

По мнению В.С. Витко, главное отличие пародийного произведения от производного заключается в том, что, создавая произведение в жанре пародии, автор-пародист меняет саму идею другого произведения, в то время как при производном творчестве переработчик не меняет основную мысль автора оригинального произведения [3. С. 13].

С. Зыков не отрицает, что с точки зрения самого процесса создания пародийного произведения имеет место апроприативность, но при этом не относит пародии к числу производных произведений, поскольку при пародировании внутренняя художественная форма оригинального произведения «претерпевает существенные изменения, система образов представляется в новом соотношении с целью достижения комического эффекта, который является существенным и необходимым признаком пародии» [4. С. 45].

В.А. Колосов полагает, что пародия не может считаться некой новой версией оригинального произведения, а всего лишь является его «эпатажным высмеиванием и не должна вызывать сомнений в квалификации ее в качестве пародии» [5. С. 130].

По мнению Е.А. Шерстобаевой, пародия является самостоятельным оригинальным произведением, но при этом отмечает в нем такие признаки, как «демонстративная вторичность» и «зависимость от пародируемого объекта», отмечая при этом, что при помощи художественно-выразительных средств пародист достигает комического эффекта и формирует «новую семантику первоисточника» [6. С. 8].

Другие исследователи, напротив, высказывают прямо противоположные суждения о производном характере результатов пародийного творчества. По мнению А.С. Ворожевич, между оригинальным и пародийным произведением должна существовать стойкая ассоциативная связь, выражающаяся в повторении сюжетной линии, что делает «производное произведение» в глазах публики узнаваемым, а с использованием комического эффекта – «пародийным» [7. С. 18]. И.В. Овчинников прямо утверждает, что «пародийное произведение фактически представляет собой результат переработки» [8. С. 94], сходные суждения высказывают Е.Г. Куропацкая [9. С. 24] и А.С. Тупичинский [10. С. 52].

При анализе правовой природы результатов пародийного творчества следует рассматривать их как форму культурной апроприации, т.е. как процесс, основанный на использовании существующих идей и образов, созданных другими авторами и закреплённых в конкретной форме. В ходе подобного «творческого заимствования» автор пародии обычно целенаправленно модифицирует или деформирует оригинальные элементы для выражения собственной креативной интерпретации. Поэтому пародию в широком смысле можно считать одной из форм апроприации, которая подразумевает не просто применение чужого произведения, но и осознанное использование его популярности в своих целях. Цели при этом могут быть разные: насмешить публику или же эпатировать ее, уязвить оппонента, показав его творческую слабость и несостоятельность.

Как уже было отмечено ранее, некоторые исследователи ставят под сомнение производный характер пародии, указывая на то, что при производном творчестве появляется новое произведение, а первоначальное произведение остается относительно вновь созданного как бы в прошлом, тем, чем и было.

Следует отметить, что моменты создания первоначального и производного результатов разведены во времени, в силу чего созданное производное произведение становится самостоятельным

объектом правовой охраны. Именно в этом и проявляется сущность производного произведения как результата самостоятельной творческой деятельности по переработке ранее созданного произведения с целью придания ему новой объективной формы, в результате которой создается новый объект авторского права. Вопрос только в том, о какой именно форме произведения идет речь.

Все мы знаем, что в свое время В.Я. Ионас разработал известный в науке авторского права подход к содержанию произведения, согласно которому в составе художественного произведения можно выделить две группы элементов: неохраняемые и охраняемые. К охраняемым относятся элементы художественной (внутренней) формы, созданные воображением автора художественные образы и элементы внешней формы, отражающие творческую индивидуальность конкретного автора, – стиль и язык произведения. Речь идет об авторском стиле, который заключается в эстетическом единстве всех элементов художественной формы и позволяет говорить об оригинальности произведения [10. С. 45–46].

Именно благодаря наличию такого стиля творческая работа отличается от художественно невыразительных произведений, в которых отсутствует «отпечаток» творческой личности автора.

Поэтому пародист не меняет элементы внутренней формы, не создает новые художественные образы. Его творческие усилия заключаются в том, чтобы в сатирическом ключе заострить внимание публики на особенностях художественного стиля автора, подвергнуть осмеянию и посредством своеобразного эпатажа заявить о своем «творчестве».

Пародист ставит перед собой задачу создать что-то принципиально новое, особым образом воздействовать на аудиторию через осознанное воспроизведение характерных особенностей пародируемого произведения в трансформируемом виде. При этом важно, чтобы «творческая модификация» позволяла различать

пародируемое произведение и саму пародию на него, поскольку суть пародии состоит в преднамеренном искажении уникальных элементов пародируемого произведения. Поэтому оно должно быть легко узнаваемым и занимать основное место в пародийном творчестве, а не являться фоном для него.

В этой связи можно признать правоту тех авторов, которые не признают за пародийными произведениями производного характера. Но вместе с тем и в рассуждениях их оппонентов тоже есть «рациональное зерно». Полагаем, что признание пародии производным произведением или отказ в таком признании не связан с риском перепутать пародию и пародируемое произведение. Вопрос о том, насколько отчетливо пародия отличается от оригинального произведения, которое она высмеивает, всегда является предметом установления фактических обстоятельств.

Литература и источники

1. Вольфсон В. Парадоксы правообъектности: Цитата и аллюзия; пародия-пастиш // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2003. № 10. С. 2–15.
2. Гаврилов Э.П., Еременко В.И. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный). М. : Экзамен, 2009. 973 с.
3. Витко В. О правовой природе пародии // ИС. Авторское право и смежные права. 2019. № 4. С. 5–14.
4. Зыков С. Проблема отнесения пародий к производным произведениям: не пора ли ставить точку? // ИС. Авторское право и смежные права. 2017. № 4. С. 41–46.
5. Колосов В.А. Пародия в системе авторского права // Закон. 2013. № 9. С. 120–132.
6. Шерстобоева Е.А. Проблема правового положения телепародии в РФ // Медиаскоп. 2011. Вып. 1. URL: <http://www.mediascope.ru/node/714#20>
7. Ворожевич А.С. Пародия как случай свободного использования объекта авторского права // ИС. Авторское право и смежные права. 2019. № 10. С. 15–22.
8. Овчинников И.В. Авторско-правовой режим апроприативного искусства: свободное использование или переработка произведения? // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 10. С. 90–99.

9. Куропацкая Е.Г. Пародия музыкального произведения // ИС. Авторское право и смежные права. 2025. № 4. С. 24–29.

10. Тупичинский А.С. Пародия как производное или оригинальное произведение: казнить нельзя помиловать // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2024. № 4 (46). С. 41–52.

11. Ионас В.Я. Произведения творчества в гражданском праве. М. : Юрид. лит., 1972. 168 с.

Тамара Дмитриевна Богданова

*Доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, кандидат юридических наук,
t.bogdanova@ip.su*

ПРАВОВАЯ ОХРАНА СОСТАВНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И ЗАЩИТА ПРАВ НА НИХ

Аннотация. В статье исследуется правовая охрана составных произведений и баз данных в контексте цифровой экономики. Анализируется эволюция критерия творчества и механизмов защиты от парсинга. Рассмотрены актуальные кейсы и позиция КС РФ № 25-П 2022 г., обеспечившая безусловную защиту прав составителя от внешних нарушителей. Делается вывод о необходимости законодательного уточнения критериев оригинальности составных произведений и регулирования использования искусственного интеллекта.

Ключевые слова: составное произведение, база данных, творческий характер, парсинг

Составные произведения, включая энциклопедии, базы данных, сборники и каталоги, занимают важное место в современной цифровой экономике. Они служат основой для информационных продуктов и сервисов. Согласно ст. 1260 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), составные произведения являются результатом творческого труда составителя по подбору и/или расположению материалов [1].

Главный правовой вызов заключается в том, что авторское право на составные произведения охраняет только форму (структуру, систематизацию), а не само содержание (факты, данные), которые по своей природе не могут быть объектом исключительных прав. Это ставит перед правоприменительной практикой

сложную задачу по разграничению охраноспособного творческого выбора и рутинного, технического подбора.

Критерий творческого характера подбора или расположения является краеугольным камнем охраны составных произведений. Суды, и в первую очередь Суд по интеллектуальным правам (далее – СИП), требуют от составителя доказать, что его работа не была очевидной, стандартной или технически обусловленной.

Российская практика в вопросе творческого характера составного произведения концептуально близка к подходу, закрепленному в американском праве. В знаковом деле *Feist Publications, Inc. Против Rural Telephone Service Company* (1991) Верховный суд США категорически отверг доктрину «пота и труда» (*sweat of the brow*), постановив, что авторское право защищает оригинальность, а не просто объем затраченных усилий. Для охраны компиляции фактов требуется минимальный уровень творчества (*minimal degree of creativity*) в подборе или расположении.

Следует также обратить внимание на европейский подход к правовой охране баз данных (которые являются разновидностью составных произведений). Он существенно отличается от американского (*Feist*) и вводит двойную систему защиты, закреплённую в Директиве ЕС о правовой охране баз данных (96/9/ЕС). Эта система обеспечивает защиту как творческой формы, так и экономических инвестиций. В ЕС база данных может охраняться двумя независимыми правами:

1) Авторское право (копирайт), которым охраняется структура базы данных (подбор и расположение материалов). Охрана предоставляется, только если структура является оригинальным интеллектуальным творением автора, т.е. отражает его свободный и творческий выбор (похоже на российскую и американскую практику).

2) Право *Sui Generis* (право изготовителя базы данных) – уникальный механизм, созданный в ЕС для защиты экономических инвестиций, независимо от творческого характера структуры.

Охраняется содержимое базы данных. Право возникает, если изготовитель вложил качественно или количественно значительные инвестиции в получение, проверку или представление содержимого базы данных. При этом действует запрет на извлечение и/или повторное использование всей или существенной части содержимого базы данных в течение 15 лет (может возобновляться при существенных изменениях). Именно применение этого права стало предметом знаковых судебных разбирательств, в частности, по делу о спортивных базах данных.

В рамках серии дел, касающихся защиты баз данных футбольных матчей (Football Dataco Ltd и др. против Yahoo! UK Ltd и др. – Дело С-604/10), компании, собирающие статистику (время голов, замены, жёлтые карточки), пытались защитить свои данные, которые были скопированы другими компаниями для создания конкурирующих платформ (например, для ставок). Они утверждали, что вложили значительные средства в создание и сбор этих данных.

Суд Европейского союза (CJEU) значительно сузил толкование критерия «значительных инвестиций» для права *sui generis*, провел четкое различие между инвестициями в создание данных (например, отправка людей на матчи для сбора статистики) и инвестициями в получение, проверку и представление существующих данных (например, оцифровка уже существующих архивных записей). Кроме того, Суд постановил, что право *sui generis* не защищает инвестиции, связанные с созданием самих данных или получением исходных сведений. Право *sui generis* направлено исключительно на защиту инвестиций, которые были вложены в обработку, проверку и систематизацию уже существующих материалов для их организации в базу данных. Если данные были созданы в ходе иной деятельности, не связанной с формированием базы (например, статистика матча – побочный продукт самого матча), то инвестиции в эту деятельность не учитываются для возникновения права *sui generis*.

Данная практика имеет прямое методологическое значение для толкования смежного права изготовителя базы данных в России (ст. 1333 ГК РФ), которое также требует доказательства существенных затрат на сбор, обработку или представление данных. Опыт ЕС показывает, что для эффективной защиты от парсинга (как в деле ВК против Double Data) важно доказывать не общие затраты на функционирование бизнеса, а целевые и существенные инвестиции именно в процессы сбора, верификации и организации информации. Иначе защита может быть предоставлена лишь в узких рамках авторского права (охрана структуры) или вовсе отсутствовать.

Таким образом, если расположение материалов в российском составном произведении является простым хронологическим или алфавитным списком, суды, следуя принципу, что факты не охраняются, отказывают в защите, поскольку в таком подборе отсутствует творческий элемент.

Наиболее острой проблемой до недавнего времени являлся риск отказа составителю в защите его прав от внешнего нарушителя на основании того, что сам составитель, возможно, не соблюдал права авторов произведений, включённых в составное произведение, – проблема «нечистого создания». Эта практика базировалась на буквальном толковании п. 3 ст. 1260 ГК РФ.

Постановление Конституционного Суда РФ от 29.05.2022 № 25-П [2] стало революционным. КС РФ признал неконституционным применение п. 3 ст. 1260 ГК РФ в части, позволяющей лишать составителя защиты от любого нарушителя, если у составителя имеются споры с оригинальными авторами включённых произведений.

Главный тезис КС РФ состоит в том, что исключительное право составителя на структуру составного произведения подлежит защите от третьих лиц независимо от правомерности использования им включённых в сборник произведений. Нарушение права составителя и нарушение составителем прав авторов компонентов – это два самостоятельных правонарушения.

Данное постановление фактически усилило правовую охрану составных произведений, исключив возможность для нарушителей избегать ответственности, ссылаясь на ошибки самого составителя.

Практика судов демонстрирует два основных направления защиты:

- от прямого копирования (авторское право);
- от технологического извлечения данных (смежное право).

Защита от прямого копирования и взыскание компенсации (Дело № А60-14340/2014) [3]. «Квадро-Пабблишинг» обратилось с иском о нарушении исключительного права на сборник путем его незаконного воспроизведения и распространения.

Семнадцатый арбитражный апелляционный суд Постановлением от 17.12.2014 отменил частичный отказ первой инстанции и взыскал с ответчика в пользу истца 130 000 руб. компенсации с учетом правил, действовавших до 2014 г. Постановление СИП от 24.03.2015, оставившее акты нижестоящих судов в силе, подтвердило признание сборника охраняемым составным произведением, а также эффективное применение компенсации (ст. 1301 ГК РФ) как основной меры защиты от контрафакта.

Защита от технологического извлечения в деле ВК против Double Data [4]. Спор (2017–2022 гг. между ООО «ВКонтакте» – изготовитель базы данных пользователей и ООО «Дабл» (Double Data, которая занималась парсингом (автоматизированным сбором) открытых данных пользователей для коммерческих целей, в частности, для оценки кредитоспособности. Суды, в частности, апелляционная инстанция, признали, что неоднократное извлечение, совершаемое в коммерческих целях, противоречит нормальному использованию базы данных и необоснованно ущемляет законные интересы изготовителя, что является нарушением смежного права (ст. 1334 ГК РФ).

Это дело стало прецедентом, подтвердившим возможность защиты базы данных от технологий Big Data через институт смежного права, который, в отличие от авторского права, охраняет не структуру, а инвестиции в создание и наполнение базы.

Сегодня правовая охрана составных произведений в России находится на этапе активной адаптации к цифровым реалиям. Последние решения высших судов устранили прежние риски и создали надёжную базу для защиты прав составителей.

Однако остаются вопросы, требующие законодательного вмешательства, в частности, уточнение критерия творчества для цифровых составных произведений. Думается, что необходимо внести в ст. 1260 ГК РФ примерный перечень (неисчерпывающий) признаков, указывающих на творческий характер подбора или расположения материалов в базах данных (например, использование уникальной системы классификации или аналитического отбора). Это снизит субъективизм судебного толкования.

На сегодняшний день отсутствует регулирование составных произведений, созданных с использованием искусственного интеллекта. Необходимо законодательно закрепить подход, при котором использование нейросетей как технического инструмента не лишает человека-составителя авторства на творческий подбор и расположение результата при условии доказательства его интеллектуального участия в структурировании.

Когда искусственный интеллект используется для создания составного произведения, возникают две основные модели:

- полностью автономное создание, когда искусственный интеллект самостоятельно отбирает и структурирует данные (например, автоматически генерирует каталог или новостной дайджест). В этом случае авторство отсутствует;

- человек использует искусственный интеллект как технический инструмент для сбора, обработки или первичной систематизации, но принимает творческие решения о финальном подборе и расположении материалов.

Без чёткого регулирования суды могут посчитать, что сам факт использования искусственного интеллекта лишает результат необходимого человеческого творческого вклада, что поставит под сомнение охраноспособность ценных цифровых продуктов.

В случае составного произведения охраняется оригинальная структура (форма), а не исходные данные. Искусственный интеллект может выполнить рутинную работу (парсинг 100 000 документов). Человек-составитель, используя этот массив данных, принимает субъективные и оригинальные решения, например, разрабатывает уникальную систему рубрикации, классификации и взаимосвязей, которая отражает его индивидуальное видение. Предлагаемый подход уже частично согласуется с защитой смежного права изготовителя базы данных (ст. 1333 ГК РФ).

Законодательное закрепление должно подтвердить творческий подбор и расположение, осуществлённые человеком, сохранять охраноспособность составного произведения, даже если исходный материал был собран или первично обработан искусственным интеллектом. Для реализации указанного предложения необходимо внести дополнение в ст. 1260 ГК РФ (или в раздел VII ГК РФ, посвящённый авторскому праву) следующего содержания: «Использование программных средств, включая системы искусственного интеллекта в процессе создания составного произведения, не исключает признание такого произведения охраняемым объектом авторского права, если подбор или расположение материалов отражают индивидуальное творческое решение человека-составителя, при условии, что лицо, заявившее авторство, может доказать своё интеллектуальное участие в формировании финальной структуры произведения».

Кроме того, следует уточнить в ГК РФ, что лицензия на включение произведения в состав составного произведения или иного сложного объекта является самостоятельным способом использования, требующим прямого согласия правообладателя, и не может быть заменена выплатой вознаграждения через организации по коллективному управлению (по аналогии с практикой СИП в отношении аудиовизуальных произведений).

Литература и источники

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации от 25 декабря 2006 г. № 52 (часть I) ст. 5496.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.2022 № 25-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 1260 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Е. Мамичева». URL: <https://rg.ru/documents/2022/07/01/sud-dok.html> (дата обращения: 11.11.2025).
3. Дело № А60-14340/2014. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/d3fc4582-f5e6-4302-966f-2d241ddd9b8d> (дата обращения: 12.11.2025).
4. Дело ВКонтакте против BigDate. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/1f33e071-4a16-4bf9-ab17-4df80f6c1556> (дата обращения: 12.11.2025).

ЗАЩИТА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ

Евгений Александрович Дедков

*Управляющий партнер Коллегии адвокатов «Дедков и партнеры»,
адвокат, российский и евразийский патентный поверенный,
ed@dedkov.partners*

КОМПЕНСАЦИЯ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВ НА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНУЮ СОБСТВЕННОСТЬ: НОВЫЕ «ПРАВИЛА ИГРЫ» С ЯНВАРЯ 2026 ГОДА

Аннотация. В статье приводится обзор новелл о взыскании компенсации за нарушение прав на интеллектуальную собственность Федерального закона от 07.07.2025 № 214-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации», которые вступят в силу с 4 января 2026 г. Автор проводит анализ новых норм в сравнении с действующим правовым регулированием и приходит к выводу о крайне неудачной реформе института IP-компенсации.

Ключевые слова: компенсация, нарушение исключительного права, новеллы

Взыскание компенсации стабильно является одной из наиболее актуальных проблем судебной практики в сфере защиты прав интеллектуальной собственности. За более чем 30-летний период существования института IP-компенсации в российской правовой системе, введенного в нее в качестве альтернативы сложно доказуемого возмещения убытков, данный институт эволюционировал и сильно отошел от своей концепции как простого и формализованного способа правовой защиты. Изначально простые по своей сути правила определения компенсации, как оценочной от 10 000 до 5 000 000 руб. по усмотрению суда, исходя из характера нарушения, так и расчетной в двукратном размере стоимости контрафактных товаров (экземпляров) либо в двукратном размере стоимости права использования, на практике в условиях действия безвиновной ответственности за нарушение исключительных

прав, множественности задействованных способов использования объекта ИС при типичном нарушении, мультиохраны одной сущности различными режимами интеллектуальной собственности и т.д., столкнулись в судах с фундаментальными правовыми принципами справедливости, разумности и соразмерности.

В настоящее время помимо норм Гражданского кодекса Российской Федерации правила взыскания компенсации определяются следующими актами судебного протворчества:

– Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» (п. 56, 59–74).

– Рекомендациями НКС при Суде по интеллектуальным правам по вопросам, возникающим при установлении одной экономической цели и единства намерений правонарушителя (п. 56 и 65 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10) (утв. Постановлением Президиума СИП от 15.02.2023 № СП-22/4).

– Постановлениями Конституционного Суда РФ № 28-П от 13.12.2016, № 8-П от 13.02.2018, № 40-П от 24.07.2020, № 57-П от 14.12.2023.

4 января 2026 г. вступит в силу Федеральный закон от 07.07.2025 № 214-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации», устанавливающий новые правила взыскания IP-компенсаций (далее – Закон о компенсациях).

Если законодатель стремился обобщить и кодифицировать уже выработанные судебной практикой правила взыскания компенсаций и создать для судей в тексте ГК РФ простую «инструкцию», как определять их размеры, то данную попытку следует признать крайне неудачной.

Одной из новелл Закона о компенсациях является превращение части четвертой ГК РФ, по сути, в учебник: ст. 1252 ГК РФ

дополнятся новым п. 1.1, в котором излагается понятие нарушения исключительного права: *«Нарушением исключительного права признается незаконное использование одного результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации каким-либо одним способом»*. Очевидно, что практическое значение данной нормы заключается только в указании на использование объекта ИС одним способом. То есть если использование объекта ИС осуществлено несколькими способами, то это уже не одно, а соответствующее количество нарушений исключительного права, за каждое из которых может быть взыскана компенсация. Однако что такое *«способ использования»* или *«один способ использования»* объекта ИС закон не определяет. В настоящее время для объектов авторского права считается, что способами использования являются действия, перечисленные в подп. с 1-го по 11-й п. 2 ст. 1270 ГК РФ: *воспроизведение, распространение, переработка, доведение до всеобщего сведения* и т.д. (то что ранее по Закону РФ от 09.07.1993 № 5351-1 «Об авторском праве и смежных правах» признавалось самостоятельными имущественными авторскими правами). При этом п. 1 ст. 1270 ГК РФ устанавливает, что приведенный в п. 2 ст. 1270 ГК РФ перечень действий по использованию объекта авторского права не является исчерпывающим, поэтому возможны и *иные способы использования*. Но общего понятия *«способ использования»* закон не содержит. Еще интересней с нарушением исключительного права на товарный знак. По аналогии с конструкцией нормы п. 2 ст. 1270 ГК РФ, согласно перечню действий в подп. с 1-го по 5-й п. 2 ст. 1484 ГК РФ, самостоятельными способами использования товарного знака (знака обслуживания) являются: *размещение на товарах, в том числе на этикетках, упаковках товаров; использование при выполнении работ, оказании услуг; размещение на документации, связанной с введением товаров в гражданский оборот; размещение в предложениях о продаже товаров, о выполнении работ, об оказании услуг, а также в объявлениях, на*

вывесках и в рекламе; использование в сети Интернет, в том числе в доменном имени и при других способах адресации. Означает ли новый п. 1.1 ст. 1252 ГК РФ, что с 4 января 2026 г. можно требовать взыскания самостоятельных компенсаций, скажем, за указание товарного знака в предложениях к продаже на сайте, за размещение товарного знака на проданных товарах и за указание товарного знака в товарных накладных или универсальных передаточных документах, сопровождающих реализацию этих товаров?

Пункт 5 новой ст. 1252.1 ГК РФ «Компенсация за нарушение исключительного права» говорит нам, что *«компенсация не взыскивается в случае применения такого способа использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, который объективно необходим для применения другого способа использования и сам по себе не имеет самостоятельного экономического значения».* Странность данной нормы в связке с п. 1.1 ст. 1252 ГК РФ заключается в том, что закон признает здесь самостоятельные нарушения исключительного права, но при этом устанавливает, что за отдельные нарушения *«компенсация не взыскивается».* То есть получается, что возможны особые нарушения исключительных прав в отношении объектов ИС, защищаемых иском о взыскании компенсации, за которые взыскать компенсацию нельзя.

В целом новые нормы п. 1.1 ст. 1252 и п. 5 ст. 1252.1 ГК РФ являются плохой реализацией судебной доктрины «одной экономической цели». Так, в п. 56 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 установлено, что «использование результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации несколькими способами представляет собой, по общему правилу, соответствующее число случаев нарушений исключительного права.

Вместе с тем использование результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации одним лицом различными способами, направленными на достижение одной экономической цели, образует одно нарушение исключительного права. Например, хранение или перевозка контрафактного товара при условии, что они завершены фактическим введением этого товара в гражданский оборот тем же лицом, являются элементом введения товара в гражданский оборот и отдельных нарушений в этом случае не образуют; продажа товара с последующей его доставкой покупателю образует одно нарушение исключительного права».

Зачем вместо воспроизведения в качестве нормы права в ГК РФ разъяснения п. 56 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 о том, что использование объекта ИС различными способами, направленными на достижение одной экономической цели, образует одно нарушение исключительного права, введена конструкция нарушений исключительного права, за которые «компенсация не взыскивается», остается загадкой.

Но если ситуацию с осуществлением совокупности связанных между собой способов использования объектов ИС законодатель еще хоть как-то проработал, то этого нельзя сказать о второй важной судебной доктрине «единства намерений правонарушителя».

Согласно п. 65 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10, «распространение нескольких материальных носителей при неправомерном использовании одного результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации составляет одно правонарушение, если такое нарушение охватывается единством намерений правонарушителя (например, единое намерение нарушителя распространить партию контрафактных экземпляров одного произведения или контрафактных товаров). При этом каждая сделка купли-продажи (мены, дарения) материальных носителей (как идентичных, так и нет) квалифицируется как самостоятельное нарушение исключительного права,

если не доказано единство намерений правонарушителя при совершении нескольких сделок.

При доказанном единстве намерений правонарушителя количество контрафактных экземпляров, товаров (размер партии, тиража, серии и так далее) может свидетельствовать о характере правонарушения в целом и подлежит учету судом при определении конкретного размера компенсации».

Подобной нормы о том, как определять размер компенсации в ситуации, когда нарушитель осуществил реализацию нескольких контрафактных товаров (экземпляров), в Законе о компенсациях не содержится. Поэтому этот закон не получится использовать в качестве «инструкции» для определения размеров компенсаций во всех типичных ситуациях, возникающих в судебной практике, а значит, необходимость обращения практикующих юристов и судей к разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ и Суда по интеллектуальным правам не исчезнет.

Еще одной особенностью Закона о компенсациях является еще большая дифференциация компенсаций применительно к различным объектам ИС по возможным способам их определения и максимальному размеру.

В настоящее время институт взыскания компенсации применительно к объектам авторского права (ст. 1301 ГК РФ), смежных прав (ст. 1311 ГК РФ), товарным знакам (п. 4 ст. 1515 ГК РФ), географическим указаниям и наименованиям мест происхождения товаров (п. 2 ст. 1537 ГК РФ) является унифицированным: можно требовать взыскания оценочной компенсации в размере от 10 000 до 5 000 000 руб. по усмотрению суда, исходя из характера нарушения, или расчетной компенсации либо в размере двукратной стоимости контрафактных товаров (экземпляров) либо (за исключением компенсации за нарушение прав на ГУ и НМПТ, распоряжение которыми невозможно) в размере двукратной стоимости права использования объекта ИС, определяемой исходя из цены, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается

за его правомерное использование. Особняком стоит только компенсация за нарушение патентных прав: согласно ст. 1406.1 ГК РФ, нельзя взыскать компенсацию в двукратном размере стоимости товаров, в которых незаконно использованы изобретение, полезная модель или промышленный образец.

Согласно Закону о компенсациях, ослабленный характер патентных прав сохраняется – взыскание компенсации в двукратном размере стоимости контрафактных товаров при нарушении патентов по-прежнему не предусмотрено.

При этом в ст. 1301, ст. 1311, п. 4 ст. 1515 ГК РФ размер максимальной оценочной компенсации увеличивается с 5 000 000 до 10 000 000 руб., но в п. 2 ст. 1537 ГК РФ сохраняется ее максимальный размер 5 000 000 руб. Кроме того, для защиты права на ГУ и НМПП утрачивается возможность взыскать компенсацию в двукратном размере стоимости контрафактных товаров, на которых незаконно размещено ГУ или НМПП. Получается, что исключительное право на ГУ и НМПП становится ослабленным по сравнению с исключительными авторскими и смежными правами и правом на товарный знак.

Вообще с размерами компенсаций с 4 января 2026 г. будет не так-то просто разобраться. В п. 4 новой ст. 1252.1 ГК РФ законодатель решил подробнейшим образом урегулировать определение размеров компенсаций в ситуации, когда в одном контрафактном материальном носителе незаконно использовано несколько объектов ИС, в п. 7 новой ст. 1252.1 ГК РФ установил особые правила определения компенсации при безвиновном нарушении при осуществлении предпринимательской деятельности, а также ввел особые правила взыскания компенсаций в п. 3 ст. 1299 ГК РФ (за устранение технических средств защиты авторских прав и введение в оборот средств для их обхода) и п. 3 ст. 1300 ГК РФ (за удаление или изменение информации об авторском праве и использование произведений с удаленной или измененной информацией об авторском праве).

Теперь появляются оценочные компенсации «от 1 000 рублей», «до 100 000 рублей», «до 500 000 рублей», «до 11 000 000 рублей», «до 20 000 000 рублей»; расчетные компенсации «в размере, превышающем однократную стоимость контрафактных материальных носителей или однократной стоимости права использования, но не более их двукратной стоимости»; компенсации, определяемые в размере от 150 до 220% стоимости контрафактных материальных носителей или стоимости права использования. Какой-либо системности в многообразии этих формул увидеть невозможно. Особенно сложна юридическая техника п. 4 новой ст. 1252.1 ГК РФ. Так, например, подп. 2 п. 4 ст. 1252.1 ГК РФ содержит две ссылки на *«абзац третий пункта 2 настоящей статьи»* и *«подпункт 2 пункта 2 статьи 1301 настоящего Кодекса»*, а подп. 2 п. 2 ст. 1301 ГК РФ, в свою очередь, отсылает к *«подпункту 2 или 3 пункта 1 настоящей статьи»*.

Не избежал законодатель и логических ошибок. Так, в ситуации, когда в одном контрафактном материальном носителе незаконно использовано несколько объектов ИС, п. 7 новой ст. 1252.1 ГК РФ предусматривает взыскание компенсации в размере от однократной, но не более двукратной стоимости контрафактных товаров (экземпляров) или стоимости права использования, тогда как в случае использования в одном контрафактном материальном носителе лишь одного объекта ИС правообладатель вправе взыскать компенсацию либо в размере двукратной стоимости контрафактных товаров (экземпляров) (подп. 2 п. 1 ст. 1301, подп. 2 ст. 1311, подп. 2 п. 4 ст. 1515, ГК РФ), либо в размере двукратной стоимости права использования (подп. 3 п. 1 ст. 1301, подп. 3 ст. 1311, подп. 2 ст. 1406.1, подп. 3 п. 4 ст. 1515 ГК РФ).

Пожалуй, самой большой проблемой Закона о компенсациях является смешение двух разных видов компенсаций – оценочной (определяемой по усмотрению суда, исходя из характера нарушения, в вилке от минимальной до максимальной суммы) и расчетной

(определяемой в двукратном размере стоимости либо контрафактных товаров (экземпляров), либо стоимости права использования).

В настоящее время данные виды компенсации разграничены.

По действующему законодательству определение размера компенсации в зависимости от характера нарушения и иных обстоятельств дела с учетом требований разумности и справедливости предусмотрено только для оценочных компенсаций (абз. 2 п. 3 ст. 1252 ГК РФ). Согласно п. 62 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10, «при определении размера компенсации суд учитывает, в частности, обстоятельства, связанные с объектом нарушенных прав (например, его известность публично), характер допущенного нарушения (в частности, размещен ли товарный знак на товаре самим правообладателем или третьими лицами без его согласия, осуществлено ли воспроизведение экземпляра самим правообладателем или третьими лицами и т.п.), срок незаконного использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, наличие и степень вины нарушителя (в том числе носило ли нарушение грубый характер, допускалось ли оно неоднократно), вероятные имущественные потери правообладателя, являлось ли использование результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации, права на которые принадлежат другим лицам, существенной частью хозяйственной деятельности нарушителя, и принимает решение *исходя из принципов разумности и справедливости, а также соразмерности компенсации последствиям нарушения*».

Размер расчетных компенсаций является минимальным и максимальным одновременно. Снижать их размер со ссылкой на принципы справедливости, разумности и соразмерности нельзя. Так, в п. 61 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 сказано, что «если правообладателем заявлено требование о выплате компенсации в двукратном размере стоимости права использования произведения, объекта смежных прав, изобретения, полезной модели, промышленного образца

или товарного знака, то определение размера компенсации осуществляется исходя из цены, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за правомерное их использование тем способом, который использовал нарушитель.

Если правообладателем заявлено требование о выплате компенсации в двукратном размере стоимости контрафактных экземпляров (товаров), то при определении размера компенсации за основу следует принимать ту стоимость этих экземпляров (товаров), по которой они фактически продаются или предлагаются к продаже третьим лицам».

Баланс между строгостью расчетных компенсаций и интересами ответчиков при малозначительных и впервые совершенных нарушениях исключительных прав был установлен в Постановлении Конституционного Суда РФ № 40-П от 24.07.2020 «По делу о проверке конституционности подпункта 2 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда», которым была предусмотрена возможность снижения судом компенсации в двукратном размере стоимости контрафактных товаров, но не ниже однократного размера стоимости контрафактных товаров, при выполнении следующих условий в совокупности:

1) если размер компенсации многократно превышает величину причиненных правообладателю убытков (при том, что убытки поддаются исчислению с разумной степенью достоверности, а их превышение должно быть доказано ответчиком);

2) если правонарушение совершено индивидуальным предпринимателем впервые;

3) если использование объектов интеллектуальной собственности, права на которые принадлежат другим лицам, с нарушением этих прав не являлось существенной частью предпринимательской деятельности ответчика;

4) если допущенное нарушение не носило грубый характер.

Согласно п. 59 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10, «суд по своей инициативе не вправе изменять способ расчета суммы компенсации». Данное разъяснение имеет важное значение для судебного процесса и основано на принципе диспозитивности. Так, согласно Определению Конституционного Суда РФ от 24.10.2013 № 1626-О, в силу присущего гражданскому судопроизводству принципа диспозитивности только истец определяет, защищать ему или нет свое нарушенное или оспариваемое право (ч. 1 ст. 4 ГПК Российской Федерации), к кому предъявлять иск (п. 3 ч. 2 ст. 131 ГПК Российской Федерации) и в каком объеме требовать от суда защиты (ч. 3 ст. 196 ГПК Российской Федерации). Соответственно, суд обязан разрешить дело по тому иску, который предъявлен истцом, и только в отношении того ответчика, который указан истцом, за исключением случаев, прямо определенных в законе. Указанная правовая позиция применима и в арбитражном судопроизводстве (постановления Суда по интеллектуальным правам от 29.07.2024 № С01-720/2024 по делу № А60-42019/2023, от 28.06.2024 № С01-738/2024 по делу № А47-13137/2023, от 05.06.2024 № С01-264/2023 по делу № А40-49800/2022, от 27.05.2024 № С01-760/2024 по делу № А43-14965/2023, от 07.03.2024 № С01-2850/2023 по делу № А32-61183/2022 и др.).

Однако Закон о компенсациях правило о разграничении оценочных и расчетных компенсаций отменяет.

Во-первых, на это указывает редакция п. 2 новой ст. 1252.1 ГК РФ: *«Компенсация может быть исчислена с помощью одного из следующих способов расчета, используемых по основаниям и в пределах, которые предусмотрены настоящим Кодексом для отдельных видов результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации с учетом их особенностей:*

назначение компенсации в твердом размере;

назначение компенсации в размере, кратном стоимости контрафактных материальных носителей;

назначение компенсации в размере, кратном стоимости права использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, определяемой исходя из цены, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за правомерное использование таких результата или средства тем способом, который использовал нарушитель.

Размер компенсации определяется судом в зависимости от обстоятельств дела соразмерно объему и характеру нарушения, а также с учетом требований разумности и справедливости».

Как видно, в отличие от действующего абз. 2 п. 3 ст. 1252 ГК РФ, правило о том, что «размер компенсации определяется судом в зависимости от обстоятельств дела соразмерно объему и характеру нарушения, а также с учетом требований разумности и справедливости», сформулировано в отношении всех видов компенсации, т.е. касается и расчетных компенсаций.

Во-вторых, п. 3 новой ст. 1252.1 ГК РФ устанавливает, что «если выбранный правообладателем способ расчета компенсации не является применимым к обстоятельствам нарушения исключительного права, суд вправе взыскать компенсацию в твердом размере в соответствии с требованиями настоящей статьи».

Отступление от принципа диспозитивности гражданского и арбитражного процесса здесь налицо. Думается, что изменением правила п. 59 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 о том, что суд по своей инициативе не вправе изменять способ расчета суммы компенсации, законодатель хотел решить проблему, когда правообладатель выбрал для защиты своих прав расчетную компенсацию, доказал нарушение, но не смог доказать основание для расчета компенсации, например, не смог достоверно подтвердить стоимость права использования объекта ИС, исходя из цены, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за правомерное их использование тем способом, который использовал нарушитель. В таком случае, согласно правилу п. 59 Постановления Пленума Верховного Суда

РФ от 23.04.2019 № 10, суд должен был отказать в иске, что вызвало вопросы о справедливости такого решения. Однако, как говорится, благими намерениями вымощена дорога в ад. Представляется, что положения п. 2 и 3 новой ст. 1252.1 ГК РФ, предусматривающие возможность по усмотрению суда взыскать вместо расчетной оценочную компенсацию, судьи будут применять всегда, когда доказанная сумма расчетной компенсации им будет казаться слишком высокой (чрезмерной). Основание для таких опасений дает уже существующая судебная практика снижения доказанных расчетных компенсаций лишь с формальной ссылкой на Постановление Конституционного Суда РФ № 40-П от 24.07.2020 (без установления обстоятельств дела, соответствующих предусмотренным данным постановлением основаниям снижения компенсации) и на весьма абстрактные принципы справедливости, разумности и соразмерности. Если и сейчас, заявляя ко взысканию как оценочную, так и расчетную компенсацию, при качественно собранной доказательственной базе правообладатель не может быть уверен в том, что его иск будет удовлетворен в полном объеме, то по Закону о компенсациях неопределенности в исходе дела станет гораздо больше.

Что касается вопроса о справедливости правила п. 59 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 в разрезе ситуации, когда доказано нарушение, но не доказано основание для определения расчетной компенсации, то, на мой взгляд, ответ на него зависит от выбранной концепции судебного процесса – является ли он социальным или профессиональным? Как известно, большинство споров о защите исключительных прав, в том числе о взыскании компенсаций, рассматриваются арбитражными судами. Арбитражный процесс всегда был профессиональным, и начала профессионализации со временем в нем только усиливались. Как установлено ч. 2 ст. 9 АПК РФ, «лица, участвующие в деле, несут риск наступления последствий совер-

шения или несовершения ими процессуальных действий». Элементы социальной защиты в арбитражном процессе допустимы только по отношению к ответчику, который вступает в процесс не по своей воле и может относиться к микробизнесу – фактически являться обычным гражданином (примером такой социальной защиты является Постановление Конституционного Суда РФ № 40-П от 24.07.2020). Однако истец инициирует процесс по своей воле и всегда «делает первый ход». Даже в том случае, если сам истец не является профессионалом, он имеет возможность нанять адвоката, патентного поверенного, иного профессионального представителя либо передать свои права в доверительное управление лицу, осуществляющему на профессиональной основе защиту прав интеллектуальной собственности. Таким образом, ошибка в выборе релевантного вида компенсации или упущения в доказывании основания расчетной компенсации являются рисками истца, и поэтому отказ в иске вследствие таких ошибок и упущений не должен вызывать вопрос о справедливости такого решения.

Также в Законе о компенсациях удивление вызывает аномальный для деликтного права подход к солидарной ответственности.

Напомню действующее правовое регулирование по данному предмету. Согласно п. 6.1 ст. 1252 ГК РФ, «в случае, если одно нарушение исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации совершено действиями нескольких лиц совместно, такие лица отвечают перед правообладателем солидарно» (эта норма сохранит свое действие после 3 января 2026 г.). В п. 71 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 разграничиваются последовательные и совместные нарушения. Установлено, что «в случаях ряда *последовательных нарушений* исключительного права различными лицами каждое из этих лиц несет *самостоятельную ответственность* за допущенные нарушения», а «*Положение о солидарной ответственности* применяется в случаях,

когда нарушение исключительного права имело место в результате *совместных действий нескольких лиц, направленных на достижение единого результата*».

Закон о компенсациях вводит солидарную ответственность в виде взыскания компенсации за самостоятельные, т.е. последовательные нарушения исключительного права (sic!), например, в ситуации перепродажи контрафактных товаров (экземпляров). Так, п. 8 новой ст. 1252.1 ГК РФ устанавливается, что *«если несколько лиц совершили самостоятельные нарушения исключительного права с использованием одних и тех же контрафактных материальных носителей, суд может взыскать с этих лиц компенсацию солидарно при условии, что привлечение этих лиц к ответственности перед правообладателем по отдельности привело бы к его неосновательному обогащению. Если иное не вытекает из отношений между указанными нарушителями, нарушитель, исполнивший солидарную обязанность перед правообладателем, имеет право регрессного требования к остальным нарушителям пропорционально вкладу каждого из них в возникновение у правообладателя неблагоприятного имущественного последствия за вычетом доли, падающей на самого такого нарушителя. При этом в случае невозможности установить размер вклада каждого из нарушителей в возникновение у правообладателя указанного неблагоприятного последствия такой вклад предполагается равным*». Помимо самой идеи введения солидарной ответственности за самостоятельные нарушения исключительных прав в данной норме вызывают недоумение сразу несколько аспектов. Во-первых, не понятно, как применение такого законного способа правовой защиты, как взыскание компенсации, может повлечь *неосновательное обогащение* правообладателя. В соответствии с п. 1 ст. 1102 ГК РФ, неосновательным обогащением является неосновательно приобретенное или сбереженное имущество, которое получено/сэкономлено одним лицом

(приобретателем) за счет другого лица (потерпевшего) без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований. IP-компенсация взыскивается на основании закона и поэтому не может повлечь неосновательное обогащение правообладателя. При этом закон предусматривает право суда отказать в иске о взыскании компенсации полностью или частично, если действия по применению данной меры защиты могут быть квалифицированы как злоупотребление правом (п. 2 ст. 10 ГК РФ, п. 154 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10). Во-вторых, не понятно, что такое *вклад каждого нарушителя в возникновение у правообладателя неблагоприятного имущественного последствия*. Вклад может быть только в достижение общего результата при совместных действиях нескольких лиц. Так, например, п. 1 ст. 1041 ГК РФ устанавливает, что «по договору простого товарищества (договору о совместной деятельности) двое или несколько лиц (товарищей) обязуются соединить свои вклады и совместно действовать без образования юридического лица для извлечения прибыли или достижения иной не противоречащей закону цели». Кроме того, разве может быть выражено *неблагоприятное имущественное последствие у правообладателя* в чем-либо кроме убытков? На мой взгляд, ничем кроме убытков такие имущественные последствия быть не могут. Тогда возникает вопрос: а каким образом один из нарушителей, с которого правообладатель, не доказывая размер своих убытков, взыскал компенсацию, потом в самостоятельном процессе о взыскании компенсации в порядке регресса с других нарушителей должен доказывать размер убытков правообладателя и размер «*вклада*» в эти убытки каждым нарушителем?

Своеобразной «вишенкой на торте» в Законе о компенсациях является отсутствие переходных положений. Нарушения прав на интеллектуальную собственность могут быть длящимися. Какие нормы следует применять суду, если нарушение исключительного права началось во время действия ныне существующих

норм, а завершится оно или будет продолжаться после 3 января 2026 г.? В отсутствие переходных положений должны применяться общие нормы ст. 4 ГК РФ о действии гражданского законодательства во времени: «Акты гражданского законодательства не имеют обратной силы и применяются к отношениям, возникшим после введения их в действие. Действие закона распространяется на отношения, возникшие до введения его в действие, только в случаях, когда это прямо предусмотрено законом» (п. 1). «По отношениям, возникшим до введения в действие акта гражданского законодательства, он применяется к правам и обязанностям, возникшим после введения его в действие» (п. 2). Ко взысканию компенсации применение правила п. 2 ст. 4 ГК РФ буквально невозможно, ведь право на взыскание компенсации возникает с момента начала совершения правонарушения, но в дальнейшем оно изменяется в ходе его совершения (срок незаконного использования объекта ИС увеличивает размер оценочной компенсации, а объем использования объекта ИС прямо влияет на размер расчетных компенсаций).

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод, что Закон о компенсациях только усложняет и так уже очень сложную систему норм и разъяснений судебной практики о взыскании компенсации и порождает ряд новых проблем, решение которых требует принятия новых разъяснений высшей судебной инстанции (наряду с пересмотром Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10). В связи с этими новеллами вспоминается нетленная крылатая фраза мастера политического афоризма: *«Хотели как лучше, а получилось как всегда»*.

Дмитрий Владимирович Кожемякин

*Старший научный сотрудник НОЦ «Интеллектуальная собственность и интеллектуальные права» ЮИ НИ ТГУ, кандидат юридических наук,
i@dv-k.ru*

СООТНОШЕНИЕ СПОСОБОВ РАСЧЕТА КОМПЕНСАЦИИ ЗА НАРУШЕНИЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ПРАВА

Аннотация. В статье анализируется соотношение способов расчета компенсации за нарушение исключительного права в контексте реформы гражданского законодательства и вступления с января 2026 г. в силу Федерального закона от 07.07.2025 № 214-ФЗ, изменяющего порядок расчёта такой компенсации. На основе сложившейся судебной практики, а также теоретических подходов к экономическому обоснованию применения компенсации, исходя из двукратной стоимости материальных носителей и права использования, автором делается попытка реконструирования возможного правоприменения новых норм.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, исключительное право, способы защиты, компенсация, двукратная стоимость товаров, двукратная стоимость права использования

Компенсация за нарушение исключительного права представляет собой, вероятно, наиболее эффективный способ защиты такого права, применение которого в то же время неустанно поднимает вопрос о соразмерности между последствиями нарушения и предусмотренной законом ответственностью. Так, за период с 2016 по 2025 г. Конституционным Судом единожды выявлялся конституционно-правовой смысл положений о компенсации и дважды соответствующие положения признавались неконституционными [1–3]. При этом всякий раз, когда Конституционный Суд РФ обращался к вопросу исчисления компенсации, это неизменно было связано с тем, что минимальные ее размеры, установленные законом, явно входили в противоречие с принципами

справедливости, разумности и соразмерности в контексте существования и последствий нарушения исключительного права со стороны ответчика.

К настоящему моменту последней вехой в области изменения подходов к исчислению компенсации, связанной в том числе с попыткой найти баланс между эффективной защитой и справедливой ответственностью, стало принятие Федерального закона от 07.07.2025 № 214-ФЗ [4], вступающего в силу в январе 2026 г. Положения данного закона вносят существенные корректировки в порядок исчисления компенсации.

В число нововведений входят и изменения в области соотношения способов расчета компенсации и права суда по своей инициативе изменять порядок такого расчёта. Действующее законодательство содержит три способа расчёта компенсации за нарушение исключительного права. Первый – это исчисление компенсации в твердом размере исходя из диапазона от десяти тысяч рублей до пяти миллионов (компенсация в твердом размере), с января 2026 г. верхний порог при таком расчете повышается до десяти миллионов рублей. Два других – это компенсации, рассчитываемые исходя из двукратной стоимости материальных носителей, в которых нашли выражения результаты интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, либо исходя из двукратной стоимости права использования объектов интеллектуальных прав. При этом если первый способ использования является универсальным и применяется во всех случаях, когда законом предусмотрена возможность взыскания компенсации, кратная компенсация специфична для определенных видов результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации. Так, двукратная стоимость материальных носителей не применяется при незаконном использовании объектов патентных прав, а положения о двукратной стоимости права использования не применяются при взыскании компенсации за незаконное использование наименований места, происхождения товаров и географических указаний.

К настоящему моменту судебной практикой сформирован подход, в соответствии с которым выбор способа расчета компенсации определяет истцом, а суд не вправе изменять такой способ по своей инициативе. Так, в п. 59 Пленума ВС РФ № 10 от 23.04.2019 прямо указано, что «при заявлении требований о взыскании компенсации правообладатель вправе выбрать один из способов расчета суммы компенсации, указанных в подпунктах 1, 2 и 3 статьи 1301, подпунктах 1, 2 и 3 статьи 1311, подпунктах 1 и 2 статьи 14061, подпунктах 1 и 2 пункта 4 статьи 1515, подпунктах 1 и 2 пункта 2 статьи 1537 ГК РФ, а также до вынесения судом решения изменить выбранный им способ расчета суммы компенсации, поскольку предмет и основания заявленного иска не изменяются. Суд по своей инициативе не вправе изменять способ расчета суммы компенсации» [5].

Приведенное выше правило сформировалось как своеобразная защита истца от свободы усмотрения суда при исчислении размера компенсации и было направлено в том числе на то, чтобы суды не использовали возможность изменения способа расчета как средство снижения размера компенсации, в том числе, когда кратная компенсация представлялась им чрезмерной и несправедливой.

Между тем вступающий в силу Федеральный закон от 07.07.2025 № 214-ФЗ явным образом изменяет приведенное выше правило. Так, в соответствии с п. 2 ст. 1252.1 ГК РФ, вводимой данным законом, «если выбранный правообладателем способ расчета компенсации не является применимым к обстоятельствам нарушения исключительного права, суд вправе взыскать компенсацию в твердом размере в соответствии с требованиями настоящей статьи» [4]. Таким образом, с вступлением в силу данного федерального закона у судов появится право изменять способ расчета компенсации, при этом единственным критерием такого изменения является неприменимость кратной компенсации к обстоятельствам нарушения. Это естественным образом ставит вопрос

о том, какие именно обстоятельства нарушения являются несовместимыми с кратной компенсацией.

Наиболее очевидным ответом в данном случае выступает ситуация, когда истец, заявляя кратную компенсацию, не может представить относимых и допустимых доказательств для её исчисления, что в рамках существующей судебной практики неизменно ставит суды перед нелегким выбором: следуя принципу *fiat iustitia et pereat mundus*, отказать в иске, несмотря на очевидное нарушение, или же закрыть глаза на шероховатости доказательной базы, творчески переосмыслить представленные доказательства и все-таки иск удовлетворить.

В особенности узвзимым в этом плане является исчисление компенсации на основе двойной стоимости права использования. Так, действующая судебная практика исходит из того, что стоимость права использования определяется исходя из стоимости неисключительной лицензии. Однако, как правило, лицензия по объему предоставляемых способов использования, территории, срокам шире, чем то, в каком виде совершено нарушение. В то же время закон требует исчисления компенсации исходя из «сравнимых обстоятельств», что интерпретируется судами как необходимость уменьшения компенсации по сравнению с ценой лицензионного договора. Р.Л. Лукьянов отмечает, что «несовпадение в способе использования и объеме прав (в том числе в части срока или территории использования) по лицензионному договору даст возможность суду в меньшем размере, чем просил истец, определять размер взыскиваемой КНИП. ...складывающаяся практика показывает, что суды в таких случаях делят КНИП пропорционально количеству способов, территорий и иных параметров» [6. С. 150]. Данный подход справедливо критикуется, так как во многих случаях приводит к взысканию символических компенсаций, не обеспечивающих превенцию нарушения, а также позволяет нарушителю фактически использовать объект интеллектуальных

прав на более выгодных условиях по сравнению с обычным лицензиатом, фактически через нарушение постфактум получая «лицензию», которую он никогда не смог бы получить в рамках обычной договорной практики правообладателя. Также имеется и немногочисленная судебная практика отказа в иске, когда правообладатель не смог доказать стоимость права использования (как, например, в деле А40-126600/2013).

На первый взгляд, кажется достаточно очевидным, что описываемая выше проблема может и, вероятно, будет в будущем решаться судами через изменения способа расчёта компенсации. Между тем нельзя сказать, что такое решение было бы удачным или желательным. В результате это может привести к практически полному нивелированию положений о возможности исчисления компенсации исходя из двукратной стоимости права использования, так как отмечалось, объем лицензии практически никогда не совпадает в точности с нарушением.

Говоря о двукратной стоимости материальных носителей, можно отметить, что здесь также действующая судебная практика выявила случаи невозможности применения двукратной компенсации. Например, в деле А42-5880/2023 Верховный Суд РФ указал, что количество экземпляров, на основе которых исчисляется компенсация, не должно носить предположительный характер. Следовательно, при невозможности доказать такое количество суды с большой долей вероятности будут изменять способ расчета компенсации. Аналогичным образом в делах А45-4790/2022 и А56-128858/2022 Верховный Суд РФ указал, что для исчисления компенсации, исходя из двукратной стоимости контрафактных экземпляров, такие экземпляры должны существовать в том количестве, которое истец принимает за основу для расчета. Следовательно, двукратная компенсация по стоимости экземпляров или товаров не может быть применена в ситуации, когда ответчик предлагает их изготовить по заказу, а не продает существующие изделия.

На наш взгляд, возможны и иные случаи, когда компенсация, исходя из двукратной стоимости материальных носителей, не является применимой. Так, экономически применение данного способа расчёта компенсации оправдано в тех случаях, когда стоимость носителя связана с использованием в нем результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации. Иными словами, когда результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации в полной мере ассоциируется у потребителя с товаром.

Например, при взыскании компенсации за нарушение исключительного авторского права на «книгу» вполне разумным видится исходить из двойной стоимости контрафактного тиража, т.е. по сути своей книга как вещь является лишь материальным воплощением литературного произведения как результата интеллектуальной деятельности. Аналогичным образом разумно взыскание двукратной компенсации за нарушение исключительного права на товарный знак, если такой в полной мере индивидуализирует товар, выступая его явным идентификатором в гражданском обороте (например, товарный знак, содержащий обозначение *soca-cola* для напитка).

В то же время взыскание двойной стоимости товаров при нарушении исключительного права лишь на дизайн его упаковки видится не соответствующим экономической природе двукратной компенсации, так как ценность товара не равна ценности обертки. Аналогичным образом дело может обстоять и с товарными знаками. Например, если товарный знак зарегистрирован для услуг издательства и для книг как товаров, но при этом у потребителей он ассоциируется исключительно как обозначение издательства. В этом случае размещение на книгах обозначения, сходного до степени смешения с данным товарным знаком, не будет влиять на ценность книги как товара, а потому взыскание компенсации в виде двойной стоимости тиража книг со сходным с товарным знаком обозначением также будет вступать в противоречие с экономической природой двукратной компенсации.

В обоих случаях, на наш взгляд, новые нормы о праве суда изменить порядок расчета будут подлежать применению.

Еще одним немаловажным вопросом, связанным с вступлением в силу приведенных выше положений, является возможность их применения на момент рассмотрения дела судом даже в том случае, если само нарушение совершено до вступления в силу соответствующих поправок. Так, представляется, что данная норма, несмотря на помещение её в ГК РФ, все же носит больше процессуальный характер, а потому она будет подлежать применению на момент рассмотрения дела вне связи с тем, когда было совершено нарушение исключительного права.

В заключение хотелось бы отметить, что принятые законодателем изменения, безусловно, потребуют длительного осмысления и апробации со стороны судов, которые могут прийти к неожиданным решениям. В настоящий момент достаточно затруднительно предугадать, как в точности они будут применяться после вступления в законную силу.

Литература и источники

1. Постановление Конституционного Суда РФ № 28-П от 13.12.2016 // Официальный сайт КС РФ. URL: <https://ksrf.ru/> (дата обращения: 28.11.2025).
2. Постановление Конституционного Суда РФ № 40-П/2020 от 24.07.2020 // Официальный сайт КС РФ. URL: <https://ksrf.ru/> (дата обращения: 28.11.2025).
3. Постановление Конституционного Суда РФ № 57-П 14.12.2023 // Официальный сайт КС РФ. URL: <https://ksrf.ru/> (дата обращения: 28.11.2025).
4. Федеральный закон от 07.07.2025 № 214-ФЗ // Официальный портал опубликования правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 28.11.2025).
5. Постановление Пленума ВС РФ № 10 от 23.04.2019 // Российская газета. URL: <https://rg.ru/documents/2019/05/06/postanovlenie-dok.html> (дата обращения: 28.11.2025).
6. Лукьянов Р.Л. Компенсация как мера гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительного права : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2025. 225 с.

Марина Германовна Иванова

*Федеральный институт промышленной собственности (ФИПС),
ведущий научный сотрудник НОЦ, доктор социологических наук,
egor8199@mail.ru*

АКТУАЛИЗАЦИЯ МЕТОДОВ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРАВОМЕРНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ

Аннотация. В статье обоснована необходимость на современном этапе актуализации методов социологического исследования правомерности использования товарных знаков в целях использования социологических отчетов при разбирательствах в судах, а также при оценке правомерности регистрации товарных знаков. Отмечены проблемы ранее предоставляемых социологических отчетов для обоснования исков по нарушениям интеллектуальных прав и предложения по совершенствованию проводимых исследований для достижения их релевантности.

Ключевые слова: социологические исследования, товарные знаки, интеллектуальные права, методики исследований

Актуальные вызовы, связанные с правоприменением, эволюцией законодательства, развитием цифровой экономики в России, требуют систематизации новых методов социологических исследований в отношении товарных знаков.

Самое главное, при систематизации методов социологических исследований необходимо учитывать, что право на товарный знак – это развитие бизнеса с учетом современных экономических условий. Это не просто оберег своего бизнеса, а возможность развития новых направлений бизнеса, борьба с контрафактом, самостоятельный актив как объект залога для кредита. Защищенный товарный знак обеспечивает узнавание продукции при

выходе за границы региона. Сами факты нарушения интеллектуальных прав на товарный знак свидетельствуют о том, что внутривидовая конкурентная борьба всегда сильнее межвидовой борьбы и неизбежно приводит к борьбе товарных знаков.

В условиях резкой социальной стратификации очень важно соблюдение принципа социальной справедливости и достоверности при проведении социологических опросов.

Кроме того, актуальность совершенствования современных методов социологического исследования правомерности использования товарных знаков обусловлена высоким уровнем запроса научного и профессионального сообщества к совершенствованию методик проведения социологических исследований в отношении средств индивидуализации.

Сведения, получаемые в рамках проведения социологических исследований, необходимы как Федеральной службе по интеллектуальной собственности при регистрации средств индивидуализации, так и для хозяйствующих субъектов в целях выработки грамотной экономической модели управления нематериальными активами, в том числе при развитии креативных отраслей.

Необходимость актуализации методов социологических исследований в данной области подтверждается судебной практикой, в рамках которой нет однозначного определения критериев достаточности информации, содержащейся в социологических исследованиях для использования таких результатов при рассмотрении дел в сфере регистрации и использования средств индивидуализации.

В соответствии с п. 162 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 № 10 [1], «при определении вероятности смешения также могут учитываться представленные лицами, участвующими в деле, доказательства фактического смешения обозначения и товарного знака, в том числе опросы мнения обычных потребителей соответствующего товара». Аналогичные требования содержатся и в ведомственных

нормативных актах Федеральной службы по интеллектуальной собственности. Социологическое исследование может быть признано одним из доказательств смешения обозначений или, наоборот, приобретения различительной способности. С учетом отсутствия четкого законодательного регулирования указанной темы, актуальность обеспечивается необходимостью выработки единых методик проведения социологических исследований, которые будут достаточны и репрезентативны в отношении средств индивидуализации.

Дискуссия по поводу возможности использования и достоверности социологических отчетов нарастает. Компании начинают осознавать, что средства индивидуализации являются одним из важнейших нематериальных активов компании.

Как очевидно из вышесказанного, исследования в области средств индивидуализации можно считать социальными, однако при их проведении все же следует опираться на определенные правила проведения социологических исследований, чтобы они могли считаться релевантными.

В настоящее время в некоторых случаях арбитражные суды не принимают во внимание результаты опросов потребителей [2].

Это происходит по следующим причинам [3. С. 508]:

- отсутствие единых требований к методике проведения опроса в отношении средств индивидуализации;
- отсутствие единых требований к документам об опросе в отношении средств индивидуализации, которые должны быть представлены суду.

Необходимо учесть и тот факт, что товарный знак является инструментом идентификации товара в определенном сегменте рынка, направленным на конкретную группу потребителей. Таким образом, борьба за узнаваемый товарный знак представляет собой конкуренцию за покупателя, а как следствие – за увеличение прибыли.

В результате в целях объективности выносимых судом решений необходимо также установить единые требования к социологическим опросам в отношении средств индивидуализации в следующих аспектах:

– методика сбора и анализа данных. Во-первых, данные этапы должны реализовываться организацией, специализирующейся на проведении социологических исследований и имеющей хорошую репутацию в данной области. Во-вторых, необходимо проверять опрос на наличие в нем вопросов-подсказок, наводящих вопросов, которые могут исказить истинное мнение респондента [4];

– минимальное количество участников опроса. Безусловно, необходимое число респондентов для того, чтобы считать результаты опроса релевантными, может различаться в зависимости от товара и размера аудитории его потребителей. Однако суд может вывести и предоставлять заинтересованной стороне формулу, по которой можно произвести необходимые для определения размера выборки расчеты;

– процент респондентов, смешивающих товарные знаки, достаточный для вынесения решения. Так, например, половина респондентов, которой известен товарный знак «Новый жемчуг», оказалась, по мнению Роспатента, недостаточной долей для вынесения решения об общеизвестности обозначения [4. С. 109].

С такой же проблемой можно столкнуться и в спорах о сходстве до степени смешения. В этой связи стоит установить пороговую долю респондентов, смешивающих товарные знаки, достаточную для вынесения решения о наличии сходства до степени смешения, – необходимо выведение общего правила, чтобы при принятии решения суд ориентировался на него, а не выносил «новый» вердикт в каждом отдельном случае.

Таким образом, установление единых правил проведения социологического исследования в отношении средств индивидуализации сделает возможной сопоставимость таких исследований.

Конечно, в зависимости от конкретного товара отдельные аспекты опроса могут быть изменены и варьировать, однако требования к таким параметрам, как выборка, критерии сходства товарных обозначений и др., должны оставаться общеобязательными [5. С. 116].

Только такой подход позволит сделать социологическое исследование достоверным доказательством в судебных делах по интеллектуальной собственности и освободить судей от необходимости принятия решения о признании социологического опроса (не)релевантным в каждом отдельном деле.

Выявленные недостатки проводимых социологических исследований:

- не во всех отчетах подробно прописаны характеристики выборки;
- не предоставляются соответствующие расчеты объема выборки;
- не учитывается географический аспект исследований;
- в некоторых исследованиях выборка оказывалась «скошенной»;
- ни в одном из отчетов не приведен анализ связи между различными ответами респондента;
- в ряде случаев спорным аспектом является наличие в них ретроспективных вопросов.

Обстоятельства, требующие подтверждения в судебном порядке с применением результатов социологических исследований:

- фактическое смешение обозначения и товарного знака (знака обслуживания);
- семантическое, визуальное, фонетическое восприятие обозначения, которое впоследствии может быть учтено при определении сходства обозначений;
- степень информированности потребителей о заявленном обозначении и о производителе маркированных им товаров при оценке приобретенной различительной способности;

- известность обозначений при оценке вероятности смешения;
- известность обозначений при признании знака общеизвестным;
- вхождение обозначения во всеобщее употребление для товара определенного вида;
- влияние изменений обозначения на различительную способность товарного знака в глазах потребителей;
- восприятие спорного обозначения потребителями как топонима, в том числе указывающего на место происхождения товара или на место нахождения его производителя;
- известность произведения в РФ на дату подачи заявки на регистрацию товарного знака;
- восприятие обозначения как производного от имени известного в РФ лица или же от географического обозначения, в свою очередь, производного от имени такого известного лица;
- восприятие потребителями сравниваемых товаров как однородных;
- оригинальность промышленного образца при сравнении с товарным знаком.

Важным этапом развития института социологических исследований является анализ методов обработки информации, которая должна соответствовать требованиям надежности, объективности и точности согласно профессиональным стандартам в области социологии и с учетом масштабной цифровизации общества.

Не исключено рассмотрение вопроса о развитии государственной услуги об аккредитации организаций, осуществляющих проведение социологических исследований.

При этом оценка социологического опроса должна проводиться как с точки зрения доказательственного значения выводов, сделанных по результатам таких исследований, опросов, так и с точки зрения достоверности таких исследований (использованные методики опроса, незаинтересованность организации и лиц,

непосредственно проводивших опрос, профессиональная квалификация организации).

Как показывает анализ судебных дел Суда по интеллектуальным правам (далее – СИП) и как отмечают специалисты, занимающиеся изучением современных проблем [3. С. 507], правовой режим социологических опросов как доказательств в арбитражном процессе характеризуется наличием ряда проблем, связанных с его недостаточной регламентированностью. Как показывает правоприменительная практика, исследования ведущих социологических центров суды иногда не принимают, ссылаясь на неправильную постановку вопросов либо другие нюансы, не говоря уже о результатах работы менее крупных субъектов.

Во-первых, опрос мнения потребителей должен, в первую очередь, соответствовать профессиональным стандартам в области социологии. Опрос должен быть проведен на основе общепринятых социологических методик и инструкций, установленных организацией, проводящей опрос, с учетом стандартов и различных нормативных актов.

Во-вторых, оценка результатов опроса мнения потребителей осуществляется только после того, как установлены относимость, допустимость и достоверность этого доказательства, оценена методика исследования, включая выбор вопросов и репрезентативность выборки.

В-третьих, доказательная ценность опросов в значительной степени зависит от того, как сформулированы вопросы. Вопросы должны быть правильно сформулированы в открытой и произвольной форме без посторонней помощи, чтобы они были нейтральными и репрезентативными. Они не должны подводить опрашиваемого к определенному ответу.

Оценка доказательного значения нескольких представленных социологических исследований возможна, если отчеты не содержат противоречащие друг другу выводы, в связи с чем не могут быть положены в основу вывода о наличии или отсутствии возможности введения потребителей в заблуждение оспариваемым

товарным знаком. При этом могут быть отмечены некорректность вопросов социологических исследований, проведенных по инициативе заявителя, и некорректность выводов социологических исследований, проведенных по инициативе правообладателя (третьего лица). СИП может провести оценку указанных социологических исследований с точки зрения доказательственного значения выводов, сделанных по результатам таких исследований, опросов, так и с точки зрения использованных методик, круга опрошенных лиц, поставленных вопросов, предоставленных респондентам наглядных материалов и других обстоятельств. В случае наличия единой методики при проведении социологических исследований и соответствия их вышеперечисленным признакам аналитическая работа СИП в значительной степени упрощается.

Так, в порядке проверки достоверности доказательств суд может убедиться в том, что все социологические организации, проводившие исследования, имеют профессиональную квалификацию, вид их деятельности соответствует профессиональному уровню проведения такого рода социологических исследований.

При этом незаинтересованность различных организаций и лиц, непосредственно проводивших опросы и принимавших участие в подготовке заключений, лицами, участвующими в деле, не оспаривается. Судом также может быть учтено, что, согласно профессиональным стандартам в области социологии, методика сбора данных должна соответствовать требованиям надежности, объективности и точности. При этом коллегия судей может проверить принятие организациями, проводящими исследования, соответствующих мер, которые позволяют гарантировать репрезентативность и достоверность опроса в такой среде.

В силу принципа относимости для каждого конкретного дела требуется специфический подход к проведению опроса. Итоговый документ должен быть создан на основе общепринятых социологических методик и инструкций, установленных организацией, с учетом стандартов и различных нормативных актов.

Проводимая в настоящее время Федеральным институтом промышленной собственности (ФИПС) научно-исследовательская работа по теме «Разработка основных подходов к модернизации социологического исследования в отношении средств индивидуализации» в качестве своих целей определила – развить теоретические основы проведения социологических исследований по товарным знакам, но, определив проблемы ранее проводимых исследований, дала возможность сформулировать определенные предложения по совершенствованию методологии социологических исследований как доказательства в спорах по товарным знакам, а именно:

- проводить анкетирование не только покупателей товаров, но и специалистов в сфере интеллектуальной собственности (*необходимо разрабатывать два варианта анкет*);

- систематизацию ответов потребителей предлагается проводить по социально-демографическим признакам пола и возраста, а внутри полученных групп – по ответам на вопрос о причинах наличия вероятности перепутать товарные знаки;

- систематизацию ответов специалистов предлагается проводить по наличию специальных знаний в области интеллектуальной собственности, а внутри полученных групп проверять знания респондента о конкретном товарном знаке, его регистрации, конкурентах;

- может оказаться целесообразным проведение второго этапа исследования с использованием качественных методов (фокус-группы, полуструктурированные интервью) для уточнения мнения потребителей, а также обязательное получение заключения независимых экспертов, не имеющих отношения к организации, проводящей исследование.

В таком случае количественный этап опроса станет «разведывательным», выявляющим основные тенденции и закономерности, а второй – качественный – этап позволит углубить представление о восприятии аудиторией товарного знака;

- при распространении анкет учитывать географический аспект исследования;
- проводить корреляционный / регрессионный анализ различных видов статистического анализа;
- использовать для проведения сопоставительного анализа отчетов, проводимых различными исполнителями, возможностей цифровой аналитики с помощью платформы Роспатента ГИС Экспертиза средств индивидуализации.

И в качестве *заключительного вывода* предлагается разработать унифицированные методические рекомендации по проведению социологических исследований по товарным знакам.

Защита работы планируется в конце этого года. По итогам работы предполагается подготовка методических материалов для исполнительных органов власти.

Литература и источники

1. Постановление Пленума Верховного Суда от 23 апреля 2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. М., 2025.
2. Медведев Н.Ю. Социологический опрос как доказательство смешения товарных знаков потребителями // Официальный интернет-сайт Федерального института промышленной собственности. 2025. URL: https://www1.fips.ru/about/deyatelnost/konferentsii-seminary/doc_Medvedev.pdf (дата обращения: 12.09.2024).
3. Быченко П.С. Социологический опрос как доказательство в делах, связанных с нарушением прав на товарный знак: современные проблемы // Вопросы российской юстиции. 2021. № 12.
4. Даулетшина Э.В. Опросы потребителей как средство социологического анализа вопроса общеизвестности товарного знака в Российской Федерации // Вестник ВУиТ. 2019. № 3.
5. Батыков И.В. Принципы разработки методики социологической экспертизы сходства до степени смешения // Сборники конференций НИЦ. Социосфера. 2014. № 1.

Ирина Олеговна Бабинцева

Аспирант НГУЭУ, ООО «ИНТЕЛАЙТ», babintseva@intelight.pro

**ПРОБЛЕМА МНОЖЕСТВЕННОСТИ
ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ КОМПЕНСАЦИИ
ЗА НЕЗАКОННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ
НЕСКОЛЬКИХ ОБЪЕКТОВ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ**

Аннотация. В статье рассматривается проблема множественности нарушений при определении размера компенсации за незаконное использование нескольких объектов интеллектуальной собственности. Анализируются судебные практики, связанные с одновременным использованием различных охраняемых объектов: товарные знаки, промышленные образцы и объекты авторских прав. Отмечено, что суды часто снижают размер компенсации, стремясь сохранить баланс интересов сторон, но при этом не учитывают различия в коммерческой ценности и правовой природе объектов интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: компенсация за нарушение исключительных прав, множественность нарушений

Тема компенсации за незаконное использование объектов интеллектуальной собственности (ОИС) не теряет актуальности, что подтверждается рядом решений Конституционного Суда по соответствующей теме.

Компенсация в целом как мера гражданско-правовой ответственности должна была помочь правообладателям в защите своих прав, поскольку убытки, понесенные в связи с нарушением прав, на практике сложно доказать. Как отмечает исследователь С.В. Бутенко, значение компенсации «заключается в установлении априорно справедливого коридора гипотетических убытков, на взыскание которых может претендовать добросовестный истец» [1].

Одна из проблем, которая возникает при определении размера компенсации, состоит в понятии «множественности» как в отношении действий, совершенных предполагаемым нарушителем, так и в отношении количества результатов интеллектуальной деятельности, права на которые нарушены.

Множественность в ряде случаев может быть использована правообладателями для увеличения размера компенсации, что приводит к нарушению баланса интересов правообладателей и иных участников. Однако анализ судебной практики свидетельствует о том, что суды максимально снижают размеры компенсации до таких размеров, которые создают ситуацию, при которой защищать права становится нецелесообразно.

Множественность проявляется в судебной практике как дробление нарушения в отношении разных объектов интеллектуальных прав, как относящихся к одному виду, так и к разным.

Товарные знаки и промышленные образцы. В деле А40-192179/2023 [2] по иску Sony Interactive Entertainment Inc. к индивидуальному предпринимателю Апатову о взыскании компенсации за нарушение исключительных прав на товарные знаки по свидетельствам Российской Федерации № 251871, № 262336, № 462589, № 1189769 и промышленный образец по патенту Российской Федерации № 89993 из расчета по 10 000 руб. за каждое допущенное нарушение суды приняли решение о справедливости взыскания компенсации в размере 25 000 руб. в соответствии с п. 3 ст. 1252 ГК РФ (50% минимальной суммы).

Товарные знаки и объекты авторского права. В деле А57-16139/2022 [3] по иску индивидуального предпринимателя Днепровского Артура Вячеславовича к индивидуальному предпринимателю Казариной о взыскании компенсации за нарушение исключительных прав на товарные знаки по свидетельствам Российской Федерации № 697147, № 697143, № 720186 и на рисунки «Синий трактор» – Графическое изображение персонажа – «трак-

тора», «Графическое написание – «Синий трактор», «Графическое произведение – «Оригинальные буквы русского алфавита» суд снизил компенсацию и взыскал только 60 000 руб.

На практике встречаются попытки взыскания компенсации за использование одного объекта исходя из разных способов использования.

Так, в деле А32-22933/2020 [4] по иску общества с ограниченной ответственностью «Восьмая заповедь» к индивидуальному предпринимателю Линченко Александру Александровичу (ОГРНИП 315231100015661) о взыскании 1 210 000 руб. компенсации за нарушение исключительных прав на фотографические произведения суд снизил размер компенсации до 20 000 руб.

Истец исходил из того, что спорные фотографии были размещены на 121 странице сайта с доменным именем body-pit.ru и взаимосвязанных страницах в социальных сетях ВКонтакте и «Instagram».

Однако было установлено, что данные действия охвачены единым намерением ответчика и представляют собой одно нарушение, направленное на достижение одной экономической целью.

Использование ответчиком одного и того же результата интеллектуальной деятельности (одного фотографического произведения) разными способами, в частности, использование по разным адресам одного веб-сайта в сети Интернет и на взаимосвязанных с ним страницах в социальных сетях с единой целью, образует единую совокупность действий, один состав правонарушения, за которое истец вправе требовать выплаты компенсации как за одно нарушение.

Нарушение прав на два фотографических произведения – это два состава правонарушения, отличных по объектам нарушенных прав.

Предоставленная суду возможность снизить размер компенсации в случае ее чрезмерности по сравнению с последствиями нарушения обязательства является одним из правовых способов,

предусмотренных в законе, которые направлены против злоупотребления правом, т.е. по существу на реализацию требований ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации, согласно которой осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц.

Соразмерность заявленной истцом компенсации последствиям нарушения исключительного права является оценочной категорией, в силу чего только суд первой инстанции вправе дать оценку указанному критерию, исходя из обстоятельств конкретного дела.

Наиболее остро проблема множественности нарушений проявляется у тех правообладателей, которые создают мультипликационные фильмы, в которых ключевым является персонаж. При этом на одном контрафактном товаре может быть использовано несколько охраняемых персонажей одного произведения.

В Обзоре судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 23 сентября 2015 г., содержится вывод о совместном использовании нескольких персонажей одного произведения как об одном факте незаконного использования, т.е. об одном правонарушении [5].

Персонаж может охраняться как объект авторского права и как товарный знак. По мнению автора настоящей статьи, объекты авторского права и товарные знаки имеют разную цену и ценность, поэтому размер компенсации не может быть равным.

Даже если обратиться к оценке стоимости права использования объекта авторского права и товарного знака, то стоимость права использования товарного знака будет выше как объекта, требующего регистрации и имеющего большую ценность для бизнеса.

Ярким примером ситуации, когда размер компенсации за незаконное использование товарных знаков и объектов авторского

права, а именно персонажей, был снижен и уравнен, является дело № А28-11930/2021 [6].

Товарные знаки	Объекты авторского права
<p>Международный товарный знак № 1212958</p> 	<p>Произведение изобразительного искусства – рисунок Свинка Пеппа (Peppa Pig)</p>
<p>Международный товарный знак № 1224441 PEPPA PIG</p>	<p>Произведение изобразительного искусства – рисунок Папа Свин (Daddy Pig)</p>

Суд применил положения п. 3 ст. 1252 ГК РФ о множественности нарушений, поскольку одним действием ответчика были нарушены права на несколько объектов интеллектуальной собственности. Учитывая незначительный объем реализации (1 единица товара), низкую стоимость товара и отсутствие доказательств значительных убытков истца, суд, сохраняя баланс интересов сторон, снизил размер компенсации по каждому из четырех объектов с минимальных 10 000 руб. до 5 000 руб.

Сложившийся судебный подход не проводит различий в объектах права интеллектуальной собственности в контексте определения размера компенсации. Суды взыскивают одинаковый размер компенсации в отношении разных объектов, что, по мнению автора, требует осмысления и возможного изменения в подходе, так как рыночная цена и ценность объектов для бизнеса могут существенно отличаться.

Литература и источники

1. Бутенко С.В. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 10 О средствах индивидуализации // Патенты и лицензии. 2020. № 7. С. 17.

2. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 26.07.2024 № С01-1378/2024 по делу № А40-192179/2023 // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. М., 2025.

3. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 17.02.2023 № С01-40/2023 по делу № А57-16139/2022 // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. М., 2025.

4. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 04.06.2021 № С01-440/2021 по делу № А32-22933/2020 // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. М., 2025.

5. Обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23 сент. 2015 г. // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. М., 2025.

6. Постановление арбитражного суда апелляционной инстанции от 27.06.2022. Дело № А28-11930/2021 // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. М., 2025.

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ:
НОВЫЕ ИМЕНА**

Виталий Максимович Гилев

Младший научный сотрудник НОЦ «Интеллектуальная собственность и интеллектуальные права» ЮИ НИ ТГУ, vitaly.gilev@mail.ru

E-COMMERCE И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ В РФ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Аннотация. В статье проводится научно-правовой анализ системных противоречий в регулировании интеллектуальной собственности (ИС) в российской электронной коммерции (e-commerce). Исследование основано на позитивистском анализе судебной практики 2024–2025 гг., сравнительно-правовом методе и экономическом анализе. Выявлены коллизии между моделью «информационного посредника» и фактическим контролем маркетплейсов, а также противоречия в применении ст. 1253.1, ст. 10 ГК РФ и международных обязательств РФ.

Ключевые слова: e-commerce, интеллектуальная собственность, авторское право, маркетплейсы, интеллектуальные права, параллельный импорт, солидарная ответственность

Российская электронная коммерция (e-commerce) в 2024 г. достигла 19,9 трлн руб. с долей маркетплейсов 65% общего объема онлайн-розничных продаж. Это создало уникальную правовую территорию, где интеллектуальная собственность (ИС) стала главным полем битвы между правообладателями, продавцами и платформами. По большому счету маркетплейсы так плотно вошли в нашу рядовую жизнь, что удивительно, как до сих пор ряд вопросов об ответственности площадок за нарушения в области ИС так и не разрешен.

Актуальность темы обусловлена динамичными изменениями в законодательстве. В 2026 г. вступает в силу Федеральный закон «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» (№ 289-ФЗ от 31.07.2025) [1],

вводящий новые требования к платформам, который, очевидно, спровоцирует существенное изменение судебной и иной правоприменительной практики. Кроме того, увеличивается и товаропоток на самом рынке, что также провоцирует правоприменителя к решительным мерам, так как скорый рост продаж провоцирует и соответствующие нарушения, что и в без того сложных обстоятельствах может до крайности усложнить решение споров судами.

Цель исследования – выявить и систематизировать актуальные проблемы противоречий в регулировании e-commerce и ИС в РФ, а также предложить пути их разрешения. Задачи включают: анализ нормативной базы на 2025 г.; изучение ключевых проблем на основе статистических данных и научных публикаций; обзор судебной практики с примерами реальных дел; формулировку рекомендаций для законодателей и бизнеса.

Правовое регулирование электронной коммерции в России строится на многоуровневой системе норм. Основу составляет часть четвертая Гражданского кодекса РФ (ГК РФ), регулирующая права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации. Дополняют ее специальные законы: Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (№ 149-ФЗ) и, как уже ранее указывалось, вводимый в действие в 2026 г. Федеральный закон «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации». Эти нормы определяют e-commerce как дистанционную торговлю товарами, работами и услугами с использованием информационно-телекоммуникационных сетей.

В 2025 г. акцент сделан на регулировании платформ: Правительство РФ установило критерии для признания цифровой платформой и формирования реестра цифровых платформ, обязывая их проверять легальность контента на предмет нарушений ИС [2], статистика Роспатента показывает устойчивый рост регистрации объектов интеллектуальной собственности всех видов, что также дополнительно указывает на разрастание рынка ИС

даже в условиях санкционного давления [3]. Более того, новости последних дней, в том числе по части регулирования скидок на известном маркетплейсе со стороны банков, выглядят как очередной виток нарастающих противоречий в сфере дистанционной торговли.

В то же время нормативная база содержит противоречия. Например, ст. 1259 ГК РФ защищает авторские права, но не полностью адаптирована к AI-генерируемому контенту в e-commerce. По большому счету до сих пор остаются вопросы о принадлежности прав тому или иному лицу, которое использует технологии по типу deep-fake с целью создания своих фотографий, сгенерированных ИИ для опубликования в карточке товара, или авторство SEO-описания, которое по сути своей является литературным произведением. А это, в свою очередь, порождает цепочку подобных нарушений, так как если продавцы видят пассивность правоприменителя, то в подобной ситуации следует ожидать лишь увеличения потока нарушений без возможности подробно разобраться в каждом из них.

Не менее непростой ситуация остается и в области трансграничной торговли, когда через маркетплейсы реализуются товары компаний, которые по тем или иным причинам официально покинули рынок РФ, но их продукция все еще реализуется на территории нашей страны.

В подобной ситуации высказываются мнения о том, что в результате подобного вынужденного импорта происходит исчерпание исключительного права, что является ограничением исключительного права, и возможности, предоставляемые данным институтом в отношении последующего использования объектов, позволяют рассматривать его как ограничение наподобие случаев свободного использования. А с учетом нынешних геополитических реалий изъятия из принципа использования объекта с согласия правообладателя расширены российским законодателем в

пользу внутреннего рынка, соответственно, регулирование параллельного импорта стало более «демократичным».

Так, например, М.А. Рожкова в своей статье в сборнике «Е-commerce и взаимосвязанные области (правовое регулирование)» отмечает, что отсутствие единого подхода к юрисдикции в трансграничной торговле приводит к конфликтам норм [4. С. 448]. Аналогично Указ Президента № 430 от 20.05.2024 ограничивает сделки с ИС из «недружественных» стран, что затрудняет импорт технологий для российских платформ под санкциями 2025 г., ярким примером тому служит небезызвестное дело «Свинки Пеппы», где суд фактически применил «недружественность» в качестве аргумента, и хотя апелляция все расставила по местам, сам факт принятия подобного решения наводит на мысли о необходимости большего контроля за правоприменителем [5].

Параллельный импорт, легализованный в рамках «антикризисных» постановлений Правительства РФ 2022–2023 гг., существенно усложняет правоприменительную практику в сфере интеллектуальной собственности и электронной коммерции. Ранее действовавшая российская доктрина однозначно квалифицировала любые поставки товаров без согласия правообладателя как «серый импорт», расценивая их как прямое нарушение исключительных прав. Однако новая регуляторная концепция кардинально меняет бремя доказывания: теперь обязанность доказать недобросовестность ввоза и реализации таких товаров ложится непосредственно на правообладателя.

Указанные трансформации напрямую затрагивают деятельность маркетплейсов, поскольку формируют правовую коллизию. С одной стороны, правообладатель не предоставлял согласия на использование своих средств индивидуализации (товарных знаков, логотипов, фирменного стиля) в отношении параллельно импортированной продукции. С другой стороны, объективные обстоятельства (в том числе санкционные ограничения и прекращение официальных поставок) фактически лишают его

возможности в полной мере осуществлять легальную коммерческую деятельность на территории Российской Федерации.

В результате возникает системная правовая неопределенность относительно того, кто и на каком основании вправе использовать результаты интеллектуальной собственности при продаже товаров через интернет-платформы. Маркетплейсы оказываются в ситуации, когда вынуждены самостоятельно оценивать риски нарушения исключительных прав, несмотря на отсутствие четких критериев добросовестности поставщика. Правообладатели, в свою очередь, сталкиваются с необходимостью мониторинга огромного количества товарных позиций и доказывания недобросовестности каждой конкретной сделки, что создает непомерную нагрузку на систему защиты интеллектуальных прав в цифровой торговле.

Отчасти проблема связана с тем, что российское право до сих пор не выработало единого статуса для маркетплейсов: закон лишь в 2018 г. ввел в Закон о защите прав потребителя термин «владелец информационного агрегатора товаров», но не уточнил степень его ответственности за контрафакт, реализуемый продавцами-партнерами конкретной площадки. Судебная практика, не имея прямого императива, вынуждена балансировать между двумя крайностями: чрезмерной вовлеченностью платформы (агентская модель с процентом от продаж) и формальным посредничеством (размещение карточки товара, оформление доставки), чему посвящено уже множество работ [6. С. 75; 7. С. 125]. В пользу признания соразмерной ответственности Верховный Суд РФ на Пленуме № 10 от 23 апреля 2019 г. косвенно отметил, что если владелец сайта получает доход от неправомерного использования материалов и (или) принимает участие в формировании размещаемого материала, то он становится соотвечником по иску о нарушении в области интеллектуальной собственности.

Тем самым высший судебный орган фактически ввел в оборот институт «экономического контроля» над контрафактом, даже не

дожидаясь специального закона. Однако в первой инстанции суды не всегда одинаково применяют этот критерий, что порождает неопределенность и мультиплицирует риски правообладателя.

С точки зрения теории и в контексте цифровизации экономики и роста электронной коммерции ответственность маркетплейсов за нарушения интеллектуальной собственности (ИС) представляет собой один из наиболее дискуссионных аспектов современного российского правового регулирования. Этот институт балансирует между принципами защиты исключительных прав правообладателей, с одной стороны, и стимулированием инноваций и свободной торговли на платформах – с другой. Теоретически он опирается на концепцию «информационного посредника» (*information intermediary*), разработанную в международном праве (например, в Директиве ЕС 2000/31/ЕС о электронной коммерции) и адаптированную в российском законодательстве через призму экономической теории агентских проблем (*principal-agent theory*), где маркетплейс выступает как агент, минимизирующий риски. В 2025 г., с учетом подписания Федерального закона № 289-ФЗ от 31.07.2025 «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации», эта ответственность приобретает новые измерения, включая меры по модерации контента и хранению договоров, что усиливает превентивный контроль за нарушениями ИС.

В рамках действующего российского законодательства правовой статус операторов цифровых торговых платформ и пределы их ответственности за нарушения исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности детерминированы положениями ст. 1253.1 Гражданского кодекса Российской Федерации. Данная нормативная конструкция классифицирует маркетплейсы в качестве информационных посредников, предоставляющих исключительно технические возможности для размещения третьими лицами информационных материалов в информационно-телекоммуникационных сетях, включая глобальную сеть Интернет.

В соответствии с диспозицией ст. 1253.1 ГК РФ, информационные посредники освобождаются от гражданско-правовой ответственности при одновременном выполнении следующих кумулятивных условий: отсутствие инициирования передачи спорного материала, неучастие в выборе его получателя, осуществление исключительно технических модификаций контента без изменения его смыслового содержания, а также оперативное принятие эффективных мер по пресечению нарушений после получения мотивированной претензии от правообладателя. Данный механизм формирует правовую основу для баланса интересов правообладателей и операторов платформ в условиях масштабной цифровой коммерции.

Юридическая архитектура упомянутой нормы отражает адаптированную к российской правовой системе концепцию «безопасной гавани» (safe harbor), первоначально закрепленную в американском Digital Millennium Copyright Act (DMCA) 1998 г. Однако российская модель характеризуется существенной спецификой: в отличие от более проактивных подходов ряда зарубежных юрисдикций отечественная конструкция фактически базируется на презумпции добросовестности информационного посредника, закрепленной в ст. 10 ГК РФ, и возлагает основное бремя доказывания отсутствия вины и наличия недобросовестности действий непосредственно на правообладателя. Данное обстоятельство демонстрируется в правоприменительной практике и формирует определенные процессуальные сложности в обеспечении эффективной защиты исключительных прав в условиях цифровой экономики, что актуализирует вопросы о необходимости дальнейшей модернизации механизмов правового регулирования ответственности интернет-посредников.

В практическом плане ответственность маркетплейсов можно разделить на три сценария [8. С. 100]:

1. Прямое предложение товаров к продаже. Здесь платформа выступает как непосредственный нарушитель (ст. 1252,

1515 ГК РФ), если товары предлагаются под ее брендом или с ее активным участием (например, через рекомендации или хранение). Но это не столь распространенная ситуация, так как чаще всего маркетплейс сам не продает товар, а занимается именно размещением карточек других продавцов.

2. Поручение третьему лицу. Солидарная ответственность возникает, если маркетплейс непосредственно дал задание на использование ИС (п. 73 Постановления Пленума ВС РФ № 10 от 23.04.2019). Освобождение возможно при отсутствии знания о нарушении, что требует доказывания *due diligence* (должной осмотрительности). В 2025 г. это актуализировано для схем агентских отношений (например, Ozon как агент по доставке).

3. Предоставление возможности продажи. Базовый сценарий для маркетплейсов, таких как Wildberries или Ozon. Освобождение от ответственности требует соблюдения критериев ст. 1253.1 ГК РФ: пассивная роль, отсутствие модификаций и своевременные меры после претензии (удаление, блокировка в 24–72 ч). Претензия должна быть мотивированной (указывать URL, описание нарушения), а маркетплейс обязан проверить цепочку прав.

Но именно в этом сценарии и возникает больше всего вопросов. Так, если с первыми двумя сценариями, очевидно исключаяющими площадку как «посредника», все более или менее понятно, то судебная практика выделяет еще два критерия:

- получение дохода от размещаемого материала;
- внесение существенных изменений в размещаемый материал.

В целом маркетплейс действительно напрямую не получает доход от незаконного использования объектов ИС на карточках товаров продавцов, а также самостоятельно не вносит изменений в размещаемые материалы [9]. Но в то же время на площадках по типу Wildberries и Ozon присутствуют «Цифровые арбитражи»,

т.е. сервисы, в которых правообладатели подают обращения о совершенных нарушениях, а нарушитель обязан ответить в регламентированный площадкой срок.

Казалось бы, все верно, посредник прямо говорит о том, что он не контролирует размещаемый материал и есть сервис, где каждый может отстаивать свои права, и уже получается, что маркетплейс, наоборот, стоит на страже интеллектуальной собственности.

Однако при анализе функциональных возможностей рассматриваемых цифровых торговых платформ выявляется, что в рамках поисковой выдачи товарных позиций по наименованиям брендов на отдельных карточках товара систематически размещается специализированная метка «Оригинал», сопровождаемая узнаваемым верифицируемым индикатором в виде «галочки». Данная практика находит прямую аналогию с механизмами верификации учетных записей в социальных сетях и свидетельствует о внедрении в бизнес-процессы маркетплейсов систем идентификации подлинности товара.

Указанный функционал предполагает наличие у операторов платформ комплекса технических и организационных механизмов для дифференциации аутентичной продукции от контрафактной. Возникает вопрос о правовой природе и последствиях такой верификации: является ли метка «Оригинал» формальным заявлением платформы о проведении экспертизы подлинности товара и каковы правовые последствия для всех участников рыночных отношений в случае ошибочной или недостоверной маркировки?

С точки зрения бизнес-процессов реализация данной функции требует от операторов платформ установления четких критериев сертификации товаров, процедур документарной проверки поставщиков, механизмов контроля соблюдения требований и системы ответственности. Однако отсутствие публичной информации о методологии верификации, критериях отбора товаров для проверки и степени ответственности платформы за достоверность выданной метки вызывает обоснованные сомнения в реальной эффективности таких механизмов.

Следовательно, остается открытым ключевой вопрос: действительно ли маркетплейсы обладают достаточными техническими, экспертными и правовыми возможностями для надежного различения оригинальной продукции от контрафактной или данная метка служит исключительно маркетинговым инструментом повышения доверия потребителей без юридически значимых гарантий подлинности и соответствующих обязательств перед контрагентами?

По сути, на данном этапе торговые площадки не дают ответа ни на один из поставленных вопросов, соответственно, это уже становится задачей правоприменителя в оценке способностей маркетплейса к проведению анализа и дальнейшему разграничению его роли в реализации товаров.

В целом практика демонстрирует тенденцию к усилению *due diligence*: суды требуют от платформ не только реактивных мер, но и превентивных (реестры брендов, AI-модерация). Однако, несмотря на усилия судебной практики, она никак не поспевает за возрастающими скоростями оборота товаров в электронной торговле.

Итогом стало противоречие между тремя временными пластами:

- технологическим временем, где оборот цифрового товара измеряется минутами;
- нормативным временем, где законодательный цикл длится годами;
- правоприменительным временем, где судья вынужден оперировать советскими категориями «вещи» и «услуги» в спорах о невещественных активах.

Преодолеть разрыв можно только путём комплексного обновления: введения «платформенной» ответственности пропорционально доходу маркетплейса, закрепления доменного имени в Гражданском кодексе как смежного объекта ИС, перехода к «эластичным» критериям ущерба при цифровых нарушениях и, нако-

нец, «деполитизации» интеллектуальной собственности как коридора не только экономического, но и гуманитарного обмена [10]. Пока же российская e-commerce остается территорией юридического фронта, где право догоняет технологии, а бизнес догоняет право, вступая с ним в затяжной, но неизбежный диалог.

Да и в целом, пожалуй, стоит отметить, что существующие юридические споры, возникающие при торговле через маркетплейсы, зачастую схожи с классическими «злоупотреблениями», разве что с перекосом на саму специфику той или иной площадки.

Например, при торговле через маркетплейс «Wildberries» для продавцов важно наполнение карточки, так называемое «SEO-описание», да это то самое текстовое описание товара, которое большинство из нас просто пролистывают и не читают. Однако для продавцов оно может иметь критически важное значение, так как алгоритмы самого маркетплейса выстроены так, что товар в поиске для покупателя будет подбираться ИИ именно на основании такого текстового описания, соответственно, от его наполнения во многом зависит прибыль продавцов.

С точки зрения авторского права описание товара теоретически может квалифицироваться как литературное произведение, поскольку формально обладает всеми необходимыми признаками: создается человеком (до доказывания обратного) и содержит творческий элемент. Данное обстоятельство актуализирует дискуссионную, но значимую правоприменительную проблематику: каковы правовые последствия при копировании такого описания конкурентом?

Несмотря на отсутствие единого подхода в доктрине, можно высказать предположение, что первоначальный автор формально обладает правом на защиту своих авторских прав на описание товара в случае его несанкционированного использования в коммерческих целях.

Данная позиция вызывает справедливые возражения, поскольку сложившаяся правоприменительная практика и доктрина авторского права не признают карточку товара в целом, а тем более ее отдельные элементы самостоятельными объектами интеллектуальных прав. Тем не менее указанная проблематика остается актуальным поводом для научной дискуссии и дальнейших исследований.

Как бы то ни было, стоит констатировать факт того, что e-commerce, по сути, лишь набирает обороты с точки зрения ее регулирования. Наличие множества нормативных актов не решает основных вопросов, однако предложенные нововведения могли бы способствовать сокращению правовых и практических коллизий, что, в свою очередь, способствовало бы очищению рынка от недобросовестных продавцов.

Список источников и литературы

1. Федеральный закон Российской Федерации от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. М., 2025. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202507310020> (дата обращения: 28.11.2025).

2. Правительство Российской Федерации. Критерии для признания цифровой платформой // RC Test. М., 2025. URL: <https://www.rc-test.ru/news/pravitelstvo-opredelit-kriterii-dlya-priznaniya-tsifrovoy-platformoy.html> (дата обращения: 28.11.2025).

3. Роспатент. Статистика действующих охранных документов на объекты промышленной собственности (по состоянию на 1 ноября 2025 г.) // Федеральная служба по интеллектуальной собственности. М., 2025. URL: https://rospatent.gov.ru/ru/about/stat/stat_doc (дата обращения: 28.11.2025).

4. Рожкова М.А. E-commerce и взаимосвязанные области (правовое регулирование) : сборник статей. М. : Статут, 2017. 448 с.

5. Решение АС Кировской области от 03 марта 2022 г. по делу № А28-11930/2021 // КАД Арбитр: информационно-правовой портал. М., 2025. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/a45fa186-05bb-43b5-87d9-1fd03b640142> (дата обращения: 28.11.2025).

6. Грязева М.А. Маркетплейс как информационный посредник: вопросы квалификации // ИС. Авторское право и смежные права. 2025. № 1. С. 75–82.
7. Томских К.Р. Проблемы регулирования деятельности платформ электронной коммерции // Молодой ученый. 2025. № 34 (585). С. 124–128. URL: <https://moluch.ru/archive/585/128173> (дата обращения: 28.11.2025).
8. Титов И.Е. Ответственность маркетплейсов за нарушение исключительных прав // Журнал Суда по интеллектуальным правам. М., 2025. URL: <https://ipcsmagazine.ru/articles/1822952/> (дата обращения: 28.11.2025).
9. Сараева О.Н. Правовые основы электронной торговли // Право и государство: теория и практика. 2025. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-elektronnoy-torgovli> (дата обращения: 28.11.2025).
10. Савельев А.И. Электронная коммерция в России и за рубежом : правовое регулирование. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2014. 543 с.

Андрей Васильевич Костин

*Аспирант Волгоградского института управления – филиал РАНХиГС,
andriei_kostin_01@mail.ru*

СВОБОДНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТОВАРНОГО ЗНАКА: ОТ ОБЩЕГО ТЕСТА К ВИРТУАЛЬНЫМ МИРАМ

Аннотация. В статье рассматривается применение доктрины свободного добросовестного использования товарных знаков третьего лица, включая доктрины описательного и номинативного использования. Анализируется судебная практика в США и России по применению общих тестов свободного использования товарных знаков в аудиовизуальных произведениях, интерактивных произведениях и метавселенных.

Ключевые слова: товарный знак, доктрина свободного добросовестного использования, доктрина описательного использования, доктрина номинативного использования, тест Rogers

Товарным знаком является обозначение, служащее для индивидуализации товара, которому предоставлена правовая охрана, удостоверяемая свидетельством на товарный знак [1]. Исключительное право на товарный знак даёт правообладателю право использовать его по своему усмотрению любым не противоречащим закону способом и исключать других субъектов от использования обозначения. Но право исключать других субъектов может столкнуться с правами третьих лиц в случаях, когда эти права могут допускать свободное использование товарного знака, не образуя нарушения.

Главной функцией товарного знака является индивидуализация товара на рынке и соотнесение с источником его происхождения. Но что, если хозяйствующий субъект использует чужой товарный знак без цели индивидуализировать свой товар? Граж-

данский кодекс охраняет строго индивидуализирующую функцию, не позволяя иным субъектам вести деятельность под чужим товарным знаком, но исключительное право не даёт правообладателю контроля над любым упоминанием его товарного знака, в том числе при признании товарного знака общеизвестным.

В США впервые была разработана доктрина добросовестного использования чужого товарного знака. Указанная доктрина распадается на доктрины описательного и номинативного добросовестного использования.

Доктрина описательного использования закреплена в § 1115 Lanham Act, согласно которому не считается нарушением прав на товарный знак использование обозначения не с целью индивидуализации товара, а в качестве описательного термина для своего товара [2]. Судебная практика США исходит из того, что защита описательного использования применяется только к обозначениям, которые обладают как первичным, так и вторичным значением, и только тогда, когда знак используется в его описательном значении, а не в значении товарного знака.

В одном из первых дел о добросовестном использовании товарного знака «William R. Warner & Co. v. Eli Lilly & Co.» в 1924 г. суд определил, что доктрина основана на принципе, согласно которому никто не должен иметь возможность присваивать описательные обозначения посредством регистрации товарного знака [3]. При применении теста на описательное использование суду необходимо установить следующие обстоятельства: 1) обозначение используется не для индивидуализации товара; 2) обозначение используется для описания товара; 3) обозначение используется справедливо и добросовестно.

Добросовестное описательное использование чужих товарных знаков известно и в праве России. В соответствии с п. 157 ПП ВС «О применении части четвертой ГК РФ», употребление слов, зарегистрированных в качестве товарных знаков, не является ис-

пользованием товарного знака, если оно осуществляется в общеупотребительном значении, без целей индивидуализации товара [4]. В качестве примера можно привести дело № А33-24467/2016 [5]. В данном деле суд определил обстоятельства, подлежащие доказыванию при описательном использовании: 1) обозначение используется не для целей индивидуализации товара; 2) обозначение используется в словарном значении; 3) обозначение используется в письменных публикациях или устной речи; 4) обозначение не создает вероятность смешения и как следствие не вводит потребителей в заблуждение относительно субъектов предпринимательской деятельности, их товаров, а также экономической связи между этими субъектами.

Вторая доктрина добросовестного использования товарного знака – номинативная. Она возникла в США с реализацией Первой поправки в Конституцию (со свободой слова) [6]. Стоит отметить, что когда чужой товарный знак используется без разрешения с целью индивидуализации товара, исключительное право обладает преимуществом перед правом на свободу слова. Но в тех случаях, когда использование чужого товарного знака является частью коммуникативного сообщения, Первая поправка вступает в противоречие с исключительным правом на товарный знак. Доктрина номинативного добросовестного использования защищает тех, кто использует чужой товарный знак для указания на истинного правообладателя, когда без знака сделать это практически невозможно.

Впервые доктрина номинативного использования была сформулирована в 1992 г. в американском деле «New Kids on the Block v. News America Publishing, Inc» [7]. Ответчик «News America Publishing» в своей газете разместил информацию о телефонном опросе с текстом «Кто из группы New Kids самый популярный?». Результаты опроса были опубликованы в газете через три дня. Группа «New Kids» утверждала, что использование их названия в опросе представляет собой нарушение прав на товарный знак.

В свою защиту газета утверждала, что их опросы были защищены Первой поправкой как неотъемлемая часть их деятельности по сбору новостей. Суд при рассмотрении дела сформулировал трёхступенчатый тест: 1) товар нельзя легко идентифицировать без использования товарного знака; 2) товарный знак используется лишь в объёме, разумно необходимом для индивидуализации товара; 3) использующее знак лицо воздерживается от каких-либо действий, создающих впечатление о наличии спонсорства или поддержки со стороны правообладателя.

На основании данного теста суд пришёл к выводу, что использование ответчиком названия группы «New Kids» было связано со сбором новостей и должно защищаться Первой поправкой, тем самым оно не является нарушением прав на товарный знак.

Российская судебная практика содержит примеры применения сходной позиции. Например, в деле «Общество Добрынинский v. ТЦ Bravo» [8]. ТЦ «Браво» разместил на своём интернет-сайте товарный знак «Добрынинский» с целью информирования потребителей об открытии соответствующего магазина в ТЦ. Правообладатель обратился в суд, поскольку считал, что ТЦ нарушил исключительное право на товарный знак. Суд указал, что ответчик использовал товарный знак в информационных целях, а не в связи с осуществлением им коммерческой деятельности, тем самым не нарушил исключительного права на товарный знак. Исходя из указанного дела, суд в предмет доказывания определил: 1) вероятность смешения товаров или введения потребителей в заблуждение относительно производителя товара; 2) использование товарного знака в описательных и информационных целях, а не в связи с осуществлением коммерческой деятельности.

Доктрины описательного и номинативного использования распадаются на множество разновидностей со своими тестами: указание сведений исторического характера, сравнительная реклама, контекстная реклама, заявление о совместимости, пародии

и пр., каждая из которых имеет собственные тесты, основанные на главной функции товарного знака – индивидуализация товара.

Но разные тесты могут применяться не только в отношении отдельных разновидностей свободного использования, но и в отношении разных форм, например виртуальных форм, в числе которых – аудиовизуальные произведения, мультимедийные произведения (компьютерные игры), метавселенные.

Одним из первых российских дел об использовании товарного знака третьего лица в аудиовизуальном произведении является дело «Louis Vuitton v. Нидан Соки» [9]. По заказу ОАО «Нидан Соки» была произведена аудиовизуальная реклама, в которой по сюжету демонстрировались чемодан и сумка, маркированные товарным знаком «Louis Vuitton». Истец подал исковое заявление с требованием прекратить нарушение исключительного права на товарный знак. ОАО «Нидан Соки» ссылалось на то, что предметы, маркированные товарным знаком, использовались в качестве реквизитов, использование которых не является нарушением прав на товарный знак.

Суд отклонил доводы ответчика о том, что указанные предметы использовались в рекламном ролике в качестве реквизитов для создания обстановки, поскольку реклама должна привлекать внимание к объекту рекламирования. А использование товарного знака могло ввести в заблуждение потребителей рекламы относительно самого рекламируемого товара и вызвать ассоциативный ряд с товарами истца.

Следующее российское дело, которое пытались повторить успех «Louis Vuitton», – дело сериала «Мент в законе-3» [10]. По сюжету сериала героиня вызывает такси, после чего приезжает автомобиль, маркированный товарным знаком истца. Истец счёл данные действия нарушением исключительного права на товарный знак. Суд, отказывая в удовлетворении заявленных требований, указал, что само по себе упоминание товарного знака

истца в телевизионном художественном фильме не является использованием товарного знака в гражданско-правовом смысле.

В деле анализировались два аргумента: 1) отсутствие фактического смешения – реальная деятельность ответчика по оказанию пассажирских перевозок с использованием товарного знака истца не осуществлялась; 2) в данной категории дел появилось понятие «органичная интеграция товарного знака». Суд указал, что товарный знак «Городское такси» не был включён в состав аудиовизуального произведения отдельно от аудиовизуального ряда. Также товарный знак не был включён на плёнку или в кадр в качестве самостоятельного элемента. Тем самым использование товарного знака «Городское такси» органично интегрировано в сюжет сериала и не является рекламой.

Одно из последних знаковых дел, в котором анализировался вопрос об органичной интеграции товарного знака в аудиовизуальном произведении, – дело о водке «Stolichnaya» [11].

По мнению истца, водка «Stolichnaya» используется в аудиовизуальном произведении (кинофильме) в качестве самостоятельного сюжетообразующего объекта и не может восприниматься как реквизит. Истец указывает, что акцентирование внимания зрителя как потенциального потребителя на изображении товарного знака (в том числе общеизвестного) приводит к скрытой рекламе водки «Stolichnaya», тем самым формируя и поддерживая интерес зрителя к объекту рекламы, а также к правообладателю товарных знаков. Кроме того, истец ссылался на аргумент, который в основном встречается в американской судебной практике, чем в российской: у зрителя может сформироваться впечатление, что создание кинофильма осуществлялось при непосредственном участии истца и, как следствие, истцом осуществлялась реклама водки «Stolichnaya».

При анализе спора суд, в отличие от прошлых примеров, активно использовал общее понятие товарного знака – обозначение, используемое для индивидуализации товаров. Основное

предназначение товарного знака – обеспечить потенциальному потребителю возможность отличить товары, предоставляемые одним лицом, от аналогичных товаров, предоставляемых другими лицами. В деле рассматривались те же аргументы, что и в деле «Мент в законе-3»: отсутствие вероятности смешения – реальная область деятельности истца и ответчика является различной. Кадры с изображением водки «Stolichnaya» были органично интегрированы в сюжет фильма, передавая характер и привычки главного героя; в связи с этим данный фильм не содержит сведений рекламного характера.

Истец в качестве примера аналогичного спора ссылался на дело «Louis Vuitton v. Нидан Соки». Суд отклонил ссылку истца, указав на разные фактические обстоятельства с рассматриваемым делом, поскольку в деле «Louis Vuitton v. Нидан Соки» речь шла об использовании чужого товарного знака в рекламе своей продукции для её продвижения.

Американская практика придерживается сходного подхода. В деле «Wham-O, Inc. v. Paramount Pictures Corp.» [12] рассматривался спор, связанный с фильмом «Дикки Робертс: бывшая детская звезда». По сюжету фильма главные герои катаются на водяной горке, и, чтобы объяснить одному из персонажей, что это за горка, его братья говорят: «Это Slip 'N Slide». В свою очередь, «Slip 'N Slide» является товарным знаком, правообладатель которого обратился в суд, усмотрев нарушение исключительного права и размывание товарного знака.

Суд особое внимание уделил доктрине номинативного использования товарного знака, установив, что использование товарного знака в фильме было необходимым для идентификации водной горки. Кроме того, суд отметил, что правообладатель фильма не сделал ничего, что могло бы предполагать спонсорство или одобрение со стороны правообладателя, поскольку сам словесный товарный знак «Slip 'N Slide» используется лишь дважды и не употребляется чаще, чем любое другое слово.

В другом американском деле «Fortres Grand Corp. v. Warner Bros. Entertainment, Inc.» [13] разгорелся спор о товарном знаке «Чистый лист». Fortres Grand разрабатывает и продаёт программное обеспечение для персональных компьютеров под названием «Чистый лист». Warner Bros. Entertainment использовал словосочетание «чистый лист» для описания хакерской программы в фильме «Темный рыцарь: возрождение легенды». Fortres Grand заметил резкое падение продаж своего программного обеспечения после выхода фильма. Истец ссылаясь на то, что использование слов «чистый лист» нарушило его исключительное право на товарный знак и стало причиной снижения продаж. Fortres Grand утверждал, что потребители могут быть сбиты с толку, думая, что фильм спонсировался Fortres Grand благодаря появлению программного обеспечения «Чистый лист».

Первым вопросом в этом деле стало сходство товаров. В судебном акте есть фраза: «существует мало авторитетных источников о том, как относиться к фактору “сходства товаров”, когда один из них вымышленный» [13], т.е. когда фактически существует только один товар. Суд не стал акцентировать внимание на этом вопросе. Отказывая в удовлетворении исковых требований, суд указал, что товарный знак направлен на охрану индивидуализирующей функции, а не самого слова как единицы языка, и признал использование слов «чистый лист» описанием программного обеспечения в фильме, которое должно защищаться Первой поправкой.

Следующей виртуальной формой, в отношении которой может применяться доктрина свободного использования товарного знака, – компьютерные игры.

Компьютерная игра является мультимедийным произведением, отличающимся интерактивностью, т.е. возможностью игрока своими действиями воздействовать на виртуальное пространство по своей воле. Например, игрок может ходить по лока-

ции, делать какой-то выбор и т.д. В зависимости от степени интерактивности игрового объекта, маркированного товарным знаком третьего лица, он может использоваться в качестве динамического или статического объекта, с которым взаимодействие игрока не предусмотрено или является минимальным.

Рассмотрим, например, судебное дело «E.S.S. Entm't 2000, Inc. v. Rock Star Videos, Inc.» [14]. В компьютерной игре «GTA: San Andreas» разработчики пытались воссоздать реальные города – Лос-Анджелес, Сан-Франциско и Лас-Вегас. Для этого они фотографировали улицы городов с целью создания сходной обстановки в игре. Так в игре появился бар «Pig Pen», который воспроизводит реальный бар «Play Pen». Владелец бара обратился в суд, указав на нарушение исключительного права на товарный знак и фирменный стиль бара. В качестве защиты Rock Star ссылалась на доктрину номинативного использования, утверждая, что используемый товарный знак указывает на истинного правообладателя, его использование необходимо для индивидуализации бара и разработчик не сделал ничего, что могло бы предполагать спонсорство или одобрение со стороны правообладателя. Суд отклонил ссылку на номинативное использование, аргументировав это тем, что для номинативного использования необходимо использовать товарный знак правообладателя, а не сходное с ним обозначение.

Несмотря на отказ в применении доктрины номинативного использования, суд применил тест Rogers [15], который является классическим для многих категорий дел о свободном использовании товарного знака. Rogers представляет собой судебный тест, позволяющий защититься от правообладателей при использовании их товарных знаков в собственных художественных произведениях. Тест рекомендует судам применять Lanham Act к художественным произведениям только в тех случаях, когда общественный интерес в предотвращении путаницы у потребителей перевешивает общественный интерес в свободе выражения, основанной на Первой поправке.

Тест состоит из двух этапов:

1) использование товарного знака, должно иметь художественное отношение к основному произведению. При этом стандарт художественной ценности должен быть выше нуля; 2) использование товарного знака не должно вводить в заблуждение относительно источника происхождения.

Применяя указанный тест к спору, суд установил, что игра является художественным произведением, поэтому тест Rogers применим. В отношении второго критерия истец утверждал, что из-за свободы действий в игре игроки могут игнорировать основную сюжетную линию и проводить в баре столько времени, сколько пожелают. Поэтому бар является важной частью игры, что усиливает вероятность смешения. Суд отверг указанную позицию, аргументировав тем, что бейсбольные болельщики могут провести все таймы бейсбольного матча у киоска с хот-догами; это вряд ли делает спортивный стадион мясной лавкой. Другими словами, возможность посетить виртуальный бар не является главным преимуществом игры. Кроме того, средний потребитель не ожидает, что владелец бара создаст сложную технологическую игру. На основании вышеуказанного суд определил, что Rock Star не ввела в заблуждение потребителей, тем самым на основании теста Rogers её художественное произведение защищено Первой поправкой.

Другое дело, «AM Gen. LLC v. Activision Blizzard, Inc.» [16], касается примера, в котором игровой объект, маркированный товарным знаком, используется не только как статичный и не обязательный объект, но и как объект, с которым необходимо контактировать для прохождения игры. В игре «Call of Duty» использовался автомобиль Humvee, который упоминался в игровых диалогах, присутствовал в кат-сценах, игра давала возможность им управлять, а в некоторых случаях взаимодействие с ним было необходимым для прохождения игры.

Применяя первый критерий теста Rogers к указанному делу, суд установил, что использование Humvee в игре имеет художественную ценность, которая заключалась в создаваемом чувстве реализма. Применяя второй критерий, суд установил, что истец использует товарный знак Humvee с целью продажи военной техники, а ответчик – с целью создания видеоигры, имитирующей реальные боевые действия; тем самым отсутствует введение потребителя в заблуждение.

Вышеуказанные примеры касались случаев, когда игровой объект, маркированный товарным знаком, не являлся самостоятельным товаром для продажи. Возможность посетить бар, управлять автомобилем была предусмотрена игрой без взимания денежных средств. Однако сама игра и сам игровой объект, маркированный товарным знаком, могут продаваться. Должно ли это изменять тест свободного использования товарного знака?

Относительно первого случая: в деле о товарном знаке «Humvee» истец утверждал, что использование ответчиком товарного знака «Humvee» было продиктовано не художественными потребностями, а коммерческими соображениями. Суд отклонил довод, указав, что одного лишь намёка на возможность существования коммерческой мотивации недостаточно: художник может продавать своё искусство, не нарушая Первую поправку. Что касается второго случая, судебная практика не содержит подобных примеров, где бы на этом акцентировалось внимание, но в американской судебной практике имеются устоявшиеся нормы: степень защиты Первой поправки не уменьшается только потому, что произведения продаются, а не раздаются бесплатно [17]. Кроме того, в одном из первых дел о номинативном использовании, рассмотренном нами ранее – «New Kids on the Block v. News America Publishing, Inc.», суд установил, что защита Первой поправки не зависит от того, получил ли ответчик прибыль от использования товарного знака или нет. Более того, стандартный

семифакторный тест о смешении в деле «Polaroid» [18] не содержит в себе анализа на установление материальной выгоды сторон.

Последней на данный момент виртуальной формой, в которой может применяться доктрина свободного использования товарного знака, является метавселенная.

Метавселенные являются лишь новой формой, в которой могут реализовываться общественные отношения. Эти общественные отношения могут ничем не отличаться от отношений за пределами метавселенной. Например, компьютерную игру можно создать как на собственной платформе, так и в метавселенной. Так, онлайн-платформа Roblox, причисляемая к метавселенным, позволяет создавать собственные компьютерные игры, в которых будут использоваться те же самые тесты о свободном использовании. Однако в метавселенной могут возникнуть новые, ранее неизвестные социальные отношения например NFT.

Одним из знаковых судебных дел в указанной категории является дело «Hermès International v. Mason Rothschild» [19]. Суть спора заключалась в том, что Rothschild создал NFT-коллекцию сумок, которую назвал MetaBirkins. Hermès, правообладатель товарного знака «Birkin», обратился в суд, указав на нарушение прав на товарный знак и его размывание. Ответчик в качестве защиты ссылаясь на тест Rogers, указав, что название «MetaBirkins» художественно релевантно для NFT, поскольку оно описывает содержание произведения искусства. Он также утверждал, что не было сделано ничего, чтобы намеренно ввести в заблуждение потребителей относительно источника NFT. Кроме того, художники не должны подвергаться наказанию за получение прибыли от своего творчества. То, что ответчик продаёт произведения искусства с помощью NFT, не меняет того факта, что это искусство.

Суд установил, что использование «MetaBirkins» может не иметь художественного значения для цифровых изображений и что даже если бы это было так, использование «MetaBirkins» явно

вводит в заблуждение относительно источника произведений искусства Rothschild. Суд отметил, что Rothschild имел бы право на защиту в соответствии с Первой поправкой, если бы присяжные нашли хотя бы скромное подобие художественного выражения в его работе. Вместо этого присяжные установили, что вся схема ответчика состояла в том, чтобы обманом заставить потребителей поверить, что коллекция «MetaBirkins» была создана с одобрения или под контролем «Hermès».

Однако дело «Hermès» рассматривалось судом присяжных федерального округа и в связи с этим не создало юридический прецедент.

Вторым активно обсуждавшимся делом стало «Nike, Inc. v. StockX LLC» [20]. Спор возник из-за NFT с товарным знаком «Nike». Онлайн-магазин «StockX» опубликовал на своей платформе NFT с изображением кроссовок Nike. Производитель Nike подал исковое заявление в суд с требованием запрета на продажу и продвижение NFT, которое нарушает их товарный знак. В свою защиту StockX ссылаясь на то, что его действия подпадают под номинативное добросовестное использование и являются не более чем описанием реального товара Nike, поскольку StockX планировал продавать NFT, которые давали право на реально существующие кроссовки Nike без взимания дополнительной платы; при этом реально существующие кроссовки защищались доктриной первой продажи.

Дело рассматривалось с 2022 г. и активно обсуждалось в специальной литературе. Итоговое судебное заседание должно было состояться в октябре 2025 г., но в августе того же года стороны урегулировали свой конфликт на конфиденциальных условиях.

Если рассмотреть вопросы, которые ставились перед присяжными в деле «MetaBirkins», то у StockX было меньше шансов выиграть дело. Первый критерий теста Rogers гласит, что произведение, в котором используется товарный знак, должно иметь художественную ценность. Реалистичное изображение реально существующих кроссовок не обладает художественной ценностью.

Даже если суд установит, что в данном случае имеется некая художественная ценность, поскольку требования к художественной значимости минимальны, то указанный случай не пройдет второй критерий теста Rogers – использование товарного знака не должно вводить в заблуждение относительно источника происхождения.

В делах об использовании товарных знаков в аудиовизуальных и мультимедийных произведениях ответчики ссылались на то, что товарные знаки были органично интегрированы в произведение, не являлись основным объектом внимания зрителей или игроков, а самим товаром выступал не реквизит или виртуальный объект, а само произведение в целом. Однако в спорах с NFT эти аргументы не будут релевантными. Поскольку элементы метавселенной, как правило, не связаны друг с другом, у них отсутствует общий сюжет, NFT является не интегрированным, а самостоятельным объектом, который может выступать в экономическом обороте как самостоятельный товар. Кроме того, в аудиовизуальных произведениях зритель никак не может воздействовать на произведение, а в компьютерных играх игрок постоянно ограничен в возможностях взаимодействия с игровыми объектами. Метавселенные представляют собой более свободное виртуальное пространство, которое может полностью копировать внешний мир, за исключением физического контакта. В метавселенной могут создаваться собственные рынки любых виртуальных товаров (NFT), которые могут создаваться пользователями без контроля со стороны.

Таким образом, виртуальные объекты метавселенных не всегда пройдут тест Rogers. Кроме того, в метавселенные начали активно проникать социальные отношения внешнего мира – оказание консультационных услуг, продажа виртуальных товаров, имитирующих реальные, показы домов мод и т.д.; следовательно, вероятность смешения будет выше, нежели в фильмах и компьютерных играх.

Доктрина свободного использования товарного знака активно развивается в последние десятилетия, служа защитой во многих категориях дел, где до недавнего времени использование товарного знака признавалось нарушением. Общие тесты доктрины свободного использования закрепились в судебной практике по спорам об использовании товарных знаков в фильмах и компьютерных играх. В отношении метавселенных достаточная практика ещё не сложилась, поскольку сама метавселенная и NFT являются новыми феноменами. Но все тесты свободного использования основаны на главной функции товарного знака – индивидуализации товара. Если обозначение не используется в качестве средства индивидуализации своего товара, то действия по использованию товарного знака третьего лица должны являться свободными.

Литература и источники

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 4 (от 18.12.2006 г., в ред. от 23.07.2025 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496; 2025. № 30 (ч. 2). Ст. 4384.
2. The Lanham (Trademark) Act. URL: <https://www.bitlaw.com/source/15usc/1115.html> (дата обращения: 15.10.2025).
3. William R. Warner & Co. v. Eli Lilly & Co., 265 U.S. 526 (1924).
4. О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации (от 23.04.2019 г. № 10) // Бюл. Верховного Суда Рос. Федерации. 2019. № 7.
5. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 16.07.2018 С01-335/2018 по делу № А33-25467/2016 // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. М., 2025.
6. The United States Constitution. URL: <https://constitution.congress.gov/browse/amendment-1/> (дата обращения: 15.10.2025).
7. New Kids on the Block v. News America Publishing, Inc., 971 F.2d 302 (9th Cir. 1992).
8. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 30.09.2019 С01-852/2019 по делу № А40-266746/18 // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. М., 2025.

9. Постановление Федерального Арбитражного суда Московского округа от 05.08.2009 Ф05-4337/2009 по делу № А41-5137/08 // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. М., 2025.
10. Постановление Федерального Арбитражного суда Московского округа от 21.03.2012 Ф05-1779/2012 по делу № А40-46200/2011 // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. М., 2025.
11. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 10.02.2020 С01-1426/2019 по делу № А40-64050/2019 // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. М., 2025.
12. *Wham-O, Inc. v. Paramount Pictures Corp.*, 286 F. Supp. 2d 1254 (N.D. Cal. 2003).
13. *Fortres Grand Corp. v. Warner Bros. Entertainment, Inc.*, 763 F.3d 696 (7th Cir., 2014).
14. *E.S.S. Entm't 2000, Inc. v. Rock Star Videos, Inc.*, 547 F.3d 1095 (7th Cir., 2008).
15. *Rogers v. Grimaldi*, 875 F.2d 994 (2d Cir. 1989).
16. *AM Gen. LLC v. Activision Blizzard, Inc.*, 450 F.Supp.3d 467 (S.D. N.Y. 2020).
17. *White v. City of Sparks*, 500 F.3d 953 (9th Cir. 2007).
18. *Polaroid Corp. v. Polarad Electronics Corp.*, 287 F.2d 492 (2d Cir. 1961).
19. *Hermès International v. Mason Rothschild*, № 22-cv-384, (S.D.N.Y. 2023).
20. *Nike, Inc. v. StockX LLC*.

Елена Ивановна Толубаева

Младший научный сотрудник НОЦ «Интеллектуальная собственность и интеллектуальные права» ЮИ НИ ТГУ, aisbp.tolubaeva@gmail.com

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТОВАРНОГО ЗНАКА В КОНТЕКСТЕ СТ. 1486 ГК РФ: СЛОЖНЫЕ СЛУЧАИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются субъекты, которые должны использовать товарный знак для цели сохранения исключительного права на него. Уделяется внимание случаям номинального использования зарегистрированного обозначения, анализируется отечественная и зарубежная судебная практика, выделяются критерии добросовестного использования товарного знака.

Ключевые слова: товарный знак, споры о неиспользовании, номинальное использование

Товарный знак, используемый в обороте, становится ценным активом компании и позволяет привлечь внимание потребителей к товару и производителю, сформировать легко узнаваемый бренд и использовать его в целях успешного продвижения на рынке иных товаров этого лица.

Исходя из Статистики, представленной на сайте Роспатента¹, по состоянию на 1 ноября 2025 г. число действующих товарных знаков, поданных по национальной процедуре, составляет 770 628, а по международной – 231 327. Президиум Суда по интеллектуальным правам отмечает: товарные знаки, с одной стороны, помогают потребителям узнавать товары, работы и услуги

¹ Статистика действующих охранных документов на объекты промышленной собственности // Официальный интернет-сайт Федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатент). 2024. URL: https://rospatent.gov.ru/ru/about/stat/stat_doc (дата обращения: 17.11.2025).

из числа аналогичных с точки зрения их качества, свойств и иных характеристик. С другой стороны, они защищают репутацию правообладателей, помогают им информировать потребителей о товарах, услугах и рекламировать их¹.

Правовая природа товарного знака предполагает, что использование зарегистрированного обозначения одним лицом исключает эту возможность для иных субъектов гражданского оборота. Кроме того, право на товарный знак фактически может действовать бессрочно, поскольку правообладатель по истечении десятилетнего срока может вновь продлить исключительное право на обозначение на тот же срок.

Учитывая указанное, законодатель предусмотрел, что если правообладатель в первые три года с момента государственной регистрации товарного знака не начал его использование либо же допустил паузу в использовании обозначения на срок более чем три года, то правовая охрана товарного знака может быть прекращена до истечения десятилетнего срока по иску заинтересованного лица.

Отметим, что помимо правообладателя, использовать товарный знак для целей сохранения его правовой охраны могут и иные лица. Во-первых, это лицензиат, т.е. лицо, заключившее лицензионный договор с правообладателем на использование обозначения. Во-вторых, это «другое лицо, действующее под контролем правообладателя». Использование товарного знака иными лицами помимо вышеперечисленных трех субъектов для целей ст. 1486 ГК РФ не учитывается². Так, в частности, для сохранения правовой охраны не имеет значения использование товарного знака лицом, нарушающим исключительное право на

¹ Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 09.12.2024 № С01-1988/2024 по делу № СИП-62/2024 // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. М., 2025.

² Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 01.03.2019 по делу № СИП-301/2018 // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. М., 2025.

этот знак, т.е. использующим обозначение без согласия правообладателя и вопреки его воле.

В отношении такого субъекта, как лицензиат, особых споров в правоприменительной практике не возникает. Однако следует обратить внимание на следующее. Для сохранения правовой охраны товарного знака недостаточно факта заключения лицензионного договора, необходимо, чтобы либо правообладатель, либо его лицензиат вводили в гражданский оборот на территории Российской Федерации товары, маркированные спорным обозначением. Само по себе предоставление лицензии не свидетельствует о том, что осуществляются действия, связанные непосредственно с использованием товарного знака.

Государственная регистрация предоставления права использования товарного знака по лицензионному договору не имеет какого-либо значения для целей применения ст. 1486 ГК РФ. Указанная регистрация носит правоподтверждающий характер и не является частью процесса волеизъявления субъекта.

Положения ст. 1486 ГК РФ дают понять, что использование товарного знака возможно и без заключения лицензионного договора. Поэтому следующим субъектом, использование товарного знака которым имеет значение для сохранения правовой охраны обозначения, является «другое лицо, осуществляющее использование товарного знака под контролем правообладателя» (п. 2 ст. 1486 ГК РФ). Из указанной формулировки возникает вопрос, что понимать под термином «контроль» – это простое согласие (волеизъявление) правообладателя на использование товарного знака кем-то, кроме него, либо же помимо разрешения правообладатель должен осуществлять действия по контролю за использованием товарного знака.

Обратимся к американской практике, откуда термин «под контролем» был заимствован Соглашением ТРИПС, а затем перешел и в отечественное законодательство.

Американские суды полагают: для того чтобы факт использования товарного знака был установлен, правообладателю необходимо представить доказательства не только того, что иное лицо с

его согласия использовало зарегистрированное обозначение в своей деятельности, но и подтвердить, что владелец товарного знака фактически осуществлял контроль над качеством, объемами, коммерческими каналами вводимого в оборот товара. Таким образом, несмотря на то, что между сторонами отсутствует письменное соглашение, оно подразумевается из их поведения, т.е. это использование по подразумеваемой лицензии.

Европейская практика опосредует прямо противоположный подход: для подтверждения факта использования товарного знака иным лицом достаточно согласия правообладателя на использование принадлежащего ему обозначения, проведения контрольных мероприятий за использованием товарного знака не требуется.

Вернувшись к отечественной практике, отметим, что подход Суда по интеллектуальным правам претерпевал неоднократные изменения. Так, до 2015 г. практика в целом не была единообразной, но суд в большинстве случаев прекращал правовую охрану товарного знака, если правообладатель не мог подтвердить фактический контроль за использованием обозначения. Указанный подход представляется справедливым, поскольку потребитель ассоциирует конкретный товарный знак с определенными характеристиками и качеством товара. В случае если продукт, вводимый в оборот «подконтрольным лицом», имеет существенные отличия по качеству и иным характеристикам, то потребитель начинает вводиться в заблуждение, а товарный знак постепенно утрачивает не только гарантийную, но и индивидуализирующую функцию.

В 2015 г. вопрос контроля за вводимой в оборот продукцией подвергся детальному обсуждению на заседании Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам¹.

¹ Протокол № 12 заседания Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам 29 июня 2015 года // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. М., 2025.

Участники дискуссии по результатам обсуждения пришли к выводу о том, что «контроль» по смыслу ст. 1486 ГК РФ – это «контроль воли», главное – наличие согласия правообладателя.

Однако, как показывает актуальная судебная практика, подход к трактовке понятия «использование под контролем» вновь был пересмотрен: на текущий момент суды вновь анализируют наличие контроля со стороны правообладателя, а также все чаще используют формулировку «по воле и под контролем»¹. Таким образом, правоприменитель придает правовое значение не только наличию в гражданском обороте товаров с согласия правообладателя, но и проведению с его стороны контрольных мероприятий. Указанный подход в наибольшей степени отвечает целям и функциям товарного знака как средства индивидуализации.

В контексте рассмотрения вопроса использования товарного знака для целей сохранения его правовой охраны важно отметить, что не любое использование может быть принято судом во внимание при разрешении спора.

Зачастую правообладатели не используют товарный знак по его прямому функциональному назначению, но, желая сохранить исключительное право на него, создают видимость такого использования. Это может выражаться, например, в том, что лицо однократно выпускает на рынок небольшое количество продукта, маркированного зарегистрированным обозначением, либо же делает несколько крайне незначительных по объему поставок.

Как указано Всемирной организацией интеллектуальной собственности в п. 9.86 и 9.88 разд. F гл. 9 Введения в интеллектуальную собственность, использование товарных знаков должно быть предано гласности, т.е. товары должны выставляться на

¹ См., например: Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 25.07.2025 № С01-945/2025 по делу № СИП-1442/2024, Решение Суда по интеллектуальным правам от 06.10.2025 № СИП-1341/2024, от 25.04.2025 № СИП-1442/2024.

продажу через нормальные коммерческие каналы. При этом использование должно быть фактическим, номинального использования недостаточно.

Отметим, что из судебной практики следует, что суд по своей инициативе не исследует вопрос добросовестности использования товарного знака. Именно истец должен просить проанализировать представленные доказательства на предмет символичности использования¹.

Рассмотрим критерии, по которым Суд по интеллектуальным правам отличает добросовестное использование обозначения от номинального. В первую очередь оцениваются показатели объема введенной в оборот продукции. Если правообладатель поставил на рынок небольшое количество товара массового, бытового потребления, имеющего невысокую ценовую категорию, то с большей долей вероятности суд сочтет использование номинальным и прекратит правовую охрану товарного знака. Так, в деле № СИП-521/2025² суд, исследовав представленные ответчиком доказательства, установил, что единичный факт поставки 240 флаконов эфирного масла розмарина объемом 30 мл является крайне незначительным для объемного российского рынка, и прекратил правовую охрану неиспользуемого обозначения.

Если же в оборот было введено аналогичное количество эксклюзивного либо узкопрофильного дорогостоящего товара, то такое использование товарного знака в совокупности с иными доказательствами может быть признано надлежащим³. Например, в деле

¹ Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 15.09.2022 № С01-1525/2022 по делу № СИП-1341/2021 // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. М., 2025.

² Решение Суда по интеллектуальным правам от 14.10.2025 по делу № СИП-521/2025 // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. М., 2025.

³ Решение Суда по интеллектуальным правам от 26.08.2025 по делу № СИП-265/2024, Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 10.08.2022 № С01-1086/2022 по делу № СИП-1119/2021 // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. М., 2025.

№ СИП-1254/2023¹ ответчик доказал факт поставки на территорию РФ более 1 500 единиц майнингового оборудования, маркированного товарным знаком. Учитывая высокую стоимость и узкопрофильный специализированный характер ввозимого продукта, указанный объем был признан достаточным и убедительным, суд пришел к выводу о добросовестном использовании обозначения.

Подобный подход представляется оправданным, поскольку сохранение правовой охраны при наличии ассоциативной связи с этим обозначением у потребителей составляет суть самого института досрочного прекращения правовой охраны товарного знака вследствие его неиспользования².

В отечественной практике также можно отследить решения, в которых Суд по интеллектуальным правам сравнивает объемы выпускаемой истцом продукции с количеством введенного ответчиком в оборот товара. Если объемы продукции сопоставимы, то, по мнению суда, использование товарного знака правообладателем не может быть признано номинальным³.

Вместе с тем разница в объемах производства товаров истца и ответчика сама по себе не может свидетельствовать о номинальном, символическом использовании ответчиком спорного товарного знака. Во-первых, истцу не обязательно на момент рассмотрения спора вводить в оборот значительное количество продукта, ему необходимо лишь подтвердить заинтересованность в использовании спорного обозначения в своей дальнейшей деятельности. Во-вторых, даже если истец поставляет на рынок большие объ-

¹ Решение Суда по интеллектуальным правам от 20.06.2025 по делу № СИП-1254/2023 // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. М., 2025.

² Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 09.12.2024 № С01-1988/2024 по делу № СИП-62/2024 // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. М., 2025.

³ Решение Суда по интеллектуальным правам от 26.07.2018 по делу № СИП-739/2017 // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. М., 2025.

емы товара, то суду он чаще всего представляет несколько товарных накладных исключительно для подтверждения заинтересованности, не преследуя цель показать весь объем производства и поставок, так как это не входит в его бремя доказывания. Помимо этого, подобное сравнение некорректно, поскольку компании истца и ответчика могут быть не сопоставимы по производственным мощностям, финансовым ресурсам, виду и специализации – ответчик может быть крупной холдинговой компанией с предприятиями в нескольких регионах, в то время как истец является индивидуальным предпринимателем, производящим товары ручной работы и не имеющим штата сотрудников.

Отметим, что помимо объемов вводимого в оборот товара в судебной практике в последнее время все чаще обращается внимание на характеристики бизнеса и производственных мощностей правообладателя. Так, например, в деле № СИП-369/2023 Суд по интеллектуальным правам отметил, что ответчик является субъектом малого предпринимательства, имеет небольшие торговые точки, что исключает возможность продажи спорных товаров в больших объемах. Правовая охрана товарного знака в указанном споре была сохранена.

Наиболее комплексно критерии подлинного использования анализируются европейскими судами. Так, в споре *Sunrider v OHIM – Espadafor Caba*¹ суд обратил внимание, что необходимо анализировать не только объем введенных на рынок товаров и услуг, но и характеристики продукта (цену, эксклюзивность, объем спроса), насыщенность рынка товарами, периодичность и продолжительность использования обозначения.

В другом деле *MFE Marienfelde v OHIM – Vétouquinol*² суд постановил, что объемы продажи товаров или услуг должны рас-

¹ Case T-203/02 *Sunrider v OHIM – Espadafor Caba (VITAFRUIT)* [2004] ECR II-2811, paragraphs 40, 42.

² Case T-334/01 *MFE Marienfelde v OHIM – Vétouquinol (HIPOVITON)* [2004] ECR II-2787, paragraph 36.

смагиваться во взаимосвязи с объемом бизнеса, производственными или маркетинговыми мощностями, степенью диверсификации предприятия, использующего торговую марку.

Таким образом, обобщив подходы отечественной и зарубежной практики, можно сделать вывод о том, что не любое использование товарного знака может быть признано надлежащим для цели сохранения исключительного права. При рассмотрении споров о неиспользовании необходимо учитывать:

- характеристики товаров (цену, эксклюзивность, объем спроса);
- насыщенность рынка продукцией;
- объем бизнеса и производственных мощностей правообладателя;
- продолжительность и периодичность использования товарного знака.

Если объем введенной в оборот продукции достаточен для того, чтобы индивидуализирующая функция товарного знака была реализована в полной мере, то использование товарного знака не может быть признано номинальным. При установлении факта использования товарного знака суду необходимо анализировать, отвечает ли объем продукции, введенной в оборот, коммерческим интересам правообладателя и потребностям рынка.

Кроме того, представляется, что вопрос добросовестного использования должен исследоваться судом по своей инициативе, независимо от заявлений истца о номинальном характере использования товарного знака.

Злата Евгеньевна Николаева

*Ведущий специалист отдела законодательства об интеллектуальных правах
Исследовательского центра частного права
им. С.С. Алексеева при Президенте РФ, магистр частного права (РШЧП),
аспирант (РШЧП), ze.nikolaeva@gmail.com*

**БУДУЩЕЕ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО
ЛИЦЕНЗИРОВАНИЯ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ
ВЫЗОВОВ: ПРОБЛЕМЫ ТЕКУЩЕГО
ПРАВООПРЕДЕЛЕНИЯ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ**

Аннотация. В статье анализируются современное состояние и перспективы применения принудительных лицензий в России в условиях пандемии, санкций и трансформации интеллектуальных прав. Рассматриваются проблемы использования механизма в фармацевтике, его возможное распространение на объекты авторского права и новые результаты творчества. Особое внимание уделяется анализу европейского опыта.

Ключевые слова: принудительное лицензирование, система ограниченных исключительных прав, свобода договора, авторское право, патентное право

В последние годы в России усилились дискуссии о расширении применения принудительных лицензий сначала из-за пандемии COVID-19, а затем вследствие ухода иностранных компаний и возникших трудностей с легальным использованием результатов их интеллектуальной деятельности. Описанные социально-экономические вызовы поставили законодателя в сложное положение и требуют оперативного реагирования. С одной стороны, законодатель должен стремиться к сохранению притока инвестиций, обеспечению защиты исключительных прав правообладателей, а также гарантированию прав на результаты интеллектуальной деятельности и творчества. С другой стороны, современная

правовая доктрина и практика требуют учета публичного интереса, который предполагает защиту прав и интересов широких слоев населения, в том числе в сфере здравоохранения, программного обеспечения, иностранных баз данных и других критически важных областей. В таком случае, в соответствии со ст. 55 Конституции РФ, принудительное лицензирование, являясь инструментом ограничения исключительного права в интересах общества, может рассматриваться как механизм реализации принципа допустимости ограничения прав и свобод только федеральным законом и только в той мере, в какой это необходимо для защиты конституционно значимых ценностей и благополучия населения.

В 2025 г. Конституционным Судом РФ были зарегистрированы жалобы американской компании Vertex Pharmaceuticals и российского подразделения французской Sanofi о признании п. 1 ст. 1362 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) несоответствующим Конституции РФ [1]. В законодательных же инициативах активно рассматриваются предложения о включении института принудительных лицензий в часть четвертую ГК РФ в отношении авторских прав [2]. Такое повышенное внимание к системе ограничений исключительных прав неизбежно вызывает беспокойство, поскольку лишь подчеркивает, что четкие границы и объем применения принудительных лицензий до сих пор не определены, тогда как от результатов их регулирования зависит будущее всей системы интеллектуальной собственности в стране.

Настоящая работа условно разделена на три блока. Первый посвящен проблематике объема применения принудительных лицензий в фармацевтической отрасли. Во втором блоке рассматриваются перспективы применения института принудительных лицензий в авторском праве. Третий блок посвящен анализу европейского опыта регулирования. Принудительные лицензии при-

нято рассматривать в юридической науке и международной практике как «необходимое зло» («necessary evil») [3. Р. 254], в связи с этим необходимость сохранения самого института автором не оспаривается. Исторически было доказано, что принудительные лицензии многократно способствовали защите общественных интересов и обеспечению баланса между правами правообладателей и потребностями общества [3. Р. 254–257]. Вместе с тем автор ставит вопросы о значении правоприменительной практики, о целесообразности расширения данного института, его дополнительной конкретизации, а также о необходимости разработки новой правовой конструкции, позволяющей выдавать принудительные лицензии на новые объекты исключительных прав.

В силу ограниченности объема автором не проводится детальный анализ правового регулирования отдельных зарубежных государств, поскольку как включение принудительных лицензий в отношении авторских прав, так и их применение в фармацевтической отрасли в каждой отдельной стране формировалось с учетом специфических социальных и исторических предпосылок. По мнению автора, ни один из зарубежных подходов, зачастую взаимоисключающих друг друга, не может быть полностью использован в качестве модели правового регулирования для России. В работе анализируются общие правовые тенденции, выявляются ключевые проблемы и предлагаются возможные пути их решения, что может служить основой для разработки отечественного подхода к определению границ применения принудительного лицензирования.

Применение принудительных лицензий в фармацевтической отрасли

Принудительное лицензирование в фармацевтике позволяет снижать стоимость жизненно важных препаратов, стимулирует развитие местной фармацевтической индустрии и предотвращает

злоупотребления монопольным положением патентообладателей. Оно также служит инструментом для разрешения «патентных тупиков», когда улучшения или модификации лекарств блокируются из-за отказа правообладателя сотрудничать. Такой механизм поддерживает баланс между интересами общества и частными правами, обеспечивая оперативный доступ к лекарствам в чрезвычайных ситуациях и защищая базовое право человека на здоровье.

Тем не менее использование принудительных лицензий связано с рядом рисков. Чрезмерное или необоснованное вмешательство в патентные права может снижать стимулы для инноваций, ограничивать инвестиции в исследования и разработки и отпугивать международные компании от работы в стране. Кроме того, неконтролируемое производство дженериков может создавать проблемы качества и безопасности лекарств. Использование принудительных лицензий также может приводить к международной торговой напряженности и снижению иностранного инвестирования. Поэтому такой инструмент должен применяться строго избирательно на основе объективных критериев необходимости с учетом экономических, правовых и социальных последствий.

В литературе отмечается, что в течение долгого времени принудительное лицензирование оставалось сравнительно редким инструментом государственной политики в сфере интеллектуальной собственности [4. С. 28]. Более того, зачастую выдача принудительной лицензии приводила к негативным результатам в виде экономических потерь для государства, снижения иностранных инвестиций и отзыва ряда инновационных препаратов с рынка (в качестве примера часто приводится опыт Египта и компании «Pfizer») [5. Р. 254]. Институт использовался главным образом странами с ограниченным доступом к лекарствам (в Индии принудительная лицензия была выдана на препарат сорафе-

ниб; в Эквадоре и Таиланде – на ритонавир; в Бразилии – на эфавиренц). В период пандемии COVID-19 обсуждение механизма активизировалось, появилось больше академических и политических предложений по его совершенствованию, однако реальное число выданных принудительных лицензий осталось невысоким, а многие государства отдавали предпочтение иным инструментам в виде договоров о переводе технологий или добровольных лицензионных соглашений [5. Р. 250–255].

Поскольку принудительные лицензии выдаются редко, а судебная практика и оценка судами критериев для их предоставления существенно различаются, важно учитывать не только формальные критерии из международных договоров (ст. 5А(2) Парижской конвенции и ст. 31 Соглашения ТРИПС) и национального законодательства, но и то, как суды оценивают представленные доказательства при принятии решения о присуждении лицензии.

В отчете *Compulsory Licensing of Intellectual Property Rights* (СЕІРІ, 2023) подчеркивается, что в ЕС возникла растущая политическая и правовая готовность рассматривать механизмы принудительного лицензирования как средство реагирования на чрезвычайные обстоятельства, особенно в области здравоохранения, когда добровольные соглашения с правообладателями оказываются недостаточными, что отражается и в последующих законодательных инициативах на уровне ЕС [6. Р. 14]. Отмечается разный подход к определению критериев для принудительного лицензирования в разных странах ЕС, в связи с чем возникает отсутствие единообразия правового регулирования и правоприменительной практики.

Например, во Франции законодательство уточняет понятие «интересы общественного здравоохранения» («interests of public health») в контексте принудительных лицензий. В частности, к объектам, подпадающим под возможность принудительных ли-

цензий, относятся: а) лекарственные препараты, медицинские изделия, диагностические устройства *in vitro* и вспомогательные терапевтические продукты; б) процессы их получения, необходимые для этого продукты или способы производства; в) диагностические методы *ex vivo*. Патенты на эти объекты могут быть использованы в рамках системы принудительных лицензий только в случае, если соответствующие продукты или методы предоставляются населению в недостаточном объеме или качестве, по аномально высоким ценам либо эксплуатируются с нарушением интересов общественного здравоохранения (ст. L613-16 ГК Франции). Такой подход обеспечивает более точное определение ситуаций, запускающих применение принудительных лицензий, однако сохраняет риск того, что непредвиденные обстоятельства могут не попасть под действие закона. Так, в 2004 г. Франция расширила свое законодательство о принудительных лицензиях, включив в него технологии медицинской диагностики, ранее не упомянутые напрямую.

В Германии в ответ на пандемию COVID-19 был принят Закон «О защите населения в условиях эпидемии национального масштаба» (EpidemieSchG), вступивший в силу 27 марта 2020 г. Он дополнил Закон о профилактике и контроле инфекционных заболеваний у человека (IfSG) положениями, позволяющими Министерству здравоохранения выдавать так называемые «распоряжения о пользовании» («Benutzungsanordnungen») для определенных патентов в соответствии с § 13 Патентного закона (PatG), если Бундестаг признает эпидемию ситуацией национального значения. Эта мера была направлена на обеспечение поставок жизненно важных продуктов в кризисной ситуации, включая возможность ограничения действия патента для производства необходимых активных веществ или лекарственных препаратов. В этом случае принудительная лицензия является инструментом оперативного реагирования на кризис и интегрирует существующие механизмы государственного использования патентов.

В Эстонии нормы о принудительных лицензиях отсылают к Закону о предупреждении и контроле инфекционных заболеваний, а также к Закону о чрезвычайных ситуациях. В Румынии Государственный указ № 1/1999 определяет чрезвычайное положение как комплекс исключительных мер политического, экономического и общественного характера, применяемых на всей территории государства или в отдельных административно-территориальных единицах в случаях существующей или надвигающейся серьезной угрозы национальной безопасности или функционированию конституционной демократии, а также при надвигающихся катастрофах, требующих предотвращения, ограничения или ликвидации их последствий.

В России в буквальном толковании п. 1 ст. 1362 ГК РФ позволяет установить три условия для выдачи принудительной лицензии: 1) неиспользование или недостаточное использование изобретения в течение четырех лет со дня выдачи патента (для полезной модели – три года), что приводит к недостаточному предложению товаров, работ или услуг на рынке; 2) отказ патентообладателя заключить лицензионный договор на возмездных условиях, соответствующих сложившейся практике; 3) отсутствие уважительных причин неиспользования или недостаточного использования. Однако на практике выявились абстрактность формулировок п. 1 ст. 1362 ГК РФ и необходимость их тщательного наполнения судами. Из анализа нормы следует, что ключевыми элементами при применении п. 1 ст. 1362 ГК РФ становятся определения судами верного распределения бремени доказывания между правообладателем и заявителем, содержания «объема недостаточного использования товаров на рынке» и «объема лицензии», включая количество продукции, способы ее применения, срок и территорию использования. В связи с приведенным судебная практика становится ключевым элементом формирования содержания этого института.

Перспективы применения института принудительных лицензий в сфере авторского права

В авторском праве на основании международной практики и анализа литературы условно могут быть выделены три подхода к необходимости введения института принудительного лицензирования. Первый предусматривает закрепление общей нормы, позволяющей выдавать принудительные лицензии на любые объекты авторских прав по аналогии с патентным правом. Второй ограничивает применение института отдельными видами результатов интеллектуальной деятельности. Третий полностью отказывается от принудительных лицензий, исходя из того, что система ограничений исключительных прав в авторском праве отличается от патентной и предполагает иные механизмы балансировки интересов правообладателей и общества.

Первый подход основан на идее, что введение принудительных лицензий в авторское право может позволить государству защищать публичные интересы, обеспечивая доступ общества к значимым объектам культуры и информации в условиях санкционного давления и массового ухода иностранных правообладателей [7. С. 4–5]. Отмечается, что в текущих условиях российский медиарынок фактически располагает лишь двумя способами доступа к иностранному контенту: использование пиратских ресурсов или оформление подписок на зарубежные стриминговые сервисы, что для бизнеса практически невозможно, а для большинства потребителей приводит к выбору нелегальных источников [8. С. 2].

Дополнительным аргументом в пользу принудительных лицензий в авторском праве служит существующее законодательство ряда государств (в частности, Индии и США), которое предусматривает применение принудительных лицензий в отношении произведений умерших, неизвестных или неразысканных авторов, а также при дефиците социально значимого контента. Такая практика позволяет учитывать объективные трудности

идентификации правообладателей, которые приводят к росту транзакционных издержек и снижению оборотоспособности произведений [7. С. 3]. Принудительные лицензии на использование произведений с неизвестными правообладателями, по мнению сторонников подхода, позволят легализовать такое использование при сохранении гарантий справедливого вознаграждения в случае последующей идентификации автора [7. С. 3, 6]. Наконец, подобный механизм рассматривается как средство реализации конституционного права граждан на доступ к культурным ценностям за счет формализации легального использования произведений, фактически выведенных из оборота по причинам, не зависящим от пользователей [7. С. 6].

Второй подход предполагает частичную инкорпорацию института принудительного лицензирования в авторское право. При этом такая инкорпорация должна иметь четко определенные границы: субъектные, объектные, территориальные или временные. Например, в литературе обсуждаются предложения ограничить сферу применения принудительного лицензирования в авторском праве через субъектный состав правообладателей, к которым оно может быть применено [8. С. 7]. В частности, выдвигаются и обсуждаются инициативы, допускающие его использование в отношении правообладателей, «тесно связанных с соответствующим “недружественным” государством» [8. С. 7]. Однако такой подход выглядит чрезмерно размытым и требует более точного правового определения, чтобы избежать правовой неопределенности и злоупотреблений.

Кроме того, встречаются предложения ограничить применение принудительных лицензий по объектному составу. Так, высказывается мнение, что потенциальной сферой их применения в авторском праве могло бы стать использование компьютерных программ в интересах национальной безопасности [9. С. 206–212]. В этой связи обращается внимание на ст. 1360 ГК РФ, которая предусматривает право Правительства РФ разрешать использование объектов патентных прав без согласия правообладателя

в интересах обороны и безопасности при условии уведомления его в кратчайший срок и выплаты соразмерной компенсации. Отмечается, что механизм принудительной лицензии в большей степени защищает интересы правообладателя по сравнению с режимом ст. 1360 ГК РФ, поскольку лицензия предоставляется лишь при отказе правообладателя заключить лицензионный договор на условиях, соответствующих сложившейся практике. На этом основании высказывается предложение о целесообразности дополнения гл. 70 ГК РФ нормой, предусматривающей возможность предоставления судом принудительной лицензии на использование компьютерных программ в интересах национальной безопасности [9. С. 212].

В последние годы ведутся дискуссии о целесообразности включения института принудительного лицензирования по объектному критерию для программ для ЭВМ и баз данных [9]. Международная практика демонстрирует разнообразный подход. В некоторых странах, таких как Индия и Южная Корея, принудительные лицензии включены в законодательство как инструмент обеспечения доступа к жизненно важному программному обеспечению и стимулирования конкуренции, особенно в случае отказа правообладателя предоставлять лицензии на разумных условиях. В других странах, например в Германии и Японии, принудительные лицензии по отношению к программам для ЭВМ фактически не применяются или ограничены исключительно специфическими ситуациями, что связано с особенностями программ как объектов авторского права.

Сторонники расширения механизма принудительных лицензий в таком случае подчеркивают, что такой шаг позволит устранить дефицит доступа к программному обеспечению, обеспечить эксплуатацию критически важных программ в интересах пользователей и стимулировать конкуренцию. Критики же отмечают, что программы регулярно обновляются, а каждая новая версия может требовать отдельной лицензии; переработка создает новые

исключительные права у лицензиата, что снижает практическую эффективность принудительных лицензий. Кроме того, программное обеспечение может воспроизводиться и адаптироваться без нарушения исключительных прав первоначального автора, что делает традиционный подход к принудительным лицензиям менее универсальным.

На практике поддержание доступа к программам и базам данных часто обеспечивается другими механизмами, такими как временное использование, параллельный импорт и использование орфанных произведений, которые позволяют регулировать доступ без необходимости прямого вмешательства в права авторов.

Третий подход заключается в полном отказе от закрепления механизма принудительных лицензий в авторском праве. Его сторонники исходят из того, что система ограничений исключительных прав в авторском праве принципиально отличается от патентной и предполагает иные способы балансировки интересов авторов и общества. Любые вмешательства в сферу монополии должны быть строго обоснованы, целенаправленны и ограничены конкретными обстоятельствами, чтобы обеспечивать справедливый баланс между правами правообладателей и интересами общества, не подрывая при этом инновационную активность [4]. Отмечается, что введение «универсальных» формул может быть даже опасно, поскольку в таких случаях высока вероятность, что ограничения будут применяться к ситуациям, в которых они не служат интересам общества, создавая дополнительные административные и бюрократические издержки [4. С. 13].

Объем включения института принудительных лицензий в авторское право в российском законодательстве в значительной мере зависит от понимания соотношения правовой природы авторского и патентного права и возможности объединения либо разграничения соответствующих механизмов ограничения исключительных прав. По мнению автора настоящего исследования, включение любого нового института в часть четвертую

ГК РФ требует всестороннего и глубокого анализа, поскольку простое обращение к зарубежным примерам регулирования не может служить достаточным обоснованием для их включения. Сама по себе природа авторского права исключает возможность прямого переноса в него общей конструкции принудительного лицензирования, механизм в любом случае должен быть адаптирован. В то же время текущие вопросы обеспечения доступа к объектам авторских прав могут быть решены по аналогии с Федеральным законом от 28.12.2024 № 545-ФЗ, который допускает принятие исключительных мер для защиты общественных интересов и позволяет государству оперативно реагировать на чрезвычайные ситуации. Применение же подобной конструкции в отношении отдельных категорий объектов авторских прав, в частности, к программному обеспечению и базам данных, требует тщательной оценки ее необходимости, учета связанных правовых и экономических рисков, а также широкого профессионального и общественного обсуждения.

Перспективы принудительных лицензий с учетом развития новых интеллектуальных прав. Европейский опыт

В отчете *Compulsory Licensing of Intellectual Property Rights (CEIPR, 2023)* отмечается, что эффективность работы механизма принудительного лицензирования во многом зависит от типа продукта или процесса, его технологической сложности и области применения.

В отчете выделяется четыре категории объектов, иллюстрирующих различные уровни для определения объема принудительных лицензий [6. Р. 34–35]:

Первая категория охватывает объекты, для производства которых требуется только «naked license» и которые не требуют дополнительного согласования с регулирующими органами, ноу-хау или инструкций по использованию. Примерами являются солнцезащитные очки, клапаны для респираторных устройств,

запчасти, которые можно воспроизвести с помощью 3D-печати, маски, таблетки для очистки воды и т.д.

Вторая категория включает объекты, для производства которых требуется специфическое ноу-хау, соблюдение стандартов надлежащей производственной практики и получение иных разрешений. К ним относятся медицинские изделия (респираторные устройства, шприцы или диагностические тест-системы), некоторые лекарственные препараты.

Третья и четвертая категории включают сложные объекты, объединяющие и включающие в себя несколько патентов, патентных заявок и коммерческих тайн, часто создаваемых в рамках совместных проектов с кросслицензированием между различными участниками индустрий, и требующие специализированных знаний и технологий для использования.

К третьей категории относятся биопрепараты (вакцины, для производства которых необходим доступ к закрытому ноу-хау, не подпадающему под существующие режимы принудительного лицензирования).

Четвертая категория охватывает объекты, разработанные непосредственно в ответ на кризис (например, мРНК-вакцины против COVID-19), для которых невозможно определить объем действующих прав и их владельцев по публичным источникам, так как патентные заявки еще не опубликованы. В этих случаях единственным доступным источником информации о продукте является регуляторное досье, которое и может служить основанием для запроса принудительной лицензии.

Выделение четырех категорий используется для решения вопроса о границах и объеме исключительных прав, на которые может быть выдана одна принудительная лицензия в каждом отдельном случае. Несмотря на то, что законодательство ряда государств ЕС формально оперирует категорией «патента» в единственном числе, в отчете демонстрируется отсутствие за-

прета на охват нескольких патентов одной лицензией в ряде европейских правовых порядков. Однако на практике в подавляющем большинстве случаев принудительные лицензии выдаются на единственный охраняемый результат, что существенно ограничивает их потенциальную эффективность для комплексных технологий. Ведутся дискуссии о решении этой проблемы и необходимости распространения принудительных лицензий на такие объекты.

В отношении дизайна в отчете отмечается, что принудительные лицензии в этой сфере практически не применяются [6. Р. 43]. По данным исследования, возможность охвата промышленных образцов принудительной лицензией предусмотрена лишь в праве Польши. Вместе с тем в рамках анализа в отчете был выявлен пример в период пандемии COVID-19 в Италии: «Decathlon», когда правовладелец добровольно согласовал переработку маски спортивного назначения для использования в медицинских целях [10].

Аналогичный подход встречается и при оценке необходимости выдачи принудительной лицензии для авторских прав. По мнению опрошенных экспертов и практиков, авторское право в целом не создает значимых препятствий, требующих вмешательства в исключительные права авторов посредством выдачи принудительных лицензий [6. Р. 43]. Это обусловлено природой авторско-правовой охраны, которая распространяется лишь на конкретную форму выражения произведения, но не на лежащую в его основе идею или принцип. Следовательно, достижение сходного технического или функционального результата от механизма возможно посредством иного выражения, не нарушающего исключительных прав первоначального автора. Данную логику в отчете в полной мере применяют и к программному обеспечению, прямо отмечается, что программный код может быть переписан таким образом, чтобы обеспечить аналогичную функциональность без воспроизведения охраняемого объекта.

Литература и источники

1. КС РФ определит правила принудительного лицензирования на примере зарубежных высокотехнологичных лекарств // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/business/1050427> (дата обращения: 10.11.2025).
2. Законопроект № 184016-8 «О внесении изменения в Федеральный закон «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/184016-8> (дата обращения: 10.11.2025).
3. Abbas M.Z. Pros and Cons of Compulsory Licensing: An Analysis of Arguments // *International Journal of Social Science and Humanity*. 2013. Vol. 3, № 3.
4. Ворожевич А.С., Третьяков С.В. Об утилитарности интеллектуальных прав, принудительных лицензиях и бюрократических рентах // Закон. 2017. № 8 // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. М., 2025.
5. Reichman J.H. Comment: Compulsory Licensing of Patented Pharmaceutical Inventions: Evaluating the Options // *The Journal of Law Medicine & Ethics*. June 2009.
6. Центр международных исследований в области ИС (CEIP), Университет Страсбурга; Impact Licensing Initiative; Ecorys Nederland BV. Compulsory licensing of intellectual property rights: Final Study Report. Luxembourg : Publications Office of the European Union, 2023. 139 p.
7. Борисова Л.В. О реализации в России идеи принудительного лицензирования объектов авторских и смежных прав // Юрист. 2024. № 8. // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. М., 2025.
8. Гилев В.М. Перспективы принудительного лицензирования в авторском праве Российской Федерации // ИС. Авторское право и смежные права. 2024. № 6 // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. М., 2025.
9. Матвеев А.Г. Ограничения исключительного авторского права и иные механизмы охраны общественного интереса в авторском праве // Седьмой Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 18–19 ноября 2016 г.) : сборник научных статей / отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М. : Статут, 2017. 592 с. // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. М., 2025.
10. European Commission, Directorate-General for Internal Market, Industry, Entrepreneurship and SMEs, Report on the feasibility and analysis of “Impact Licensing Initiative” (ILI) for technology access during a health crisis. Publications Office, 2020. P. 17. URL: <https://data.europa.eu/doi/10.2873/552686>

Павел Константинович Пакшин

*Аспирант Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики», ppk-center@mail.ru*

**ПРОИЗВЕДЕНИЯ, СОЗДАННЫЕ
ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ:
ОСНОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ
КРИТЕРИЯ ИНВЕСТИЦИЙ**

Аннотация. Развитие искусственного интеллекта заставляет пересмотреть устоявшиеся законы в сфере интеллектуальной собственности. Сейчас результаты, созданные искусственным интеллектом, неохраноспособны. Сам искусственный интеллект может нарушать права других, используя чужие материалы. В связи с этим перед законодателем стоит выбор: либо признать за искусственным интеллектом правосубъектность, либо перейти от критерия творчества в авторском праве к критерию инвестиций в праве смежном.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, интеллектуальные права, искусственный интеллект, результат интеллектуальной деятельности

Статья посвящена решению ряда вопросов, обусловленных развитием генеративного искусственного интеллекта, а именно его квалификации в качестве субъекта или объекта права, установлению субъекта авторских прав на результаты, сгенерированные при помощи искусственного интеллекта, а также разграничению ответственности за юридически значимые действия, осуществлённые искусственным интеллектом. Ключевой проблемой выступает интеграция результатов, созданных с применением искусственного интеллекта, в правовое поле, которое исторически базируется на антропоцентрической основе.

Следует разделять результаты, созданные творческим трудом человека, где искусственный интеллект использовался лишь в ка-

честве инструмента, и результаты, созданные искусственным интеллектом автономно, без творческого участия человека. В первом случае мы можем говорить о результатах интеллектуальной деятельности по смыслу ст. 1225 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Во втором случае речь идёт о результатах, созданных искусственным интеллектом, без наличия «интеллектуальной деятельности». Такие результаты в случае внесения соответствующих изменений в ст. 1225 ГК РФ можно было бы приравнять к результатам интеллектуальной деятельности¹.

В контексте генерации новых идей наблюдается устойчивая тенденция к увеличению числа создателей результатов интеллектуальной деятельности, использующих потенциал цифровых технологий. Учитывая, что системы искусственного интеллекта оперируют массивами данных, включая произведения с непрозрачным для пользователя происхождением, правообладатели применяют правомерную стратегию, заключающуюся в использовании результатов, сгенерированных искусственным интеллектом, исключительно в качестве источника вдохновения для инициации автономных творческих процессов.

Современное развитие искусственного интеллекта ставит перед законодателем дилемму, заключающуюся в необходимости выбора между двумя различными подходами: признанием за искусственным интеллектом правосубъектности *sui generis* либо модификацией традиционного механизма охраноспособности через замену критерия творческого характера в рамках авторского права на критерий инвестиций в рамках смежного права.

¹ Например, к результатам интеллектуальной деятельности приравнены средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, которым предоставляется соответствующая правовая охрана. Для установления аналогичного правового режима в отношении результатов, созданных искусственным интеллектом автономно, без творческого участия человека, потребуется дополнение действующего законодательства нормой о приравнивании таких результатов к результатам интеллектуальной деятельности.

Данный подход предполагает применение по аналогии правового режима, установленного для инвестиционных баз данных как объектов смежных прав. Содержательная сторона критерия инвестиций предполагает необходимость установления ответственности произведённых затрат, включая финансовые и организационные ресурсы, а также профессиональные компетенции, с учётом таких параметров, как продолжительность, интенсивность, многоэтапность и масштабность выполненных работ.

Важно отметить, что в случае с инвестиционными базами данных соблюдение критерия инвестиций устанавливается на основании презумпции. Пункт 1 ст. 1334 ГК РФ гласит: «При отсутствии доказательств иного базой данных, создание которой требует существенных затрат, признаётся база данных, содержащая не менее десяти тысяч самостоятельных информационных элементов (материалов), составляющих содержание базы данных». Представляется целесообразным в отношении результатов, созданных искусственным интеллектом, вместо «десяти тысяч самостоятельных информационных элементов (материалов)» установить критерий отличимости результата, созданного искусственным интеллектом, от типовых текстов и «стоковых» изображений, массово хранящихся в общедоступных базах данных¹.

Прогрессирующее развитие цифровых технологий обостряет проблему пересмотра устоявшейся антропоцентрической парадигмы, традиционно рассматривавшей творчество как исключительную прерогативу человека. В рамках данной работы выдвигается гипотеза, согласно которой замена критерия творчества на критерий инвестиции не подрывает сложившуюся систему интеллектуальных прав и представляет собой наиболее оптимальное решение в рамках регулирования *de lege lata*.

¹ Данный критерий основан на предположении, что результат, созданный искусственным интеллектом, в случае его существенного отличия от типового текста или «стокового» изображения появился в итоге детально проработанного запроса («промпта»).

Иными словами, применение критерия инвестиций вместо традиционного критерия творчества, основанное на аналогии с режимом охраны инвестиционных баз данных смежными правами, предполагает предоставление правовой охраны результатам, созданным искусственным интеллектом, на основании доказуемости существенных финансовых, временных и организационных вложений. Данный подход, по нашему мнению, представляет собой наиболее предпочтительное решение *de lege lata*, поскольку применение указанного подхода не нарушает сложившуюся систему интеллектуальных прав.

Потенциал искусственного интеллекта в сфере генерации результатов творческого характера вызывает значительный исследовательский интерес. Правовой режим подобных результатов сейчас характеризуется отсутствием охраноспособности в случае их создания без достаточного творческого участия человека. Сложившаяся судебная практика демонстрирует устойчивую тенденцию: необходимым условием для предоставления правовой охраны является доказывание существенного творческого вклада человека в процесс создания интеллектуальной собственности даже в случаях применения искусственного интеллекта лишь в качестве инструмента¹.

¹ В частности, Арбитражный суд г. Москвы в своём решении 2023 г. констатировал наличие творческого вклада коллектива авторов в создание видеоконтента с применением технологии «дипфейк», так как использование указанной технологии не нивелирует творческий характер деятельности по разработке сценария, производству съёмочного процесса и созданию аудиосопровождения. Пекинский интернет-суд в 2023 г. распространил правовой режим интеллектуальной собственности на изображения, сгенерированные искусственным интеллектом, сохраняя при этом традиционную антропоцентрическую парадигму правового регулирования. Верховный кассационный суд Италии сформулировал позицию, предполагающую необходимость количественной оценки степени использования цифровых инструментов в рамках творческого процесса. В общем и целом практика свидетельствует о сохранении обязательного требования к доказыванию существенного человеческого творческого участия даже в условиях применения продвинутого искусственного интеллекта.

Соглашаясь с подходом А.И. Балашовой, что в основу потенциального правового регулирования могут быть положены правовые режимы объектов, не имеющих автора, или произведений, перешедших в общественное достояние, обнародованных публикатором [1. С. 198], С.А. Милюков заключает, что в основу потенциального правового регулирования может быть положен правовой режим неохранных объектов авторского права. С.А. Милюков приходит к выводу об особом правовом режиме неохранных объектов авторского права. Созданные искусственным интеллектом объекты он предлагает отнести к институту смежных прав, выступая за установление смежных прав лица, использующего искусственный интеллект, на изначально созданные объекты, внешняя форма которых создана искусственным интеллектом, реализующим замысел пользователя [2. С. 198].

В.О. Калятин в этой связи отмечает: «[П]опытка признать [искусственный интеллект] автором не соответствует принципам авторского права... [Г]ораздо логичнее говорить не об авторском, а о более узком смежном праве, о предоставлении права организатору процесса создания объекта, подобно правам изготовителя фонограммы, организации эфирного или кабельного вещания и т.д. ...[Р]оль организатора в создании результата интеллектуальной деятельности становится определяющей и с точки зрения общественного прогресса заслуживающей стимулирования. ...Пожалуй, проще будет ввести самостоятельный режим охраны в рамках смежного права без привязки к статусу автора» [3].

Наиболее концептуально обоснованным представляется приравнение объектов, созданных с применением искусственного интеллекта, к категории объектов смежных прав. Несмотря на ключевую роль интеллектуального вклада разработчиков в процессе создания искусственного интеллекта, отсутствие финансовых и организационных инвестиций делает невозможной практическую реализацию соответствующих разработок. В частности, аргументированной представляется позиция об установлении смежного права за

лицом, иницирующим и организующим процесс использования искусственного интеллекта. Данный механизм позволил бы обеспечить защиту не творческой составляющей результата, а инвестиционных и организационных ресурсов, направленных на его создание.

Результаты интеллектуальной деятельности входят в перечень объектов гражданских прав, закреплённых в ст. 128 ГК РФ. В соответствии со ст. 1228 ГК РФ, автором произведения признаётся человек, творческим трудом которого такой результат был создан. Указанные законодательные положения порождают комплекс правовых вопросов, включающих: а) возможность признания искусственного интеллекта в качестве субъекта – создателя охраняемого результата; б) установление круга лиц, подлежащих привлечению к ответственности за нарушения интеллектуальных прав, связанные с применением искусственного интеллекта.

С.А. Милоков утверждает, что существует два подхода к определению произведения: 1) любой результат мыслительной деятельности; 2) результат, представляющий собой совокупность мыслей, идей и образов, которые имеют свою внутреннюю структуру, форму и содержание.

Существование идеи в голове создателя, предшествующее её выражению в объективной форме, Г.У. Лукина и Е.Ю. Куприна называют «замыслом» – творческой стадией, которая предшествует фиксации произведения [4. С. 13].

Понятие «творчество» неразрывно связано с понятием «оригинальность». При анализе законодательства разных правовых систем выделяются следующие подходы к определению понятия «оригинальность»:

1) в Европейском союзе (далее – ЕС) интеллектуальные права распространяются только на произведения, являющиеся результатом собственного интеллектуального творчества автора¹;

¹ В деле *Infopaq International A/S v. Danske Dagblades Forening*, касающемся правового режима обзоров периодических изданий, сформулирована позиция,

2) в Канаде – самостоятельное производство с привлечением собственных навыков и суждений автора;

3) в Великобритании – создание произведения собственными знаниями автора, его усилиями, суждениями и трудом [5. С. 61];

4) в Соединённых Штатах Америки наличие минимальной творческой искры или капли творчества должно быть создано самостоятельным трудом автора¹.

Автором произведения признаётся исключительно человек, творческим трудом которого был создан охраняемый результат. Данная норма порождает комплекс вопросов в контексте применения искусственного интеллекта, включая вопросы о возможности признания искусственного интеллекта в качестве создателя произведения и установления субъекта ответственности за нарушение исключительных прав. Сейчас результаты, сгенерированные искусственным интеллектом при отсутствии прямого творческого участия человека, исключаются из сферы действия правовой охраны.

В связи с неспособностью компьютерных систем к осуществлению творческого выбора возникает проблема определения объективных оснований для квалификации минимально необходимого уровня творчества. Правовая неопределённость критериев охраноспособности результатов, создаваемых искусственным

что предоставление правовой охраны объектам в качестве произведений предполагает установление их соответствия критерию собственного интеллектуального творчества автора. Суд констатирует, что подтверждением наличия собственного интеллектуального творения автора служат такие объективные элементы произведения, как его форма, метод представления содержания и специфика языкового выражения.

¹ В деле *Feist Pubs., Inc. v. Rural Tel. Svc. Co., Inc.* сформулирована позиция, согласно которой, для признания произведения охраноспособным объектом авторского права необходимо наличие минимальной степени творческой индивидуальности, описываемой как «творческая искра». В обоснование приводится ситуация, когда два поэта, действуя независимо друг от друга, создают идентичные поэтические произведения. Каждое из произведений признаётся оригинальным результатом самостоятельного творческого труда и, следовательно, подлежит правовой охране.

интеллектом, обуславливает возникновение следующих юридически значимых вопросов:

1) допустимость создания произведений, имитирующих индивидуальный стиль конкретного правообладателя;

2) оценка оригинальности переработок и компиляций, синтезированных из существующих охраняемых объектов, и их разграничение с актами плагиата;

3) установление круга надлежащих субъектов интеллектуальных прав на результаты, созданные с применением искусственного интеллекта.

В целях проверки гипотезы о функциональном соответствии искусственного интеллекта традиционному субъекту права рассмотрим ситуацию, при которой пользователь, аналогично отношениям в рамках служебного произведения или договора авторского заказа, делегирует искусственному интеллекту выполнение конкретных заданий в качестве исполнителя. В указанном случае творческий вклад человека ограничивается исходной стадией формирования технического задания, при этом установлена прямая корреляция между степенью детализации таких указаний и вероятностью признания авторства за физическим лицом. Соответственно, обратная зависимость проявляется в ситуациях минимальной спецификации заданий и высокой автономности функционирования искусственного интеллекта.

Правоспособность как способность быть носителем прав и обязанностей присуща установленному кругу субъектов, и к числу таковых относятся: государство, субъекты международного публичного и частного права, а также, что имеет непосредственное значение для настоящей работы, физические и юридические лица. Учитывая характер возникновения правосубъектности юридических лиц, в отношении перспективных разработок в области «сильного» искусственного интеллекта выдвигалась концепция новой категории – «электронного лица», способного охватывать сложные автономные системы.

В связи с этим рассматривалось введение для соответствующих систем ограниченной правосубъектности *sui generis*, основанной на юридической фикции по аналогии с конструкцией юридического лица, однако данный подход сопряжён с проблемой необоснованного расширения системы правовых категорий. Указанная концепция не получила широкой поддержки – например, Европарламент констатировал нецелесообразность предоставления искусственному интеллекту статуса юридического лица, аргументировав это негативным воздействием на стимулирование творческой деятельности человека.

Аналогичная позиция о неприемлемости признания правосубъектности за искусственным интеллектом доминирует в большинстве современных правовых систем. В действующих правопорядках большинства юрисдикций искусственный интеллект не наделён свойствами правосубъектности. Его функциональное назначение определяется преимущественно как инструментарий, обладающий способностью к анализу значительных массивов информации.

В процессе обработки данных искусственный интеллект демонстрирует имитацию рационального поведения, формулируя логически обоснованные выводы на основе полученных входных параметров, установленных алгоритмов и предписаний. При этом сохраняется правовой риск возникновения ситуаций, при которых заинтересованные лица могут оказаться лишёнными адекватных средств судебной защиты¹.

¹ В деле *IceTV Pty Limited v. Nine Network Australia Pty Limited* [2009] Высший Суд Австралии подтвердил приверженность антропоцентрической парадигме авторского права, последовательно отрицая возможность признания правосубъектности за системами искусственного интеллекта. Суд установил, что субъектом авторских прав на произведение, созданное с применением компьютерных технологий, признаётся исключительно человек, осуществивший комплекс необходимых действий для генерации результата. Суд сохранил верность традиционной доктрине индивидуального авторства, воздерживаясь при этом от определения конкретного правообладателя.

Центральной проблемой выступает правовая неопределённость критериев охраноспособности результатов, создаваемых искусственным интеллектом. Вследствие неспособности вычислительных систем к осуществлению творческого выбора формируются значительные сложности в квалификации минимально необходимого уровня творчества, что порождает правовые последствия относительно установления оригинальности произведений, разграничения с плагиатом и определения субъекта авторства.

Большинство правовых систем отклоняют концепцию наделения искусственного интеллекта статусом юридического лица, аргументируя это необходимостью сохранения стимулов для человеческого творчества. При этом отсутствие специального правового режима создаёт риски невозможности охраны результатов, объективно тождественных результатам интеллектуальной деятельности человека. По нашему мнению, в текущих условиях решение указанных проблем *de lege lata* следует искать в рамках существующего правового регулирования, поскольку современные системы искусственного интеллекта не достигли уровня автономии, предполагающего полный «разрыв» с деятельностью человека.

Антропоцентрический подход к интеллектуальной собственности в целом в значительной степени является позицией, представленной как в *acquis communautaire* ЕС, так и в законодательстве об интеллектуальных правах государств-членов ЕС [6], а также в судебной практике Суда ЕС в отношении понятий труда, личности и т.д. (например, в решении Суда ЕС *Levola v. Smilde* [2018]) [7. Р. 417]. В целях предотвращения дисфункции правового регулирования в отношении результатов, не созданных непосредственным человеческим участием, и преодоления правовой неопределённости критериев охраноспособности результатов, созданных с применением искусственного интеллекта, существуют две альтернативы:

а) модификация действующего правового режима посредством смягчения императивных требований о необходимости установления авторства за человеком [8];

б) замена традиционного критерия творческого характера на критерий инвестиций.

Как уже было отмечено выше, критерий инвестиций, в отличие от концепции признания правосубъектности за искусственным интеллектом, не потребует кардинального пересмотра действующего законодательства, что свидетельствует о его большей практической реализуемости в краткосрочной перспективе. В условиях господствующей правовой парадигмы, где критерий творческого характера предполагает обязательное участие человека в создании интеллектуальной собственности, предоставление правовой охраны обусловлено доказуемостью степени творческого вклада человека. Применительно к произведениям, сгенерированным исключительно искусственным интеллектом, в большинстве юрисдикций отсутствуют основания для их признания охраноспособными объектами.

Ключевым элементом правовой квалификации является установление факта оказания лицом достаточного творческого воздействия на сгенерированный контент. В частности, при модификации результата, созданного искусственным интеллектом, физическое лицо обязано документально фиксировать вносимые изменения для обоснования авторства.

В рамках традиционного казуального подхода, предполагающего индивидуальную судебную оценку человеческого вклада в каждом конкретном случае, основной проблемой выступает отсутствие унифицированной методики измерения соответствующего вклада. Указанное обстоятельство создаёт риски чрезмерной зависимости от судебного усмотрения и формирует практику искусственного внесения правообладателями формальных правок в объекты, созданные искусственным интеллектом (напри-

мер, ретушь изображений или применение фильтров), с исключительной целью формального соответствия критериям охраноспособности¹.

Иными словами, в рамках традиционного подхода охраноспособность возникает исключительно при доказуемости творческого участия человека, что провоцирует преднамеренную искусственную модификацию контента, сгенерированного искусственным интеллектом. Ключевой проблемой выступает отсутствие унифицированной методики оценки творческого вклада и превалирование субъективного судебного усмотрения при разрешении споров.

Искусственный интеллект выполняет «коммуникативную функцию» между создателями исходных данных и субъектом, формулирующим целенаправленный запрос. Наиболее релевантной правовой аналогией в данном контексте выступает правовой режим баз данных, однако искусственный интеллект демонстрирует более высокий уровень функциональности, генерируя производные данные на основе восприятия исходной информации, без необходимости модификации традиционной концепции правосубъектности. По нашему мнению, при квалификации правового режима результатов, созданных с применением искусственного интеллекта, критерий творческого характера подлежит замене на критерий инвестиции по аналогии с правовой охраной инвестиционных баз данных.

Результаты, сгенерированные с применением искусственного интеллекта, обладают потенциалом непреднамеренного нарушения исключительных прав третьих лиц. Субъект, использующий

¹ В качестве примера можно привести практику Бюро по авторским правам США (USCO), которое исходит из того, что созданные произведения не подлежат охране авторских прав в связи с отсутствием в них творческого вклада человека, но закрепило авторские права на генератор изображений *Invoke* в связи с сочетанием в нём человеческого творчества с генерацией и документированием творческих приёмов.

систему искусственного интеллекта и получающий соответствующий результат, как правило, признаётся ответственным лицом в случае причинения ущерба. Искусственный интеллект должен функционировать в качестве инструмента расширения человеческих возможностей, а не их ограничения.

Немаловажным представляется и вопрос срока правовой охраны смежного права на результат, созданный искусственным интеллектом:

1. В случае с результатами, созданными творческим трудом человека, где искусственный интеллект использовался лишь в качестве инструмента, срок правовой охраны должен быть приравнен к сроку действия исключительного права на произведение и действовать в течение всей жизни создателя и 70 лет после.

2. В случае с результатами, созданными искусственным интеллектом автономно, без творческого участия человека, срок правовой охраны должен быть приравнен к сроку действия исключительного права изготовителя базы данных и действовать в течение 15 лет.

Таким образом, был проверен тезис, что замена критерия творчества критерием инвестиции представляет собой наиболее оптимальное решение в рамках регулирования *de lege lata*. Было установлено, что правовая охрана посредством предоставления режима смежных прав подлежит распространению на результаты, генерируемые системами искусственного интеллекта. Предлагается заменить критерий творчества на критерий инвестиции для охраны результатов, созданных искусственным интеллектом. Искусственный интеллект в любом случае рассматривается как инструмент, а смежное право на его результаты должно принадлежать человеку, вложившему ресурсы в создание такого результата. Данное решение технически обосновано и оптимально, поскольку снижает правовую неопределённость и не требует кардинальных изменений в законодательстве.

Литература и источники

1. Балашова А.И. Правовой режим результатов деятельности искусственного интеллекта: единство и дифференциация подходов // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2023. № 3 (41). С. 190–206.
2. Милюков С.А. Объекты, созданные с использованием искусственного интеллекта, как объекты авторских и смежных прав // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. URL: <http://ipcmagazine.ru/articles/1799896/> (дата обращения: 20.11.2025).
3. Калятин В.О. Определение субъекта прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с использованием искусственного интеллекта, и его влияние на развитие гражданского законодательства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15, № 4. С. 24–50.
4. Лукина Г.У., Куприна Е.Ю. Рассуждение о понятии «художественный замысел» // Художественная культура. 2023. № 4 (47). С. 12–33.
5. Огородникова К.С. Проблема оригинальности произведения в авторском праве // Вопросы российского и международного права. 2021. Т. 11, № 11А. С. 60–67.
6. Iglesias M. Intellectual property and artificial intelligence. A literature overview. Publications Office of the European Union. Luxembourg. 2021. URL: <https://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/handle/JRC119102> (дата обращения: 20.11.2025).
7. Papadopoulou A. Creativity in Crisis: Are the Creations of Artificial Intelligence Worth Protecting? // Journal of Intellectual Property, Information Technology and Electronic Commerce Law. 2021. № 3. P. 408–418.
8. Picht P.G., Thouvenin F. AI and IP: Theory to Policy and Back Again – Policy and Research Recommendations at the Intersection of Artificial Intelligence and Intellectual Property // IIC – International Review of Intellectual Property and Competition Law. 2023. Vol. 54. P. 916–940.

Олег Александрович Куликов

*Ведущий специалист отдела законодательства об интеллектуальных правах
Исследовательского центра частного права им. С.С. Алексеева
при Президенте РФ, магистр частного права (РШЧП)*

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ОБЪЕКТА ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ПРАВА И ЕЕ ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Аннотация. В статье предпринимается попытка продемонстрировать практическое значение дискуссии о правовой природе объекта исключительного права. На примере частных вопросов автор доказывает, что теория нормативного объекта обладает большим эвристическим потенциалом и позволяет формулировать нюансированные решения для правовых проблем – это составляет одно из множества ее преимуществ перед теорией нематериального блага.

Ключевые слова: объект исключительного права, теория нематериального блага, нормативная теория.

Введение

Одной из аксиом учения об исключительном праве является тезис о нематериальном характере его объекта [1. С. 175; 2. С. 240]. Эта черта предполагает отсутствие у результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации собственной телесной формы, которая могла бы быть непосредственно воспринята органами чувств.

Тезис о нематериальности является примером того, как наделение идеи статусом конвенциональной истины становится препятствием для ее развития [3. Р. 711]. Объект исключительного права действительно нематериален. Однако признание этой черты главной затрудняет постижение его сущности, ведь описать нечто недоступное для восприятия невозможно [4. Р. 11–12].

Это способствует превращению объекта исключительного права в собирательное понятие [5. S. 554]. Возможность использования его в качестве содержательной категории игнорируется [6. S. 617; 7. S. 193, 208].

Эффективная работа системы охраны интеллектуальных достижений и знаков невозможна без оформления ее догматической структуры. Иначе она рискует превратиться в политический инструмент, границы которого будут изменяться произвольно. В связи с этим важной задачей современного этапа развития учения об интеллектуальных правах является осмысление его ключевых категорий – в частности, объекта.

В современной российской литературе вопрос правовой природы объекта интеллектуальных прав незаслуженно остается без внимания. Одна из причин этого видится в том, что он воспринимается как сугубо теоретический – его практическое значение при этом не осознается. Такой взгляд представляется избыточным упрощением.

Любая «теоретическая проблема» имеет практическое измерение. В настоящей работе предпринимается попытка продемонстрировать это на примере дискуссии о правовой природе объекта исключительного права.

1. Основные подходы к определению природы объекта исключительного права

Несоответствие объекта интеллектуальных прав классическим категориям цивилистики потребовало осмысления его как самостоятельного феномена. Его основой стало разграничение интеллектуального достижения и материального носителя, в котором оно выражено [8. P. 50, 114; 9. P. 1; 10. P. 1]. Утверждение этой дихотомии позволило провозгласить, что права возникают в отношении «нематериального объекта». В его понимании можно выделить две крупные теории – нематериального блага и нормативного объекта.

1.1. Теория нематериального блага

Господствующей в современной доктрине признается теория нематериального блага [11. Р. 110; 12. Р. 24–34]. Она возникла в немецкой литературе конца XIX в. в качестве ответа на трудности квалификации объекта интеллектуальных прав через традиционные категории цивилистики. Впервые термин «нематериальное благо» (*immaterielles Gut*) в контексте охраны интеллектуальных достижений был использован О. Штоббе [13. S. 520], однако его теоретическое наполнение считается заслугой Й. Колера [14. S. 137].

Теория нематериального блага признает самостоятельное существование недоступных органам чувств объектов, в отношении которых может быть установлено субъективное право [15. S. 191–192, 208]. Для того чтобы описать многочисленные особенности правового режима охраны интеллектуальных достижений и знаков, она использует термин «нематериальные блага» [16. S. 435].

Теория нематериального блага имела большое историческое значение: она впервые позволила обосновать частноправовую природу интеллектуально-правовой охраны, не умаляя ее самостоятельности [17. S. 72; 18. S. 83]. Отказ от вещной квалификации ее объекта создавал угрозу восстановления «системы привилегий». Идея нематериального блага как объекта интеллектуальных прав позволила ее устранить – она предоставила уникальный объект, в отношении которого могло быть сконструировано субъективное частное право [16. S. 432–435].

Сегодня же как догматическая последовательность, так и практическая ценность теории нематериального блага могут быть поставлены под сомнение. К ее недостаткам можно отнести избыточную метафизичность [19. S. 347–348], нежелательные нормативные следствия [20. Р. 146–147; 21. Р. 311–313; 22. Р. 397–398] и неспособность предоставить четкий ориентир в установлении объектных границ исключительного права [23. С. 161].

1.2. Теория нормативного объекта

Альтернативой теории нематериального блага является теория нормативного объекта. Современная доктрина еще не предложила ее комплексного описания. Признание нормативной природы объекта, как правило, становится лишь элементом общей характеристики механизма охраны интеллектуальных достижений и знаков. Ближе всего к формированию вокруг неё полноценного учения подошли А. Джордж [24. Р. 93–111] и У.-А. Ронстад [25. Р. 54–58].

Нормативная теория признает *sui generis* природу объекта интеллектуальных прав, но считает его производным от правопорядка типом материальных явлений, обладающих набором общих свойств.

Из тезиса о нормативности объекта вытекают и его дополнительные характеристики – институциональное происхождение и квалификация в качестве типа.

Признание объекта исключительного права институциональным фактом означает особую форму его существования: он существует лишь потому, что люди говорят, думают и действуют так, как если бы он объективно существовал. В определенных контекстах материальные ресурсы утрачивают функцию «вещи» и начинают рассматриваться в качестве проявлений особого объекта. С изменением функции правопорядок связывает изменение правового режима.

«Типичность» объекта исключительного права описывает характер связи между ним и материальными носителями, в которых он выражен. На описание этой связи претендует структура «тип-токен», которая предполагает различение классов объектов (типов) и экземпляров объектов этого класса (токенов). В этой дихотомии объект исключительного права должен занимать место типа, а материальные носители – его токенов.

Теория нормативного объекта представляется более совершенным подходом по сравнению с квалификацией объекта исключительного права в качестве особого «нематериального блага». Она позволяет избежать теоретических противоречий и нежелательных нормативных следствий, предоставляет доступный механизм установления объектных границ исключительного права и предлагает убедительное описание структуры отношений между объектом права и множеством его материальных носителей.

2. Практическое значение вопроса о природе объекта исключительного права

Ценность теории заключается не только в ее догматической стройности, но и в способности приблизить правопорядок к справедливому решению частных проблем – поэтому в общем учении об объекте интеллектуальных прав также должен быть отражен вопрос о нормативных следствиях воспринятого понимания его природы.

Правильная квалификация объекта интеллектуальных прав в первую очередь, имеет большую теоретическую ценность. Она не только проясняет его место в систематике объектов гражданских прав, но и позволяет решить ряд производных доктринальных проблем. Однако любое теоретическое достижение в области права неизбежно сказывается на решении конкретных споров [26. S. 33]. В связи с этим наполнение категории «объект интеллектуальных прав» может иметь и практическое значение.

2.1. Кумулятивная охрана объектов интеллектуальных прав

Нормативная теория позволяет расширить категориальный аппарат, посредством которого происходит осмысление интеллектуально-правовой охраны: наряду с объектом интеллектуальных прав она вводит понятия идеального объекта и внешней формы.

Их применение дает возможность формулировать нюансированные решения – это показывает проблема кумулятивной охраны.

Суть проблемы кумуляции интеллектуальных прав сводится к вопросу о том, должен ли факт охраны результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации одним режимом исключать его защиту как сходного объекта.

При восприятии теории нематериального блага кумулятивная охрана *per se* будет недопустима. В ней каждый из пересекающихся режимов имеет один и тот же объект – благо, существующее в трансцендентной реальности. При этом устанавливаемое в отношении него право по объему сообщаемой субъекту власти уподобляется праву собственности. Возникновение нескольких исключительных прав в отношении одного объекта в логике этой теории невозможно, поскольку оно нарушало бы абсолютный характер господства правообладателя. Следовательно, единственная возможная в парадигме нематериального блага модель – «демаркация режимов».

Нормативная теория показывает, что из природы объекта интеллектуальных прав не следует однозначное решение проблемы кумулятивной охраны. Идеальный объект возникает в момент создания автором качественно новой мысли – совокупность всех ее признаков и образует такой объект [12. Р. 52]. После придания идеальному объекту внешней формы некоторые из его признаков наделяются юридическим значением и формируют абстрактный объект интеллектуальных прав [27. Р. 91]. Из одного идеального объекта может быть сформировано множество объектов интеллектуальных прав. Следовательно, каждый из пересекающихся режимов имеет самостоятельный предмет охраны. Это объясняет принципиальную возможность кумуляции [28. С. 22–24].

Проблема кумулятивной охраны иллюстрирует один из главных недостатков теории нематериального блага: она предлагает излишне упрощенное описание системы защиты интеллектуаль-

ных достижений и знаков. Механическое блокирование кумуляции игнорирует тот факт, что множественная охрана может иметь как положительные, так и отрицательные следствия [29. Р. 149; 30. Р. 155–160; 31. Р. 260]. Задача правопорядка как раз и состоит в том, чтобы обеспечить их оптимальное соотношение – использование же теории нематериального блага снимает с него эту ответственность.

Нормативная теория не предопределяет решения проблемы кумулятивной охраны, но предоставляет необходимый для его поиска инструментарий. Она расширяет категориальный аппарат, посредством которого происходит осмысление интеллектуально-правовой охраны: наряду с объектом интеллектуальных прав нормативная теория вводит понятия идеального объекта и внешней формы. Их использование позволяет создавать нюансированные решения.

2.2. Охрана уникальных достижений

Одним из элементов нормативной теории является квалификация объекта интеллектуальных прав в качестве типа. Практическая ценность этого тезиса может быть проиллюстрирована на примере проблемы охраны уникальных достижений.

Суть проблемы охраны уникальных достижений сводится к возможности признания объектом исключительного права принципиально неповторимых результатов¹. Обычно позитивное

¹ Иллюстрацией этой проблемы может послужить рассмотренное Верховным Судом ФРГ (далее – ВС ФРГ) «дело о красном лебедь». Спор возник из того, что патентное ведомство отказало в предоставлении охраны алгоритму выведения красного лебедя. В основу этого решения был положен аргумент о том, что повторное воспроизведение всех составляющих этот алгоритм действий невозможно – полученный лебедь является уникальным экземпляром, повторить который невозможно даже при точном следовании всем представленным в патентной заявке действиям. Поскольку из первичного артефакта не может быть воссоздан тип, предоставление его признакам интеллектуально-пра-

право не ограничивает их защиту напрямую. В то же время предоставление в подобных ситуациях интеллектуально-правовой охраны лишено смысла, поскольку использовать решение третьи лица не смогут. Чтобы устранить это противоречие, необходимо сначала ответить на вопрос о природе объекта интеллектуальных прав.

Из теории нематериального блага следует, что уникальные достижения должны получать охрану в полном объеме. Она исходит из того, что объект интеллектуальных прав возникает независимо от правопорядка. Наличие даже единичного экземпляра свидетельствует о его существовании в трансцендентной реальности. Функция правовой системы при таком подходе сводится лишь к констатации его существования. Значит, ограничений на охрану интеллектуальных достижений быть не должно.

Теория нормативного объекта, напротив, предполагает невозможность возникновения исключительного права в отношении уникального достижения. Квалификация объекта интеллектуальных прав в качестве типа означает, что он должен объединять неопределенное множество сходных материальных носителей. Из уникального достижения сформировать тип невозможно – оно порождает лишь единичное понятие. Следовательно, в нормативной теории охрана уникальных достижений противоречит существу конструкции объекта интеллектуальных прав.

Таким образом, нормативная теория проясняет содержание объекта интеллектуальных прав как типа, складывающегося из структурных и контекстуальных признаков. Это позволяет уточнить сферу действия системы интеллектуально-правовой охраны, что может быть проиллюстрировано проблемой защиты уникальных достижений.

2.3. «Размытие» товарного знака

овой охраны было бы лишено смысла. ВС ФРГ с доводами патентного ведомства согласился (BGH, Beschl. v. 27.03.1969, X ZB 15/67 // Prinz-Law. Mainz, 2025.

Предлагаемая теорией нормативного объекта модель применима как к результатам интеллектуальной деятельности, так и к средствам индивидуализации. Вместе с тем содержание средств индивидуализации обладает спецификой в силу того, что нормативный объект формируется не из интеллектуального достижения, а из знака.

Знак представляет собой комплексное отношение, в котором один предмет используется для представления другого предмета, свойства или связи [32. С. 23]. Некоторые знаки получают охрану со стороны правопорядка, что превращает их в средства индивидуализации. Это не меняет их содержания, а значит, комплексная структура будет характерна и для сформированного из знака объекта интеллектуальных прав.

Триадическая модель знака складывается из означающего, означаемого и референта [33. Р. 28]. Означающее представляет собой символ – форму, которую принимает знак [34. Р. 339]. Референтом является предмет реального мира, на который знак ссылается [34. Р. 372]. Означаемое характеризует передаваемый знаком смысл [34. Р. 179].

Средство индивидуализации также является знаком, поэтому его содержание может быть описано в терминах семиотической теории [35. Р. 19]. Символ будет означающим для средства индивидуализации – объект, в отношении которого он используется, становится референтом. Идентифицирующая функция предполагает, что средство индивидуализации должно отличать референт от однородных объектов. Обычно это достигается за счет отождествления с источником происхождения или его репутацией – они и будут играть роль означаемого [36. Р. 413].

Триадическая модель показывает, что средство индивидуализации складывается из нескольких взаимосвязанных отношений. Оно не сводится к символу, который выполняет лишь функцию означающего. В него включаются также и другие элементы – источник происхождения и его репутация, а также референтные

объекты. Отношения между элементами знака при этом носят со-зависимый характер [37. Р. 79].

Иллюстрацией пользы от предлагаемого описания структуры средства индивидуализации является проблема «размытия» то-варных знаков.

Проблема «размытия» ставит вопрос о возможности призна-ния нарушением исключительного права такого использования обозначения, которое не вводит в заблуждение потребителей, но влечет уменьшение его различительной способности. С одной стороны, такие действия объективно наносят ущерб правообла-дателю. Однако в то же время посягательства на функцию иден-тификации при их совершении не происходит. Из-за этого проти-воречия надлежащий способ защиты становится неочевидным.

В теории нематериального блага «размытие» товарного знака могло бы быть квалифицировано как нарушение исключительного права¹. Признание объективности существования средства индивиду-ализации и перенос на него идеи абсолютной защиты приводят к ши-рокому пониманию нарушения: оно рассматривается как любое пося-гательство на актив. Действия по «размытию» наносят благу ущерб – следовательно, в этой парадигме они будут нарушением исключи-тельного права и повлекут применение соответствующего режима.

Теория нормативного объекта показывает, что в действитель-ности при «размытии» нарушения исключительного права на то-варный знак не происходит². Это объясняется отсутствием клю-чевого элемента его состава – использования знака [38. Р. 675]. Третье лицо воспроизводит лишь означающее, но не знак в целом.

¹ См., к примеру: *Jews for Jesus v. Brodsky*, 993 F.Supp. 282 (D.N.J.) aff'd. 159 F.3d 1351 (3d Cir. 1998) // Justia: справ. правовая система. Mountain View, 2025; *Hormel Foods Corporation, Plaintiff-appellant, v. Jim Henson Productions, Inc., Defendant-appellee*, 73 F.3d 497 (2d Cir. 1996) // Justia: справ. правовая система. Mountain View, 2025.

² См., к примеру: *Luigino's, Inc., Appellee, v. Stouffer Corporation, Appellant*, 170 F.3d 827 (8th Cir. 1999) // Justia: справ. правовая система. Mountain View, 2025.

Поскольку потребитель не идентифицирует объект с охраняемым источником происхождения, оснований для признания этих действий нарушением исключительного права нет [39. Р. 209]. Из этого не следует вывод о правомерности действий по «размытию» товарного знака *per se* – применение нормативной теории лишь показывает, что они находятся за пределами системы интеллектуально-правовой охраны [40. С. 180–181].

Таким образом, нормативная теория позволяет выразить особенности содержания средства индивидуализации как сложной системы отношений референции. Это способствует уточнению границ интеллектуально-правовой охраны, что показывает пример проблемы «размытия» товарных знаков.

Заключение

Рассмотренные частные проблемы демонстрируют эвристический потенциал теории нормативного объекта:

1. Теория нормативного объекта позволяет отграничить объект интеллектуальных прав от смежных понятий идеального объекта и внешней формы – это расширяет спектр возможных решений проблемы кумулятивной охраны.

2. Теория нормативного объекта дает представление о содержании объекта интеллектуальных прав как типа, состоящего из структурных и контекстуальных признаков, – это исключает предоставление интеллектуально-правовой охраны уникальным достижениям.

3. Теория нормативного объекта предлагает детальное описание структуры средства индивидуализации как системы взаимосвязанных отношений референции – это исключает квалификацию в качестве нарушения исключительного права на товарный знак действий по его размытию.

Эти выводы являются подтверждением того, что нормативная теория способна внести значимый вклад в догматику интеллектуально-правовой охраны и сделать используемый для ее осмысления категориальный аппарат более точным – это, в свою очередь, будет способствовать принятию последовательных практических решений.

Литература и источники

1. Интеллектуальные права : учебник / под общ. ред. Е.А. Павловой. М. : Статут, 2023.
2. Право интеллектуальной собственности : учебник / под общ. ред. Л.А. Новоселовой. М. : Статут, 2017. Т. 1: Общие положения.
3. Hohfeld W. Fundamental Legal Conceptions as applied in Judicial reasoning // *The Yale Law Journal*. 1917. № 8.
4. Rahmatian A. Intellectual property and the concept of dematerialised property // *Modern studies in property law* / S. Bright (ed.) *Modern Studies in Property Law*. Vol. 6. Oxford : Hart Publishing, 2011.
5. Leistner M., Koroch S. Geistiges Eigentum // *Bonner Enzyklopädie der Globalität* / hrsg. von L. Kühnhardt, T. Mayer. Wiesbaden : Springer, 2017. S. 641.
6. Ahrens H.-J. Brauchen wir einen Allgemeinen Teil der Rechte des «Geistiges Eigentums»? // *GRUR*. 2006. № 8.
7. Ohly A. Europäische Grundsätze des Geistigen Eigentums // *Europäische Perspektiven des Geistigen Eigentums* / hrsg. von M. Leitner. Tübingen : Mohr Siebeck, 2010.
8. Teilmann-Lock S. The object of copyright: a conceptual history of originals and copies in literature, art and design. London : Routledge, 2016.
9. Bracha O. *Owning ideas: The intellectual origins of American intellectual property*. Cambridge : Cambridge University Press, 2016.
10. Pottage A., Sherman B. *Figures of invention: a history of modern patent law*. Oxford : Oxford University Press, 2010.
11. Sherman B., Bentley L. *The making of modern intellectual property law*. Cambridge : Cambridge University Press, 1999.
12. Peukert A. *A Critique of the Ontology of Intellectual Property Law*. Cambridge : Cambridge University Press, 2021.
13. Stobbe O. *Handbuch des Deutschen Privatrechts*, Vol. I. Berlin : W. Hertz, 1885.
14. Klippel D. Die Idee des geistigen Eigentums in Naturrecht und Rechtsphilosophie des 19. Jahrhunderts // *Historische Studien zum Urheberrecht in Europa* / hrsg. v. Wadle E. Berlin : Duncker und Humblot, 1993.

15. Kohler J. Das Autorrecht: eine zivilistische Abhandlung. Jena : Verlag von G. Fischer, 1880.
16. Pahlow L. Josef Kohler und der Begriff des Immaterialgüterrechts // Zeitschrift für geistiges Eigentum. 2018. № 4.
17. Kohler J. Handbuch Des Deutschen Patentrechts in Rechtsvergleichender Darstellung. Mannheim : J. Bensheimer Verlag, 1900.
18. Kohler J. Das Immaterialgüterrecht und seine Gegner // UFITA. 1993. № 123.
19. Ross A. Ophavsrettens Grundbegreber // Tidsskrift for Rettsvitenskap. 1945.
20. Merges R. Property rights theory and the commons: the case of scientific research // Social Philosophy and Policy. 1996. № 2. P. 146–147.
21. Netanel N. Copyright and a democratic civil society // Yale Law Journal. 1996. № 2.
22. Samuelson P. Information as Property: Do Ruckelshaus and Carpenter signal a changing direction in intellectual property law // Catholic University Law Review. 1988. № 2.
23. Флейшиц Е.А. Личные права в гражданском праве Союза ССР и капиталистических стран. М. : Юридическое издательство НКЮ СССР, 1941.
24. George A. Constructing intellectual property. Cambridge : Cambridge University Press, 2012.
25. Rognstad O.A. Property aspects of intellectual property. Cambridge : Cambridge University Press, 2018.
26. Schöneich A. Der Begriff der Dinglichkeit im Immaterialgüterrecht. Baden Baden : Nomos Verlag, 2017.
27. Hick D.H. Artistic License: The Philosophical Problems of Copyright and Appropriation. Chicago : University of Chicago Press, 2017.
28. Елисеев В.И. Проблемы кумулятивной охраны результатов интеллектуальной деятельности // Законодательство. 2017. № 2.
29. Kur A. Too Pretty to Protect? Trade Mark Law and the Enigma of Aesthetic Functionality // Technology and Competition: Contributions in Honour of Hanns Ullrich / ed. by Drexl J., Hilty R., Boy L., Godt C. Bruxelles : Editions Larcier, 2009.
30. Kur A. Cumulation of Rights with Regard to Threedimensional Shapes – Two Exemplary Case Studies // Les cumuls des droits intellectuels / Éd. par Dusollier S., Cruquenaire A. Bruxelles : Larcier, 2009.
31. Kur A., Levin M., Schovsbo J. Concluding Remarks and Observations // The EU Design Approach / ed. by A. Kur, M. Levin, J. Schovsbo. Cheltenham : Edward Elgar Publishing, 2018.
32. Мечковская Н.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура. М. : Академия, 2004.
33. Merrell F. Charles Sanders Peirce’s concept of the sign // The Routledge Companion to Semiotics and Linguistics / ed. by P. Cobley. London : Routledge, 2005.

34. Peirce C.S. Collected papers of Charles Sanders Peirce. Cambridge : Harvard University Press, 1974.
35. Fisher J. Student positions and opinions // International Journal for the Semiotics of Law. 2010. № 23.
36. Bell T.W. Virtual trade dress: A very real problem // Maryland Law Review. 1997. № 2.
37. Nöth W. The language of commodities Groundwork for a semiotics of consumer goods // International Journal of Research in Marketing. 1988. № 3.
38. Beebe B. The Semiotic Analysis of Trademark Law // UCLA Law Review. 2003. № 3.
39. Karnezos E. Trademarks: A Social Perspective // The Semiotics of Law in Legal Education / ed. by J. Broekman, F.J. Mootz. Dordrecht : Springer, 2011.
40. Айрапетов Н.А. Защита товарного знака от «фразмытия» // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 10.

**ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ
В ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ**

Елена Геннадиевна Царёва

Старший научный сотрудник – заместитель начальника центра организации научной деятельности ФГБУ «Федеральный институт промышленной собственности», elena.tsareva@rupto.ru

ОЦЕНКА ВКЛАДА ОБЪЕКТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНА: ПОДХОДЫ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ РЕШЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается роль объектов интеллектуальной собственности как ключевого ресурса в формировании и использовании инновационного потенциала региона. Проанализированы основные методические подходы к оценке инновационного потенциала региона и обоснована необходимость включения в них показателей системы, отражающих состояние и эффективность использования объектов интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: инновационный потенциал региона, интеллектуальная собственность, инновационное развитие, региональное развитие, региональная экономика

В современном мире интеллектуальная собственность становится важнейшим ресурсом инновационного развития регионов.

Развитие экономических знаний требует эффективного управления интеллектуальной деятельностью. Для регионов это означает поиск новых подходов к оценке вклада интеллектуальной собственности в инновационный потенциал [1].

Актуальность темы обусловлена задачами экономических преобразований и необходимостью повышения конкурентоспособности регионов. Сегодня интеллектуальная собственность – не просто юридический инструмент, а стратегический фактор роста и устойчивости региональной инновационной системы.

Исследователи указывают на дисбаланс между регионами в уровне инновационной активности и разницу в темпах внедрения инноваций [2].

В качестве факторов, препятствующих наращиванию темпа и повышению инновационной деятельности, отмечаются:

- недостаток инвестиций;
- отсутствие тесной связки между наукой и бизнесом;
- значительный цифровой разрыв между регионами.

Для нивелирования этих факторов предлагается при оценке инновационного потенциала учитывать показатели, характеризующие не только состояние экономики, но и социальные, инфраструктурные и технологические аспекты.

Методика, предлагаемая исследователями из Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, предполагает акцент на цифровизацию и инфраструктуру инноваций. Обращая внимание на позицию исследователей по отношению к показателям, характеризующим ИС, можно отметить, что в рассматриваемой методике к данной группе можно отнести применяемый для оценки «коэффициент изобретательской активности (число заявок на патенты на изобретения на 10 тыс. населения)», отраженный в блоке «эффективность инновационной деятельности».

При этом специфика такого показателя скорее характеризует инновационный потенциал, нежели инновационную деятельность, поскольку заявка на патент еще не гарантия получения патента, а наличие патента не всегда говорит о внедрении инноваций в реальный сектор экономики. По данным Роспатента [3], соотношение поданных заявок на изобретения к выданным патентам составляет примерно 1,32:1 в 2024 г. (т.е. около 1,3 заявки на один выданный патент) – 75,6% заявок были реализованы в патенты. По сравнению с предыдущими годами разрыв между числом поданных заявок и выданными патентами увеличивается. В 2021–2023 гг. разница между показателями была относительно

стабильной: доля выданных патентов составляла примерно 77–82% от числа заявок (рис. 1).

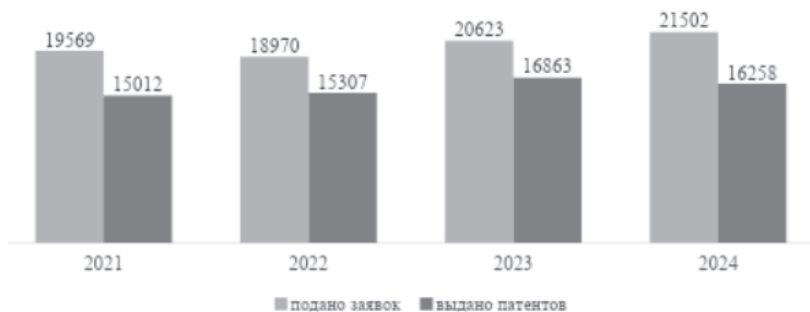

Рис. 1. Соотношение подачи заявок на изобретения от российских заявителей и числа выданных патентов, 2021–2024 гг.

Данные об использовании патентов на изобретения хоть и демонстрируют небольшой рост, однако составляют не более 10% от числа патентов [4]. По состоянию на 31 декабря 2024 г. используется лишь 20 759 патентов из 243 943 действующих, что составляет около 8,5% от общего числа (рис. 2).

Рис. 2. Количество использованных объектов интеллектуальной собственности (изобретения), 2019–2024 гг.

Методика расчета уровня инновационного развития регионов РФ, применяемая ВШЭ, учитывает также этот показатель (число

заявок на изобретения), однако использует его при оценке научно-технического потенциала, что гораздо точнее учитывает его специфику, исходя из места инновационного потенциала в инновационной системе региональной экономики [5]. Инновационный потенциал служит основной платформой для развития инноваций, поскольку включает в себя все базовые элементы, обеспечивающие прохождение всех стадий инновационного процесса [6].

В логике взаимосвязи ключевых терминов инновационной сферы инновационная деятельность представляют собой процесс, результатом которого становятся инновации; инновационная активность характеризует показатели и особенности этого процесса; инновационный потенциал выступает в качестве ресурса, определяющего возможности для осуществления инновационной деятельности (рис. 3) [7].

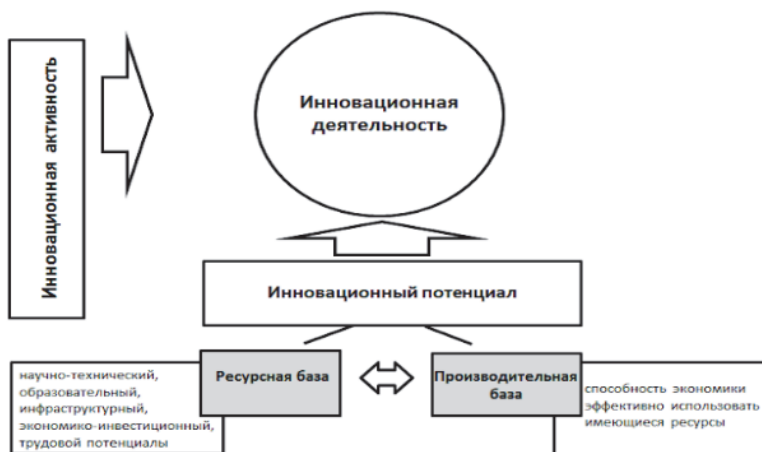

Рис. 3. Схема взаимодействия понятий «инновационный потенциал», «инновационная активность», «инновационная деятельность»

В структуре российского регионального инновационного индекса прослеживается аналогичный подход. Рейтинг охватывает

85 субъектов РФ, оцениваемых по 55 показателям, объединенным в пять тематических блоков:

- социально-экономические условия инновационной деятельности,
- научно-технический потенциал;
- инновационная активность;
- экспортная активность;
- качество инновационной политики.

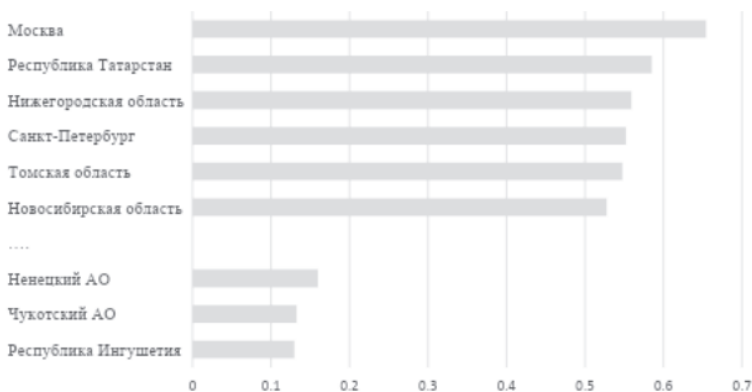

Рис. 4. Данные рейтинга субъектов РФ по значению российского регионального инновационного индекса

Томская область входит в топ-шесть территорий, занимая почетное пятое место по индексной оценке и первое место в рейтинге по научно-техническому потенциалу (рис. 4).

Второй тематический блок показателей рейтинга характеризует научно-технический потенциал, способствующий созданию инноваций, и включает достаточно обширный блок показателей, отражающих состояние ресурсов (финансовых, кадровых, материально-технических) и результативность научных исследований и разработок. Из 15 показателей только один связан с интеллектуальной собственностью – «количество патентных заявок на

изобретения, по данным по региону в Роспатенте, на 1 млн занятых в экономике региона».

Учитывая, что интеллектуальная собственность фактически представляет собой охраняемый инновационный потенциал, материализованный и способный стимулировать экономический рост региона, можно сделать вывод, что интеллектуальная собственность играет ключевую роль среди ресурсов, обеспечивая переход к продуктивному инновационному потенциалу, воплощённому в новых технологиях, продуктах и услугах.

Таким образом, расширение инструментария оценки инновационного потенциала региона за счет дополнения методик показателями ИС позволит более полно и объективно охарактеризовать возможности региона в сфере инновационного развития. Применение показателей интеллектуальной собственности при оценке инновационного потенциала даст возможность оценить уровень защищенности и практической реализации новых разработок, а также эффективность коммерциализации результатов интеллектуального труда. Это, в свою очередь, позволит выявлять направления для усиления инновационной активности и формирования обоснованных управленческих решений в стратегическом развитии регионов.

Литература и источники

1. Дорошенко Ю.А., Иноземцева А.А. Современные методические подходы к оценке инновационного потенциала региона // *Beneficium*. 2022. № 2 (43). С. 34–40.
2. Джалалов Р.Г., Бугаева Т.М., Сумликина А. Оценка инновационной деятельности регионов России: методы, проблемы и перспективы // *π-Economy*. 2025. Т. 18, № 3. С. 100–112.
3. Годовой отчет за 2024 год // Официальный интернет-сайт Федерального института промышленной собственности. 2025. URL: <https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/1/RP-AR-2024.pdf> (дата обращения: 30.10.2025).
4. Аналитические исследования сферы интеллектуальной собственности 2024: Центральный федеральный округ / А.В. Александрова, А.В. Молодкин,

О.Е. Бацокина [и др.]. М. : Федеральный институт промышленной собственности (ФИПС), 2025. 129 с.

5. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Вып. 10 / В.Л. Абашкин, Г.И. Абдрахманова, С.В. Артёмов и др.; под ред. Л.М. Гохберга, Е.С. Куценко. М. : ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. URL: <https://issek.hse.ru/news/1068199937.html> (дата обращения: 30.10.2025).

6. Сотникова А.А. Методологические аспекты определения инновационного потенциала региона // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. № 3. С. 64–71.

7. Царева Е.Г., Волков А.Т. Роль и место интеллектуальной собственности в структуре инновационного потенциала региона // Управление наукой и наукометрия. 2024. Т. 19, № 2. С. 362–383.

СОДЕРЖАНИЕ

Ивлиев Г.П. Евразийское правовое регулирование интеллектуальной собственности в XXI веке	3
---	---

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРАВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Калятин В.О. Проблемы использования базы данных, созданной с применением искусственного интеллекта	11
Чурилов А.Ю. «Использование» искусственным интеллектом объектов авторского права: непопулярное мнение о пределах охраны	21

ОХРАНОСПОСОБНОСТЬ ОБЪЕКТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ

Абраменко О.И. Современные подходы к патентованию IT-решений: анализ практик России, США, ЕПВ	35
Истомин И.И. Особенности правовой охраны полезных моделей в РФ и за рубежом	45
Петровская Е.В. Правовая охрана дизайна: критерии выбора правового режима	63
Савина В.С. Производные произведения в контексте права на неприкосновенность	76
Копылов А.Ю. Правовая природа пародийного произведения	81
Богданова Т.Д. Правовая охрана составных произведений и защита прав на них	87

ЗАЩИТА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ

Дедков Е.А. Компенсация за нарушение прав на интеллектуальную собственность: новые «правила игры» с января 2026 года	96
---	----

Кожемякин Д.В. Соотношение способов расчета компенсации за нарушение исключительного права.....	113
Иванова М.Г. Актуализация методов социологического исследования правомерности использования товарных знаков.....	120
Бабинцева И.О. Проблема множественности при определении компенсации за незаконное использование нескольких объектов интеллектуальной собственности	130

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ: НОВЫЕ ИМЕНА

Гилев В.М. E-commerce и интеллектуальная собственность в РФ: актуальные проблемы и противоречия	137
Костин А.В. Свободное использование товарного знака: от общего теста к виртуальным мирам.....	150
Толубаева Е.И. Использование товарного знака в контексте ст. 1486 ГК РФ: сложные случаи правоприменения	166
Николаева З.Е. Будущее принудительного лицензирования в эпоху глобальных вызовов: проблемы текущего правоприменения и пути их решения.....	175
Пакшин П.К. Произведения, созданные искусственным интеллектом: основания применения критерия инвестиций.....	190
Куликов О.А. Правовая природа объекта исключительного права и ее практическое значение.....	204

ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Царёва Е.Г. Оценка вклада объектов интеллектуальной собственности в инновационный потенциал региона: подходы и институциональные решения.....	219
--	-----

Научное издание

**Интеллектуальные права:
вызовы XXI века**

**Сборник докладов VII Международной
научно-практической конференции
«Интеллектуальные права: вызовы XXI века»
(13–15 ноября 2025 г.)**

Редактор В.Г. Лихачева
Компьютерная верстка А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Подписано к печати 03.12.2025 г. Формат 60×84¹/₁₆.
Бумага для офисной техники. Гарнитура Times.
Печ. л. 14,2. Усл. печ. л. 13,2. Тираж 500 экз. Заказ № 6595.

Отпечатано на оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел. 8+(382-2)–52-98-49
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

ISBN 978-5-908040-34-1

9 785908 040341 >